

БОГАТЕНЬКИЕ ПАРНИ ИЗ
ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ АКАДЕМИИ БЁРБЕРРИ.
ГОД ВТОРОЙ

СКВЕРНАЯ ГОЛУБАЯ КРОВЬ

МЕСТЬ - ПОРОЧНО СЛАДКА...

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

К. М. СТАНИЧ

Сломать богатеньких парней.

Это сложно, но выполнимо.

Придурки вроде них не заслуживают того, чтобы править Академией Бёрберри.

Нет, Тристан, Зейд и Крид заплатят, и я планирую поставить их в пример.

А ещё есть Зак, школьный футболист. О, и я упоминала, что принца только что перевели в академию? Что мне делать с этими двумя?

Месть порочно сладка; я не могу дождаться, когда попробую её на вкус.

Защищаться от Работяжки, несчастного случая благотворительности.

Мы — Идолы академии, короли кампуса.

Марни Элизабет Рид.

Эта девушка совсем не похожа на тех, к кому мы привыкли. Мы просто не можем решить, ненавидим ли мы её... или любим.

Может, она и появилась из ниоткуда, но она определённо полна решимости что-то изменить в академии.

Она говорит, что примет наш вызов с честью; мы позаботимся о том, чтобы она пожалела об этом.

К. М. Станич
Скверная Голубая Кровь
Богатенькие парни из Подготовительной Академии
Бёрберри — 2

Переводчик: Lana.Pa

Редактор: Настёна

Обложка: Wolf A.

Переведено для группы *Золочевская Ирина* || *Б. Б. Рейд* — vk.com/zolochevskaya_irina

Примечание автора

****Возможные спойлеры****

«Скверная Голубая Кровь» — это роман о гареме наоборот, школьных хулиганах и продолжение «Подлых Богатеньких Парней». Что именно это значит? Это означает, что у нашей главной героини, Марни Рид, к концу серии будет как минимум три любовных увлечения. Это также означает, что на протяжении большей части этой книги любовные интересы и главные герои вцепятся друг другу в глотки. Эта книга ни в коей мере не оправдывает планы мести и не романтизирует их. Если любовные интересы в этой истории хотят расположить к себе главную героиню, им придётся изменить свой образ жизни, принять её месть и принять её прощение.

Карма — сука, особенно когда она приходит в лице Марни Рид.

Любые сцены поцелуев/секса с участием Марни разрешены по обоюдному согласию. Возможно, эта книга и о старшеклассниках, но я не назвала бы их детьми. Персонажи жестокие, эмоции настоящие, нецензурная лексика широко используется. Есть некоторые случаи употребления алкоголя несовершеннолетними, сексуальные ситуации, упоминания о прошлых попытках самоубийства и другие сценарии для взрослых.

Ни одному из главных героев не меньше шестнадцати лет. У этой серии будет счастливый конец в четвертой и последней книге.

РОЯЛ ПОИНТ

дом на побережье и гостевой домик

BURBERRY
PREPARATORY ACADEMY

Обозначения карты

А. Главный дом	Д. Беседка
В. пляжный домик	Е. Горящая лодка
С. Парковка	Ф. Пристань

На воде пляшут языки пламени.

Как это произошло, я понятия не имею. Я прижимаю пальцы к груди, сердце бешено колотится. *Я чуть не утратила способность играть на арфе... навсегда.* Эта история с девушками-Идолами — гораздо больше, чем просто отвратительный случай издевательств. Всё, что связано с Клубом Бесконечности, намного темнее и запутаннее, чем я думала изначально.

Тристан стискивает зубы, его руки сжаты в кулаки по бокам. То, как он смотрит на Харпер Дюпон, наводит ужас. Если бы я была на её месте, я бы бежала. Прямо сейчас. Но она этого не делает. Вместо этого она бросает взгляд своих голубых глаз вправо, проверяя, на месте ли её подружки, прежде чем начать новую атаку.

— Что бы ты ни собиралась сделать, — говорит Тристан, его голос гладок, как шёлк, — не смей. — На последнем слогe его тон становится жёстче, что идеально соответствует ярости на его лице. *«Они спасли меня»*, — думаю я, переводя взгляд с Тристана на окровавленную губу Зейда и на Крида, обнимающего Миранду. Зак стоит на противоположной стороне лодки, позади Харпер и её новых друзей.

— Если вы это сделаете, — говорит Харпер, делая шаг вперёд, её короткие каштановые волосы развеваются на ветру. Мне приятно видеть, что они вот так обрезана. *Не рой яму другому.* Я делаю шаг назад и натываюсь на Зейда. Он обнимает меня, и все эти странные чувства захлестывают меня. Мой разум меняется с каждым ударом моего сердца. *Пожалуйста, не прикасайся ко мне; прикасайся ко мне ещё; отойди от меня; целуй меня, пока я не увижу звёзды.* — Тогда вы отказываетесь от контроля над академией. Вы все Плебеи.

Эбигейл Фаннинг и Валентина Питт окружают Харпер, когда она выходит вперёд, стул, к которому они меня привязывали, разделяет пространство между нами. Я пытаюсь посмотреть мимо них, чтобы увидеть Зака, и замечаю, что у него тоже идёт кровь, но гораздо сильнее, чем у Зейда.

— Если ты думаешь, что мы так легко сдадимся, — начинает Крид, как всегда, скучающе, но, когда я смотрю на него, его голубые глаза встречаются с моими, и между нами пробегает странная искра. Его тоже трясёт, но он пытается скрыть это, убирая с лица прядь белокурых волос. — Тогда ты явно была не особо внимательной. Мы уничтожим тебя.

Рот Харпер такой злой, когда он изгибается в ухмылке, а отражение пламени в её глазах отражает ненависть в её сердце. Большая часть Внутреннего круга поддерживает её, её новых подружек и трёх парней, которых она выбрала, чтобы занять места Тристана, Зейда и Крида в качестве Идолов.

— Значит, вы разрушите величайшее собрание Голубокровных в истории Бёрберри ради какой-то простолюдинки? Мы — будущие правители *мира*. Люди живут и умирают в зависимости от решений, которые принимают наши семьи. Тристан, я твоя *невеста*. — Харпер делает ещё один шаг вперёд, а затем останавливается, когда лестница справа от неё скрипит и раскачивается.

Появляется Виндзор Йорк, винтик в шестерёнках этой машины, его рот искривляется в ухмылке.

— Ну, чёрт возьми, — ругается он, подтягиваясь к краю и затем вставая. Он проводит

ладонями по своей белой форме второкурсника. Его карие глаза сверкают, когда он оглядывает Харпер, стул, меня. — Похоже, я немного опоздал на вечеринку.

Он подходит и встаёт перед Зейдом, протягивая мне руку. Языки пламени играют на его рыжих волосах, заливая их оранжевым светом. Я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к нему, но Зейд тянет меня назад. Виндзор приподнимает бровь и вздыхает.

— Да, опоздал, придурок, — огрызается Зейд, но я толкаю его локтем и вырываюсь из его объятий, обхватывая себя руками и сохраняя собственное пространство. Мне нужно постоять за себя; я никому не могу доверять. Больше нет. — Если бы мы не оказались здесь, когда мы... — его голос затихает, но он должен знать, что Виндзор на моей стороне. Он был там с самого первого момента.

Обернувшись, принц окидывает группу Харпер скептическим взглядом.

— Я сломал мотор на лодке твоих друзей, — говорит он с чётким и очаровательным английским акцентом. — Не думаю, что они появятся сегодня вечером. — Лицо Харпер, уже окрасившееся в красно-оранжевый цвет из-за огня, теперь похоже на спелый помидор. Она в ярости. — И я не опаздываю. — Он закатывает глаза и подмигивает мне с улыбкой. Я почти улыбаюсь в ответ. Почти. Я сейчас слишком растеряна. — Я видел, как Зак поднимался сюда, а эти идиоты тащились за ним. — Он показывает большим пальцем в сторону парней-Идолов, и Тристан рычит на него. Почти в буквальном смысле.

— Моё время было потрачено в другом месте с большей пользой. О. — Виндзор щёлкает пальцами, а затем наклоняется, чтобы приподнять край своей рубашки.

Там есть татуировка, татуировка *бесконечности*.

Все замолкают, когда Виндзор сбрасывает рубашку и вздыхает.

— Я сопротивлялся Клубу долгое, очень долгое время, но Марни нужен кто-то внутри, кто прикрывал бы её спину, так что... я здесь! — он поднимает руки вверх для выразительности, а затем опускает их по бокам. — О, и я ужасный, грязный грёбаный придурок. У меня нет трастового фонда или родителей, дышащих мне в затылок и контролирующих мой кошелек: у меня есть *девять* миллиардов личных активов, с которыми можно поиграть. — Виндзор делает паузу, скрещивая одну руку на груди и опуская локоть другой на ладонь. — Ну, я полагаю, *двенадцать* миллиардов в долларах США.

— Ты думаешь, что можешь угрожать мне? — Харпер давится смехом. — Какой-то десятый принц из страны, о которой никто даже не знает?

— Англия? — спрашивает Виндзор, и в его голосе слышится ирония. — Ты ведь знаешь, откуда пришли пилигримы, верно?

Харпер отворачивается от него к Тристану, ясно понимая, что с Виндзором Йорком ничего не добьёшься. Он просто делает то, что хочет, будь проклят весь остальной мир.

— Последний шанс, Тристан, — говорит она, и когда я вижу, как он зловеще ухмыляется, я знаю, что он не сдастся.

— Ты пожалеешь, что вообще встретила меня, — отвечает Тристан стальным голосом. Он наблюдает, как Зак обходит стаю Голубокровных и встаёт рядом со мной. По его лицу сбоку тычет кровь, и я решаю, что, как только мы выберемся отсюда, он отправится к врачу. Его тёмные глаза встречаются с моими, и я вздрагиваю. Если бы он не взял на себя Грега и Джона ради меня...

— Считай, что ты добился своего, — визжит Харпер, срывая кольцо со своего пальца и бросая его в Тристана. Он ловит его, идеально, одной рукой. Моё сердце пропускает несколько ударов, когда он поворачивается ко мне, сверкая серебристыми глазами.

— Поехали. У меня есть одна из папиных яхт. — Он подходит, встаёт передо мной, наклоняется и обхватывает ладонями моё лицо. Зейд, Крид и Зак напрягаются. Виндзор хихикает, этот лёгкий, воздушный звук эхом разносится по озеру. Тристан, удерживая моё лицо в ладонях, проводит большим пальцем по моей нижней губе, а затем ухмыляется Виндзору. Пока он отворачивается, я отстраняюсь, увеличивая дистанцию между собой и парнями.

Миранда встречается со мной взглядом, и в её взгляде есть интересная дихотомия: наполовину страх, наполовину ревность.

Она движется ко мне, подальше от рук Крида, и его челюсть сжимается, когда Миранда приближает губы к моему уху.

— Который из них? — шепчет она, бросая взгляд на пятерых парней на лодке. Харпер и её дружки медленно уходят, но с обеих сторон есть яд. В следующем году... будет война.

Прежде чем у меня появляется шанс ответить ей, Тристан встаёт прямо перед Виндзором.

— Ты, проваливай домой, в Англию, и отъебись; ты нам здесь не нужен.

— А кому это, собственно, *нам*? — спрашивает Виндзор, поднимая на меня свои карие глаза. В них отражаются танцующие языки пламени, когда он улыбается и приподнимает тёмную бровь. Тристан переводит взгляд с меня на него и хмурится, выпрямляясь во весь рост и расправляя своё шерстяное пальто. — Насколько я могу судить, Марни очень нуждается во мне.

— Это ещё почему? — рывкает Тристан, вздёргивая подбородок. Несмотря на внутреннюю борьбу среди парней-Идолов за трон... Я думаю, что корона всё ещё принадлежит Тристану Вандербильту. Он могущественный враг и потенциальный союзник. Но могу ли я доверять ему?

Сомнительно.

— Потому что, — отвечает Виндзор, невинно моргая и протягивая руку, чтобы указать на меня, — мы встречаемся.

Зейд чертыхается себе под нос, Крид ухмыляется, а Зак хмурится.

Тристан ничего не говорит, глядя на меня сверху вниз штормово-серыми глазами. А потом он поворачивается, уходит и останавливается на краю лодки. Харпер Дюпон стоит там и ждёт. Сначала она встречается взглядом с Тристаном, а затем переводит свой взгляд на меня.

— Наслаждайся этим летом, Марни. Оно станет последним. — Она поворачивается, исчезает внизу по трапу, и вскоре мы слышим звук заводящегося лодочного мотора.

— Она только что угрожала моей жизни? — задаюсь я вопросом вслух, но никто ничего не говорит. Академия закончилась, началось лето, и утром мы все собираемся по домам. Я вернусь в Круз-Бей к своему отцу, а парни отправятся... куда бы они ни отправились.

На данный момент всё стоит на паузе.

Наступит сентябрь, и все перчатки будут сброшены.

— Пойдём, Марни, у меня тоже есть лодка, — говорит Миранда, беря меня за руку и уводя подальше от парней. Я не смотрю ни на кого из них, когда прохожу мимо Тристана и спускаюсь по лестнице.

Второй год в Подготовительной академии Бёрберри был тяжёлым.

Третий год будет настоящим кошмаром.

Последний человек, которого я ожидаю увидеть на пороге своего дома — это Зак Брукс.

У меня от удивления отвисает челюсть, и я захопываю перед ним дверь. Он протягивает ладонь и останавливает её на полпути, протискиваясь внутрь, в то время как я в шоке прислоняюсь спиной к стойке. Его карие глаза потемнели от гнева, и они сузились, глядя на меня.

— Зак, — начинаю я, моё сердце бешено колотится в груди. Я не видела его с того рокового дня в домике. Мы даже не переписывались. Ну, может быть, он написал мне сообщение, но я заблокировала его несколько месяцев назад.

— Марни. — Он выдыхает, стоя надо мной в своей спортивной куртке и джинсах. Его тёмные волосы длиннее, чем, когда я видела их в последний раз, и то, как они падают ему на лоб, заставляет мои руки дрожать. — Ты не хочешь со мной разговаривать. У меня не было другого выбора, кроме как прийти сюда.

— У тебя нет другого выбора, кроме как пробиваться в мой дом с боем? — спрашиваю я, понимая, пока мы стоим там, что вагон поезда слишком мал для его крупного тела. Он захватывает пространство своим присутствием, заполняя его настолько, что мне становится трудно дышать. — Может быть, ты мог бы понять намёк? *Я не хочу с тобой разговаривать.*

Я отвожу взгляд, и моё сердце слегка колотится. Это ложь. Я действительно хочу поговорить с ним; я просто не собираюсь этого делать.

— Очень жаль. Я хочу поговорить с тобой. Я имею право объясниться без того, чтобы... они разыгрывали драму. — Он делает шаг ко мне, но я продолжаю отворачиваться. Я не собираюсь смотреть на него, не прямо сейчас. Последние несколько месяцев были прекрасными, наполненными солнечным светом, однодневными поездками на пляж и моим десятым и одиннадцатым перечитыванием книг о Гарри Поттере. Последнее, что мне нужно, это ухаб на дороге, который разрушит мою последнюю мирную неделю лета. — Не думай, что я не слышал о том, что произошло в последний день...

— Пожалуйста, не надо, — выдыхаю я. Это последнее, о чём я хочу думать прямо сейчас, о краске, стекающей по щекам, о моей разбитой губе и о выражении лица Зейда... *«Единственным призом... был этот трофей. Мы сделали это ради забавы».* Слова Тристана пронзают меня насквозь, и я отталкиваюсь от стойки, направляясь по коридору к своей комнате.

Зак следует за мной, и я оказываюсь в ловушке на своей кровати, а его огромное тело заполняет дверной проём.

Мои руки сжимаются в кулаки. Я добавила его имя в свой список мести. Почему я не должна этого делать? Он пытался сломить меня в средней школе, и ради чего? Пари. Поспорил, что попадёт в этот дурацкий грёбанный Клуб.

«Клуб Бесконечности пойдёт ко дну», — думаю я, и опускаю руку на правое бедро. Есть татуировщик, которого некоторые из моих одноклассников подкупали, когда я училась в Лоуэр-Бэнкс, чтобы сделать нелегальную татуировку. Я возьму тысячу долларов из выигранных денег и завтра отправлюсь туда, чтобы сделать себе татуировку.

Чего мне не нужно, так это Зака Брукса, стоящего в моей комнате и смотрящего на меня своими тёмно-коричневыми глазами.

— Ты должна, по крайней мере, выслушать меня, — говорит он, когда я сажусь на край

своей кровати.

Я провела всё лето, записывая ужасные вещи о нём в свой блокнот, но всё это было напрасно. Я не знаю, как причинить ему боль так, как он причинил боль мне. Поднимая глаза, я вижу только извинение и печаль в его глазах. Не то что у Крида. Или Зейда. Или Тристана. Они определённо не сожалели.

Мои пальцы впиваются в покрывало; это единственный способ удержать их от того, чтобы не дотянуться до ожерелья, которое висит у меня на груди. Я пыталась продать его — дважды — но у меня ничего не вышло. Продавая его, я чувствовала, что позволяю ему выиграть. Мне не нужны деньги Тристана Вандербильта. Я верну его в первый же день учёбы.

— Разве ты уже не причинил мне достаточно вреда? — шепчу я, и мы оба замираем при звуке открывающейся входной двери.

— Милая, это я. — Голос папы эхом отдаётся в маленьком пространстве как раз перед тем, как я слышу его шаги. Он останавливается в коридоре, соединяющем второй пассажирский вагон, в котором находятся наши спальни, с первым вагоном поезда, в котором есть гостиная, кухня и ванная комната. — Зак, давно не виделись. Не хочешь остаться на ужин?

— Не могу. Планы с моей мамой. — Зак прислоняется плечом к стене, его безжалостный взгляд пригвозждает меня к кровати. Я чувствую, что не смогла бы встать, даже если бы попыталась.

— Ну, если у тебя будет время в пятницу, то у Марни день рождения, — начинает папа, и я съёживаюсь. — Поскольку здесь только я и Марни, может быть, было бы неплохо взять с собой друга? — его голос звучит достаточно серьёзно, но мне интересно, знает ли папа, что его слова ранят меня до глубины души. У меня были друзья. Какое-то время у меня много чего было. У меня были Миранда и Эндрю, Зак и Лиззи, и... Идолы.

Какое-то время я действительно верила, что они у меня есть.

Конечно, эта дружба утекла у меня сквозь пальцы, как песок, и папе пришлось увидеть... ну, больше, чем отец когда-либо должен видеть. Он видел, как я целовалась с Кридом в полотенце, целовалась с Зейдом на своей кровати и позволяла Тристану лапать меня в библиотеке. И мои трусики...

Унижение накатывает на меня волной, но у меня было целое лето, чтобы научиться превращать его в гнев. Мой взгляд скользит по моей кожаной сумке для книг, лежащей на краю моего стола. Я записала свой список мести в блокнот и наполнила его идеями. Идеями и правилами. Потому что, если вы не можете доверять себе, то вы обречены на неудачу.

— В пятницу... — начинает Зак, а затем вздыхает и засовывает руки в карманы. — Я буду здесь.

— Отлично! Мы выезжаем ровно в восемь, не позже. Это традиция — есть блины на вокзале в день рождения Марни. — Папа выскальзывает обратно на улицу, позволяя двери захлопнуться за ним. Я слышу, как он вкатывает решётку на место.

— Я не жду, что ты простишь меня, но я хотел, по крайней мере, прийти и сказать тебе, что планировал поговорить с тобой той ночью.

— Ну, конечно, — говорю я, прикидывая, смогу ли я пройти по коридору, прежде чем Зак прервёт меня. — Послушай, ты сейчас немного вне поля моего зрения, так почему бы тебе просто не уйти, и мы сможем притвориться, что никогда не встречались друг с другом?

— По крайней мере, разблокируй Лиззи и поговори с ней, — просит он, но это

невозможно. Даже если бы я была склонна снова поговорить с Лиззи, она слишком увлечена Тристаном. — Дай ей шанс извиниться. Ей было тошно от всего этого, и не только из-за нашего пари. Она в ярости от Голубокровных Бёрберри. Чёрт возьми, этим летом она фактически выставила против них элиту Подготовительной Академии Ковентри. Хэмптонс... превратился в социальную кровавую баню.

Это заинтриговало меня, но, чтобы получить больше информации, мне придётся поговорить либо с Лиззи, либо с Заком. Ни один из них не является тем, кого я хочу видеть в своей жизни прямо сейчас. Большая часть моего гнева сосредоточена на парнях-Идолах. Я должна вернуться в ту академию, к тем людям, и мне нужно сделать больше, чем просто оставаться в обороне. Если я хочу сделать успешную карьеру в академии, мне нужно показать остальным, что мной больше не будут помыкать.

— Мне всё равно, — шепчу я, и Зак ворчит, отталкиваясь от стены и делая шаг ко мне. Пространство настолько маленькое, что мы практически оказываемся лицом к лицу.

— Нет, тебе не всё равно. Потому что Тристан Вандербилт влюблён в Лиззи Уолтон, и этим летом она подвергла его испытаниям. Всё, что я хочу сказать, это то, что у тебя есть союзница, если она тебе нужна.

— Какая мне от этого польза, когда она учится в совершенно другой школе? — огрызаюсь я, чувствуя, как меня снова охватывает гнев. Это будет самая трудная часть — сдерживать его и направлять соответствующим образом. — В Бёрберри только я против всего мира; я уже смирилась с этим.

— Я бы так не сказал, — говорит мне Зак, его глаза, как раскалённые угли, скользят по моему телу. Через мгновение он поворачивается и направляется обратно по коридору, останавливаясь как раз перед тем, как выскользнуть через парадную дверь. — Увидимся в пятницу.

— Не рассчитывай на это, — шепчу я, а затем встаю и достаю свой блокнот из сумки. На обложке всего один гигантский красный символ бесконечности с кривой чертой через него. Клуб Бесконечности. Их родители могут обладать неограниченными ресурсами, как сказала Лиззи, они могут контролировать мир, но это лишь младшая версия.

Никогда не рано научиться смирению.

На следующий день я выскальзываю из дома после того, как папа уходит на работу, и прохожу шесть кварталов до тату-салона под названием «Подземелье Шейда». Парень, который им руководит, — мерзавец, но он также единственный человек в городе, знакомый мне, который сделает татуировку почти шестнадцатилетней девушке, действительно хорошо поработает, воспользуется чистой иглой и избежит заражения.

— Ты и вправду пришла, — говорит он, протирая стул сильным антисептиком, когда я вхожу внутрь. — У тебя есть деньги? — я достаю пачку наличных, которую получила в банкомате, и отдаю её ему. Он пересчитывает их — дважды — а затем засовывает в задний карман. — Присаживайся, и давай побыстрее покончим с этим.

Я замираю, моя рука всё ещё лежит на двери. Ещё не слишком поздно развернуться и уйти. Часть меня задаётся вопросом, должна ли я, должна ли я отказаться от этого дурацкого плана мести и просто уйти из Подготовительной Академии Бёрберри. Гренадин-Хайтс — хорошая школа, и я всё равно поступила бы в отличный университет после окончания учёбы...

Но нет, нет.

Идолы... они должны знать, что их деньги не делают их богами. Они не имеют права

играть с жизнями людей так, как они играли с моей. Мои глаза внезапно закрываются, и наворачиваются слёзы, но я уже столько раз боролась с ними в течение лета. Что значит такое ещё один?

— Послушай, малышка, если ты не собираешься делать...

Мои глаза резко открываются.

— Я сделаю.

Я подхожу к кожаному сиденью и сажусь, в то время как татуировщик закатывает глаза и неуместно ругается себе под нос, что-то о *грёбанных детях-идиотах* или ещё о чём-то подобном. Я игнорирую его. Это важно для меня, физическое проявление всей боли, которую я перенесла в тот день, в том году.

Тристан, Зейд и Крид сыграли на моей уязвимости и предложили мне то, чего я хотела больше всего: дружбу.

Моё горло снова сжимается, а руки дрожат, но я закатываю майку, обнажая живот, а затем оттягиваю пояс леггинсов. Татуировщик — я думаю, его зовут как-то по старомодному, вроде Сибил — показывает рисунок.

— Вот такой?

На листе бумаги изображён символ бесконечности с горизонтальной косой чертой, точно такой же я видела на Деррике Барре, когда его выгнали из клуба.

— Идеально, — говорю я, ожидая, пока Сибил нанесёт рисунок на мою кожу, а затем возьмёт тату-машинку.

— Готова? — спрашивает он меня скучающим тоном. Я делаю глубокий вдох и киваю. Игла касается моей кожи, боль пронзает меня, и я стискиваю зубы. Это ничто по сравнению с тем, что я чувствовала в тот последний день, когда краска стекала по моей рубашке и между грудями, мои рёбра и лицо болели, моё сердце было разбито вдребезги.

У меня был выбит зуб и сломано ребро. На следующий день после того, как я вернулась домой, я пошла к врачу и узнала о последнем. Я сказала папе, что упала с лестницы; он мне не поверил. Но тогда мы почти не говорили о том, что произошло, ни о видео, где я с мальчиками, ни о трусиках, ни о чём другом. Вместо того, чтобы расстраиваться из-за этого, я чувствую, что Чарли уже несколько недель пребывает в исключительном настроении. Насколько мне известно, он даже ни разу не выпил.

— Готово. — Сибил отступает назад, а затем хватается за зеркало и передаёт его мне. — Взгляни.

Я так и делаю, и это прекрасно, сплошное чёрное пятно на моей коже, постоянное напоминание.

«*Марни, ты слишком легко прощаешь*», — говорит папа, улыбаясь мне сверху вниз.

Может быть, раньше, но не сейчас. Больше нет.

— Она идеальна, — говорю я, разглядывая рисунок в зеркале. Он обмывает меня, перевязывает рану, и я ухожу.

До начала занятий на следующей неделе мне нужно выполнить пару заданий.

Они необходимы.

Гренадин-Хайтс — это место, где можно купить дизайнерскую одежду, первоклассные салоны и опрятные придурки, бросающие на меня взгляды. Только на этот раз они смотрят на меня так, словно, возможно, им следует бояться.

Рискуя быть замеченной в первый же день возвращения, я надела свою новую форму для второкурсников академии Бёрберри, чтобы отправиться за покупками в центр Гренадин-

Хайтс. Юбка однотонно-белая, в отличие от красной для первокурсниц. Чёрные туфли и белая блузка такие же, но галстук красный, а на каждом локте пиджака по одной красной и одной чёрной полоске, что идеально сочетается с красно-чёрным гербом Бёрберри на кармане, дополненным парой грифонов. Я даже надела гольфы с такой же полоской наверху.

Каждый студент старшей школы Гренадин-Хайтс знает, где находится академия Бёрберри и кто туда ходит. Их футбольная команда каждый год надирает задницу Бёрберри, но это не имеет значения: все на стороне Гренадин-Хайтс смотрят на поле и знают, что на другой стороне трава зеленее.

Поэтому, когда я вхожу в салон с высоко поднятой головой, одетая в свою униформу академии, женщины там обращаются со мной так, словно у меня есть деньги.

На самом деле, это немного... грустно. По словам моего отца, моя мать однажды месяцами копила на стрижку и покраску в этом салоне, а потом, когда она вошла, с ней обошлись как с ничтожеством. Он сказал, что она пришла домой в слезах.

Наверное, я выбрала это место не просто так.

— У меня запись, — говорю я девушке за стойкой. Она явно работает неполный рабочий день, сама студентка, если судить по значку Гренадин-Хайтс, который у неё на рубашке. Она смотрит на меня... как на бога. Я говорю себе, что это хорошо, что я, должно быть, демонстрирую уверенность в себе, но мне это не нравится — использовать свою форму для запугивания людей. Это заставляет меня чувствовать себя... такой же как они.

Я заставляю себя изобразить широкую улыбку.

Девушка краснеет, а затем регистрирует меня, показывая на стул прямо напротив. Когда стилист подходит и видит мои корни, красивую, но несовершенную стрижку, которую сделала мне Миранда, и выцветшую краску из розового золота, она съёживается.

— Я хочу тоже самое, — говорю я ей, указывая на свою голову, — но... качественнее. — *Реалистичность розового золота* — вот что я хочу сказать, но никто здесь этого не оценит. *Но они поймут, когда увидят.* По крайней мере, я думаю, что так и будет. Насколько я могу судить, не все эмоции, которые я разделяла с Идолами, были фальшивыми. Я помню, как Зейд покачивался в лунном свете, его мокрые волосы прилипли к лицу, глаза сияли. Нет, нет, может это и было пари, но не всё было фальшивкой. Почему-то от этого вся ситуация кажется ещё хуже.

Стилист приступает к работе, и два часа спустя я смотрю в зеркало на другого человека. Цвет — идеальное сочетание пыльно-розового и мерцающего золотого, а стрижка превратилась из сносной в чётко очерченную. Я заставляю себя улыбнуться.

— Выглядит великолепно.

Стилист, кажется, вздыхает с облегчением, когда я встаю и направляюсь к кассе, чтобы расплатиться, оставляя щедрые чаевые. Мои глаза встречаются с глазами секретарши, когда она передаёт мне пакет с шампунем и кондиционером, которые я выбрала. Она слишком молода, чтобы быть здесь, когда с Дженнифер так плохо обращались. То же самое и со стилистом. Даже если бы я была заинтересована в том, чтобы отомстить за свою отсутствующую мать, здесь нет справедливости.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, как раз в тот момент, когда открывается дверь и в салон входят два светловолосых подростка.

Моё сердце перестаёт биться.

— Миранда, — выдыхаю я, её голубые глаза расширяются, когда они встречаются с моими.

— Марни, пожалуйста, открой дверь! — я вижу Миранду, стоящую возле машины академии и пытающуюся открыть её с помощью ручки. Остальные Голубокровные держатся в стороне, пока все из амфитеатра высыпают во внутренний двор. Миранда резко оборачивается, когда Крид пытается дотронуться до её плеча, и сбрасывает его руку с себя. Я думаю, она защищает меня. Может быть. Но я не открываю дверь, пока не появляется Чарли. Дженнифер... она отстраняется и ничего не говорит.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает меня Миранда, переводя взгляд с моей формы на волосы. Крид застыл позади неё, его скупающий царственный вид застыл на лице, как маска. В его плечах есть напряжение, которое я не упускаю из виду, и сжатая челюсть. Я не смотрю на него, не могу. Мои руки сжимаются в кулаки по бокам.

— Я... — у меня не хватает слов, пока мы с Мирандой смотрим друг на друга. Неужели она тоже предала меня? Знала ли она, что за этим последует? — Мне жаль. — Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить. Мне действительно жаль, жаль, что я заключила то пари с Кридом, жаль, что я предала её так же, как Идолы предали меня. Я иду, чтобы проскочить мимо неё, когда Крид хватается за меня за руку.

— Ты ведь не серьёзно? — спрашивает он меня ледяным голосом. Я отталкиваю его руку, и наши взгляды встречаются. Между нами пробегает искра, заставляя моё тихое сердце бешено биться. Мой рот сжимается, а глаза сужаются. — Ты же не рассчитываешь, что продержишься хоть неделю в Бёрберри.

— Убери от меня свои руки, — рычу я, когда Миранда подходит ближе и отталкивает своего брата назад.

— Оставь её в покое, Крид, — говорит она, и в её голосе слышатся стальные нотки. — Марни, — начинает Миранда, оборачиваясь, чтобы посмотреть на меня, но я уже отворачиваюсь и направляюсь к двери салона. Я пробегаю почти два квартала, прежде чем замедляю шаг, тяжело дыша и дрожа.

«Как я собираюсь это сделать?» — думаю я, вставая и прислоняясь к кирпичной стене гастронома. Здесь пахнет свежее испечённым хлебом. «Если я едва могу на них смотреть, как я собираюсь войти туда полная уверенности и разрушить систему?» На секунду становится трудно дышать.

«Ты же не рассчитываешь, что продержишься хоть неделю в Бёрберри».

Я слышала это раньше, и я доказала, что они ошибались, все до единого.

Я смогу сделать это снова.

Несколько глубоких вдохов спустя, и я готова закончить свой контрольный список на день: новая одежда, разнообразные принадлежности и ещё несколько случайных косметических остановок. Лучший вид мести поднимает вас, вместо того чтобы унижать других. Так что... может быть, мне и не нужны все эти поверхностные вещи, но от этого я почувствую себя лучше. Я хочу нарядиться, и хочу вальсировать в эту академию с высоко поднятой головой, моя новая причёска и макияж будут защитой от их взглядов.

Оттолкнувшись от стены, я бросаюсь вниз по улице и завершаю свои приготовления.

Утром в день моего шестнадцатилетия я просыпаюсь со свежим кофе и пакетом, аккуратно завернутым в коричневую бумагу. Папа даже прикрепил сверху розовую ленту. Он улыбается мне, когда я сажусь на диван со своей кружкой, допиваю молочно-сладкий напиток, прежде чем отставить чашку в сторону, чтобы открыть подарок.

— Ты не должен был мне ничего дарить, — говорю я, чувствуя себя виноватой из-за того, что не рассказала ему о выигранных деньгах. Я должна просто отдать все их папе; он

этого заслуживает. Вместо этого я храню их на крайний случай. И насколько это печально, что я ожидаю чрезвычайных ситуаций на втором курсе средней школы? Это должно быть моё время для учёбы, создания музыки, знакомства с *друзьями*. Вместо этого я просто... пытаюсь нарушить древнюю социальную иерархию классицизма?

У меня вроде как есть своя задача.

— Да, ну... — начинает папа, проводя пальцами по своим лохматым каштановым волосам. Он кивает подбородком в сторону упаковки, и я начинаю её разворачивать. Его голос такой мягкий, удивительно нежный. *«Твой папа получил кое-какие новости прошлой ночью»*. Сказал мне Зак, когда в тот день папа напился во время Родительской недели. И все же я до сих пор не знаю, что тогда произошло. — Я надеюсь, тебе понравится, милая.

Мне бы больше понравилось, если бы это была банка Голубой крови и слёз Идолов.

— Уверена, что так и будет, — говорю я ему, снимая ленту и бумагу, открывая коробку и обнаруживая горы обёрточной бумаги. Внутри уютно устроилась синяя бархатная коробочка, и когда я её открываю, то нахожу старинный браслет бабушки Джун. Сколько себя помню, я была одержим этой штукой. Он всегда висел на папиной стороне кровати, и я помню бесчисленное количество раз, когда я входила и заставляла его, склонившего голову и потирающего пальцами маленькие медные брелоки. Их четыре: крошечный паровозик, буханка хлеба, платье и ребёнок. Но одного амулета всегда не хватало, прямо в центре: все, что осталось, — это крошечное колечко на том месте, где он раньше висел. Так вот, на этом кольце болтается кое-что ещё: папино обручальное кольцо.

— Что? — я вздрагиваю, поднимая браслет. Он явно отполирован до блеска, тусклая патина исчезла, медь поблёскивает, когда я подношу его к свету. — Зачем ты даёшь мне его? — мой взгляд устремляется на папу, но его выражение совершенно непроницаемо. Он засовывает руки в карманы джинсов и натягивает улыбку.

— У тебя должна быть с собой частичка истории нашей семьи. Это придаст тебе сил. — Мой рот открывается, но слова не выходят. Как я должна на это реагировать? — Ты уверена, что хочешь вернуться в эту ужасную академию?

У меня вырывается стон, и я отвожу взгляд, сжимая браслет в ладони.

— Академия подготовит меня к наилучшему возможному будущему... — начинаю я, но папа прерывает меня, подходя и опускаясь на колени рядом со мной. Он кладёт руку мне на колено, и я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Не возвращайся в эту академию из-за мальчиков, Марни, — говорит он грубым голосом. Его голос звучит так, словно он умоляет меня, и у меня болит сердце. — Просто не делай этого. И... не возвращайся, потому что думаешь, что тебе есть что доказывать.

— Я...

Как я могу на самом деле отреагировать на это? Это то, что я делаю? Возвращаюсь, чтобы проявить себя? Чтобы отомстить? Или это действительно потому, что я хочу сделать как можно лучшую академическую карьеру? Я даже сама не могу ответить на этот вопрос, так как же я могу рассказать папе о том, что происходит у меня внутри?

— Ты могла бы переехать к своей матери и учиться в средней школе Гренадин-Хайтс...

Моя очередь прервать его.

— Переехать к Дженнифер? — я выдыхаю, отстраняясь и вдавливаясь всем телом в потёртые диванные подушки, как будто увеличение расстояния между мной и Чарли сотрёт его предложение из воздуха. — Я едва её знаю.

— Марни, — говорит папа, разжимая мою ладонь и беря браслет. Он надевает его мне

на запястье, а я сижу и смотрю на него так, словно у него выросла вторая голова. — Я не говорю, что твоя мать не совершала ошибок в прошлом, но сейчас она действительно старается. Она хочет узнать тебя получше.

— Это чувство не взаимно, — отвечаю я, прижимая руку к груди и играя с браслетом. — Я не собираюсь отказываться от своей стипендии из-за каких-то издевательств.

— Это было больше, чем просто издевательство, Марни. Эти мальчики... — мои глаза закрываются, и папа замолкает, как будто видит, какую боль причиняет мне одно упоминание о том дне. — Послушай, ты умная девочка, всегда такой была. Ты целеустремлённее, чем я когда-либо был, и к тому же умнее. Если ты захочешь вернуться туда, я не буду подвергать это сомнению, но знай, что у тебя есть другие варианты. — Папа вздыхает и поднимается на ноги, замирая от стука в дверь. — Это, должно быть, Зак, — говорит он, и мои глаза расширяются.

Я поднимаюсь с дивана, но недостаточно быстро, чтобы пройти мимо, прежде чем в трейлер заходит Зак Брукс, одетый в обтягивающую чёрную футболку, подчёркивающую его мускулы, тёмные джинсы и коричневые ботинки. Он пристально смотрит на меня своими тёмно-кариими глазами, взгляд скользит по моим чёрным леггинсам, обтягивающей чёрной майке и полному отсутствию лифчика, прежде чем он возвращает своё внимание к моему лицу.

— С днём рождения, — произносит он, но трудно воспринимать его всерьёз, когда он поставил своей задачей сделать так, чтобы у меня больше никогда не было дня рождения.

— Извините. — Я протискиваюсь мимо двух мужчин, стараясь даже не задеть Зака, и одеваюсь в один из своих вчерашних новых нарядов. С таким же успехом можно испытать это на нём, прежде чем возвращаться в это волчье логово.

Если папа и замечает, что на мне новый розовый комбинезон и чёрные туфли на танкетке, он ничего не говорит. Если он спросит, я... ну, я не буду лгать об этом. Но он этого не делает. Зак внимательно рассматривает меня, мою новую причёску, немного макияжа, который мне удалось нанести с помощью урока на YouTube, и мои наращённые ресницы. Я даже не знала, что это такое, пока не погуглила.

— Ты прекрасно выглядишь, — говорит Зак, протягивая пакет, завёрнутый в переливающуюся бумагу. Выглядит очень красиво, но мне не хочется его брать. Но папа наблюдает, и я не хочу, чтобы он что-нибудь знал о ситуации с Заком. Это напрягло бы его вдобавок ко всему остальному, и я могу сказать, что он итак уже на пределе. Он выглядит похудевшим, бледнее и спит намного больше, чем обычно. Честно говоря, я беспокоюсь за него, но, похоже, Зак ему нравится; теперь они вроде как приятели. С таким же успехом я могу позволить папе сохранить эти отношения. — Просто небольшой подарок. Можешь открыть его позже, если хочешь.

— Позже — это хорошо, — говорю я ему, ставя пакет на плиту. Зак кивает и отступает назад, освобождая место для нас с Чарли, чтобы выйти из вагона. Небо серое, но дождь ещё не начался. У Зака есть его оранжевый «Макларен», но он всего лишь двухместный, поэтому вместо него мы берём папин «Форд».

Чарли делает всё возможное, чтобы завязать разговор по дороге, но это нелегко, особенно при ощутимом напряжении между мной и Заком.

Когда мы добираемся до ресторана «Железнодорожный вокзал» — этой обалденной маленькой круглосуточной закусочной, которая была здесь целую вечность, — папа, извинившись, уходит в туалет, и я остаюсь наедине с Заком.

— Ты разрушаешь моё время папочки с дочкой, — шепчу я, и его прищуренные глаза немного смягчаются.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл? — спрашивает он, и я киваю.

Следует долгое молчание.

— Только вот ты не собираешься этого делать, потому что твои желания и потребности важнее моих, — шепчу я, и Зак напрягается, как будто я дала ему пощёчину.

— Марни, я хочу помочь, — говорит он, но я уже качаю головой.

— Ты и так уже достаточно помог, Зак.

Я смотрю ему прямо в лицо, и перед моим взором мелькают воспоминания: открывается дверь ванной, Зак притягивает меня в свои объятия, засовывает пальцы мне в горло. Он спас меня, но он также подтолкнул меня к этому, из-за пари. Как я могу когда-нибудь простить это? Однажды он загнал меня в угол возле моего класса математики и сказал, что знает всё о моей матери, о том, как она недостаточно любила меня, как она души не чаяла в своей другой дочери так, как никогда не чаяла во мне. Мой рот сжимается в тонкую линию.

— Я не знаю, чего ты от меня добиваешься, но если это прощение, то я ещё не готова.

Губы Зака сжимаются, и он на мгновение отводит взгляд, прежде чем подняться на ноги. Я оглядываюсь на него, скрестив руки на груди, и жду. На самом деле я не ожидаю, что он уйдёт. Он отодвигает стул, бросает на стол пачку наличных, а затем поднимает руку, когда я пытаюсь вернуть их ему.

— Наслаждайся завтраком со своим папой за мой счёт, — произносит он, отходя от стола к двери. Но он останавливается, оказавшись позади меня, наклоняется и прижимается своей щекой так близко к моей, что я чувствую его щетину. Его правая рука опускается на моё плечо и сжимает, посылая рой бабочек, порхающих по мне. — Но... хочешь ты иметь со мной дело или нет, я уничтожу этих опрятных придурков из академии ради тебя.

— Лицемер, — бормочу я, потому что это единственное, что я могу сказать. Рука Зака сжимается на моём плече, и я резко втягиваю воздух. — Ты такой же, как и они, а может, и хуже. Не притворяйся, что это не так.

— Я бы и не посмел. — Зак внезапно целует меня в щеку, и моё тело раскаляется добела, прежде чем мои эмоции замирают, и я становлюсь ледяной внутри. — С днём рождения, Марни. — Он поднимается на ноги как раз в тот момент, когда папа возвращается из туалета. Зак слегка машет ему рукой, а затем выскальзывает за дверь, оставляя меня отвечать на неудобные вопросы.

— Что случилось с Заком? — спрашивает Чарли, садясь на своё место, а затем останавливаясь, чтобы посмотреть на кучу наличных на столе. Он присвистывает и протягивает руку, чтобы поправить свою серую фетровую шляпу. — Я думаю, он случайно оставил сотню, — говорит он, и я улыбаюсь, но я не думаю, что это была случайность.

Но, может быть, то, чего не понимают Зак и Тристан, Крид, Зейд... деньги для меня не так уж важны. Сейчас только по-настоящему привилегированный человек скажет вам, что они не имеют значения: деньги имеют значение. Еда, одежда, кров, безопасность, медицинское обслуживание... Все эти вещи требуют денег, но я не поклоняюсь зелёному цвету. На меня он не производит впечатления. Это не купит мою дружбу или мою любовь.

У меня перехватывает горло.

— У Зака было дело, о котором он забыл, — отвечаю я, пожимая плечами, и хотя папа приподнимает бровь, он ничего не говорит. Когда приносят наши заказы, я бросаю взгляд на

тарелку Зака с блинчиками, на его пустой стул и думаю о его заявлении: *Я уничтожу этих опрятных придурков из академии ради тебя.*

Только... это не так. Потому что это моя работа.

Моя работа — уничтожить Голубокровных из Академии Бёрберри. Эту скверную, очень скверную Голубую Кровь.

Глава 2

Розыгрыш в конце года, который поверг меня в шок, не остался незамеченным персоналом. Пока папа покупает что-нибудь перекусить по дороге обратно в Подготовительную Академию Бёрберри, я захожу в Интернет и просматриваю все электронные письма с информацией о занятиях, школьных правилах... и издевательствах.

Бёрберри теперь является кампусом нулевой терпимости. Учащиеся, замешанные в инцидентах с издевательствами, будут подвергнуты отстранению от занятий или отчислению в зависимости от тяжести правонарушения. Уважение к коллегам и персоналу не просто поощряется, оно обязательно. Если у вас есть какие-либо вопросы относительно этой политики, пожалуйста, обратитесь к мисс Фелтон или директору Коллинз в их рабочее время.

Мои губы внезапно пересыхают, поэтому я отодвигаю ноутбук в сторону и направляюсь к принтеру, чтобы взять расписание занятий. Правило «никакой электроники» вступит в силу, как только я переступлю порог кампуса. Нет, даже раньше. На самом деле, водители автомобилей, выданных академией, которые ездят между стоянкой для посетителей и школой, именно они забирают телефоны.

— С таким же успехом они могли бы поместить моё имя прямо на первой странице, чтобы все видели, — ворчу я, хватаю страницу, бегло просматриваю её и достаю немного бальзама для губ из ящика моего прикроватного столика. Мои сумки упакованы, моё сердце бьётся где-то в горле, и я готова.

Я готова.

Я могу это сделать.

Мой телефон звонит, и я переворачиваю его, чтобы увидеть сообщение от Миранды.

«Мы можем поговорить как-нибудь сегодня?»

Мои ладони внезапно становятся потными, и я засовываю телефон в переднюю часть кожаной сумки для книг.

Миранды не было в стране большую часть лета, но это не первое сообщение, которое я получаю от неё. Вообще-то, она присылала мне несколько. Я отвечала, но едва ли. Мы явно ещё не стали подругами. Я имею в виду, если вообще станем когда-нибудь снова.

Схватив сумку с книгами в одну руку, а спортивную сумку — в другую, я направляюсь к двери и останавливаюсь, когда белый лимузин проезжает по гравию перед нашим домом. Папа стоит там и смотрит, в таком же замешательстве, как и я.

Водитель паркуется и выходит, приподнимая передо мной шляпу.

— Марни Рид?

— Это я, — бормочу я, совершенно сбита с толку и безумно надеюсь, что никто из парней не прислал эту машину. Если они это сделали, я отказываюсь садиться. Но, конечно, какая же это глупая мысль. С какой стати им посылать за мной машину, если они, конечно, не хотели потом сбросить её в океан?

— Привет. — Эндрю опускает стекло, и мои глаза расширяются, когда он машет мне с полуулыбкой на лице. Он выглядит неуверенным, таким же неуверенным, как и я. — Мы едем в одну сторону, вот я и подумал... — Водитель встаёт между нами, чтобы открыть заднюю дверь, и Эндрю вылезает, одетый в джинсы и футболку. Я тоже не в своей форме. Вместо этого я надела чёрные леггинсы и майку для поездки. Я планировала переодеться в

туалете для посетителей, как делала в прошлом году. — Я подумал, что, возможно, ты захочешь поехать со мной. — Он засовывает руки в карманы, солнце играет на его каштановых волосах. Его голубые глаза оглядывают вагончик поезда, моего папу и меня с проблеском чего-то, что я не могу до конца распознать. Жалость? Это может быть жалость.

Я вздыхаю.

— Папа, это Эндрю Пейсон. Эндрю, это Чарли Рид. — Двое мужчин пожимают друг другу руки, но по лицу моего отца я вижу, что он не уверен, как реагировать. — Он не участвовал в розыгрыше, — шепчу я, и оба, Чарли и Эндрю, слегка напрягаются.

— Я понял. — Папа внимательно изучает Эндрю, как будто не совсем уверен, что верит мне. Я его не виню. В толпе были десятки парней в форме академии, размахивающих моим нижним бельём. Эндрю просто не был одним из многих. — Ты предлагаешь подвезти Марни?

— Я как раз проезжал мимо, — произносит он, переводя взгляд с моего отца на меня. — Я знаю, что Кэтлин Кэбот предложила прислать машину, а ты отказалась, но я подумал, может быть, мы могли бы поговорить?

Мой список мести прожигает дыру в моём кармане. На нём всё ещё написано имя Эндрю. Для этого есть причина. Я надеюсь, что это та причина, о которой он приехал поговорить со мной.

— Я надеялась провести немного времени со своим отцом, — начинаю я, но Чарли уже улыбается и отмахивается от меня.

— Всё в порядке, милая, ты езжай со своим другом. На самом деле я был обеспокоен тем, что «Форд» всё равно может туда не доехать. — Он берёт одну из моих сумок с пыльной подъездной дорожки и передаёт её водителю лимузина, забирая сумку у меня из рук, прежде чем крепко меня обнять. — Мы скоро снова увидимся, я обещаю, — говорит он мне, и я знаю, что он имеет в виду Родительскую неделю. ММ-м. Как будто это не было катастрофой в прошлом году. Я до сих пор не знаю, что вывело Чарли из себя. Я начинаю сомневаться, смогу ли я когда-нибудь узнать. — Я хочу, чтобы у тебя были друзья, — говорит он мне, целуя меня в щеку и отступая назад.

— Я люблю тебя, — молвлю я ему, и он улыбается мне в ответ.

— Я тоже люблю тебя, милая.

«И ты единственный человек, кто действительно меня любит», — думаю я, пытаюсь не позволить чувству пустоты в моей груди взять верх. С тех пор как составила список, я была полна решимости, почти отчаяния вернуться в академию и надрать кому-нибудь задницу. Стоя сейчас здесь и прощаясь со своим отцом, я чувствую, что всё не так просто.

Помахав напоследок, я направляюсь к лимузину и сажусь на прохладное заднее сиденье из-за кондиционера. Сиденья обиты роскошной коричневой кожей, в углу есть телевизор, мини-холодильник и несколько постельных принадлежностей. Эндрю уступает мне место на сиденье побольше, то, что перпендикулярно его.

Водитель закрывает дверь, и мы трогаемся с места, медленно объезжая трейлерный парк Круз-Бей, прежде чем снова оказываемся на главной улице. Эндрю первым нарушает молчание.

— Я бы написал тебе раньше, но мои родители наложили на меня полный летний запрет на переписки, телефонные звонки и социальные сети. — Он делает паузу и вздыхает, глядя на тонированное заднее стекло. — Они узнали о... — наступает долгая пауза, но Эндрю не нужно добавлять слов. Я знаю, что он собирается сказать. *«Они знают, что я*

встречаюсь с парнем».

Мы просто смотрим друг на друга, и мои щёки розовеют. Я чувствую себя ужасно из-за того, что я сделала с Мирандой и Эндрю, но... Я не совсем уверена, что была единственной, кто совершал ошибки. Я готова выслушать его, но пока его имя по-прежнему в моём списке. Миранда... Я не думаю, что смогла бы отомстить ей, даже если бы захотела. Кроме того, в отличие от любого другого Голубокровного в Бёрберри, она не является членом печально известного Клуба Бесконечности.

— У тебя неприятности? — спрашиваю я, пытаюсь осмыслить эту концепцию. Какой родитель стал бы наказывать своего ребёнка за то, что он гей? Это выходит за рамки моего понимания. Может, мой отец и бедняк, но он любит меня, несмотря ни на что. Что-то столь несущественное, как сексуальные предпочтения, никогда не смогло бы отнять это у меня.

— Я... — Эндрю вздыхает и откидывается на спинку сиденья, закрывая глаза. Я помню встречу с ним в прошлом году, то, что он сказал. *«Мне не настолько повезло, и я определённо не настолько гей, к сожалению. Между нами говоря, большинство девушек здесь уже помолвлены».* Мм-м. Бедный Эндрю. Он уже скрывался. — Я помолвлен.

— Ты... что?! — я задыхаюсь и начинаю кашлять так сильно, что Эндрю в конце концов достаёт мне холодную банку содовой из холодильника. Я открываю крышку и делаю большой глоток, пока он морщится.

— Мои родители выбрали для меня невесту. Я либо женюсь на ней, либо буду отрезан от финансов и отвергнут семьёй. — Он смотрит на меня через весь лимузин так, словно это самая нормальная, заурядная вещь на свете — родители, угрожающие отречься от своих детей.

— Я... — я делаю глубокий вдох и отставляю свой стакан в сторону. — Мне правда жаль.

Эндрю пожимает плечами, но я вижу, что это давит на него.

— Неужели это настолько плохо — быть... — он замолкает, и его глаза слегка расширяются, как будто он думает, что, возможно, разозлил меня.

— Быть бедным? — спрашиваю я, и он снова пожимает плечами. Может быть, он подумывает о том, чтобы последовать зову сердца и сказать своим родителям, чтобы они поцеловали его в задницу? Может быть, и нет. Но с его образованием в Бёрберри он мог поступить в любой колледж, получить хорошую работу... и тогда он мог бы сколотить своё собственное состояние. — Зависит от обстоятельств. — Наши взгляды встречаются, и что-то проходит между нами, вспышка нервной энергии. — Ты накачал меня наркотиками?

Рот Эндрю открывается, а затем резко закрывается. Он стремительно отводит взгляд.

Когда я составляла список, я чуть не вычеркнула его имя. Сначала я сделала это. Но потом я начала думать о том дне, когда мне обрезают волосы. Было трудно точно вспомнить, что произошло, потому что каждый раз, когда я пытаюсь получить доступ к этим воспоминаниям, я думаю о том, как Тристан занимался сексом с Киарой Сяо над раковиной в женском туалете.

— В то утро мы вместе завтракали, — говорю я, выдыхая и закрывая глаза. *На самом деле* я не хочу знать ответ на этот вопрос. Когда я открываю их снова, Эндрю пристально смотрит на меня. — И я не думаю, что это сделала Миранда.

— Ты согласишься, если я скажу, что сожалею об этом? — шепчет он, и я чувствую, этот гнев внутри меня, словно огненные муравьи, ползающие по моим венам, кусающие меня, побуждающие меня к действию. — Если от этого станет немного лучше, я остался

поблизости, чтобы убедиться, что они только испортят твои волосы...

— Что ещё они могли сделать? — рявкаю я, мой голос превращается в рычание. Это хорошая практика для меня — противостоять Эндрю. По сравнению с Идолами он просто котёнок. — Я отращивала волосы всю свою жизнь. Мне *нравились* мои волосы. — Я протягиваю руку, чтобы коснуться коротких прядей у себя на голове. — Я приняла перемены, но это не делает их правильными. — Теперь я задыхаюсь, моё сердце бешено колотится в груди. — Это тоже было на спор?

— А ты как думаешь? — спрашивает он меня, и мы снова пристально смотрим друг на друга. — Теперь ты знаешь, как работает Клуб Бесконечность. — Я поджимаю губы и на мгновение отвожу взгляд, уставившись на жёлто-коричневую траву на обочине дороги. Это было жаркое, очень жаркое лето.

— Кто это был? — шепчу я, гадая, был ли кто-нибудь из парней замешан в этом деле.

— Бекки, Харпер, Эбигейл и Валентина, — отвечает Эндрю, а затем вздыхает, как будто ему приятно избавиться от этого чувства. — Другие девчонки за глаза называют их ёбаной Четвёркой. — Я оглядываюсь на него, ссутулившегося в белой футболке и дорогих джинсах. Он выглядит побеждённым. В этом нет никакого чувства победы или справедливости.

— Ты знал о... — я даже не могу заставить свои губы произнести эти слова. *Ты знал о том, как меня избили за кулисами? Как насчёт видео? Краски? Трусики? Вообще о чём-нибудь?* Потому что, если бы он это знал...

— Мы с Мирандой ничего не знали, — отвечает он, снова вздыхая. — Я больше не вхожу во Внутренний круг.

Мой рот приоткрывается, а глаза расширяются.

— Откуда ты вообще это знаешь? Идолы рассылают секретные электронные письма или что-то в этом роде?

— Когда ты больше не Голубокровка, ты это знаешь. — Эндрю садится прямо и смотрит мне прямо в глаза, протягивая руку, чтобы провести ладонью по волосам. Я ненавижу создавать стереотипы, но неудивительно, что от него так вкусно пахнет кокосами и солнечным светом; я должна была догадаться, что он гей. Все те вибрации, которые я получала от него, все эти оценивающие взгляды... это были дружеские флюиды, а не флюиды парня. — Я знал о том договоре, чтобы заставить тебя влюбиться, о...

— Пари. — Я говорю это за него, думая об этом ужасном трофее. — Продолжай.

— Только это. Вот почему я хотел пригласить тебя на зимний бал, вот почему я уговаривал тебя держаться подальше от них. — Он наклоняется вперёд и закрывает лицо руками. Отомстить Эндрю было бы всё равно что пнуть грустного щенка. Я не могу этого сделать. Потому что, несмотря ни на что, я не такая, как они. Я не хочу быть такой, как они. Раньше я думала, что стать моей матерью — худшая из возможных частей, но теперь я решила, что стать такой, как Идолы, — это судьба хуже смерти.

Я отомщу, но у меня есть правила.

Я достаю блокнот из сумки и открываю на первой странице, вписывая новую строку внизу.

Правила мести Марни

- 1. Никакого физического насилия.*
- 2. Никакой игры в дружбу.*
- 3. Никаких невинных жертв.*

4. Никакого сексизма, расизма, гомофобии и др.
5. Пусть они повесятся на своей собственной верёвке.
6. Знай, когда нужно остановиться.

Эндрю поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, голубые глаза темнеют от сожаления и разочарования.

— Что ещё? — спрашиваю я, проглатывая комок. — Ты ещё что-нибудь сделал? Потому что это твой последний шанс быть честным.

— Что ты собираешься делать? — спрашивает Эндрю, когда я переворачиваю страницу на заднюю обложку, где я записала свой список мести. Я разворачиваю его, чтобы он посмотрел, и он поднимает брови. Он замечает своё имя и поднимает лицо, встречаясь со мной взглядом. — Будь осторожна с ними, Марни. Если ты считаешь, что прошлый год был плохим, то будь уверены, на этот раз они всё исправят. Они будут охотиться за тобой.

— Отвечай на вопрос. — Я держу ручку над страницей, и Эндрю резко выдыхает.

— Больше ничего. И Миранда... — я поднимаю руку. Нам с Мирандой нужно поговорить. Но мне не нужна никакая информация из вторых рук; всё это должно исходить из первоисточника. — Больше ничего. Мне так жаль, Марни.

— Мне тоже жаль, — говорю я, чувствуя, как на меня накатывает волна облегчения. Я никогда не хотела причинять боль Эндрю. — Послушай, окажи мне одну маленькую услугу, и мы будем квиты? — он кивает, и я открываю свой красный фломастер. У меня в сумке их пять, как раз для такого случая. Пока Эндрю наблюдает, я вношу коррективы.

Месть: Голубая кровь Подготовительной Академии Бёрберри.

Список, составленный Мирандой Кэбот Марни Рид

Идолы (парни): Тристан Вандербильт (первый второй курс), Зейд Кайзер (первый второй курс) и Крид Кэбот (первый второй курс)

Идолы (девушки): Харпер Дюпон (первый второй курс), Бекки Платтер (первый второй курс) и Джина Уитли (четвертый курс) (выпустилась)

Внутренний круг: Эндрю Пейсон, Анна Киркпатрик, Майрон Тэлбот, Эбони Питерсон, Грегори Ван Хорн, Эбигейл Фаннинг, Джон Ганнибал, Валентина Питт, Сай Патель, Мэйлин Чжан, Джален Доннер... и, думаю, я!

Плебеи: все остальные, извините. ХОХО

Зак Брукс

В лимузине на мгновение воняет спиртом, когда я снова надеваю колпачок, убираю блокнот и смотрю на Эндрю.

— Итак. Ты ведь был в Хэмптоне часть лета, верно? — Эндрю поднимает брови, но кивает. — Я слышала, что произошло какое-то дерьмо. Расскажи мне об этом.

Его несчастное выражение лица превращается в ухмылку, и на секунду я вижу проблеск настоящего Эндрю, скрытого под оболочкой.

— О, подожди, пока ты не услышишь всё, — начинает он и посвящает меня во всё, что

произошло за последние несколько месяцев.

Это... по меньшей мере, интересно.

Возможно, мне предстоит поработать с большим количеством вещей, чем я думала.

Мы с Эндрю по очереди переодеваемся в форму, используя заднюю часть лимузина с тонированными стёклами для уединения, а затем проскальзываем на заднее сиденье блестящего чёрного «Кадиллака» с логотипом академии сбоку. Моё сердце бешено колотится, ладони вспотели. Я чувствую, что могу задохнуться.

Если я войду туда нервничая, они узнают. Они хищники, все до единого; они почуют мой страх.

— Какая-то часть тебя всё ещё увлечена ими? — спрашивает Эндрю, когда мы едем по извилистой гравийной дороге. Я бросаю на него такой жуткий взгляд, что он быстро закрывает рот и отводит глаза. Когда мы добираемся до внутреннего двора с фонтаном в виде оленя, я оказываюсь в сопровождении сопровождающего.

— Мисс Рид, — говорит мисс Фелтон, мягко улыбаясь мне. В её глазах столько жалости, что мне трудно выдержать её взгляд. — С возвращением. — Она кивает Эндрю, а затем вежливо стоит там, пока он не понимает намёк и не уходит. Позади её причёсанной фигуры стоит высокий мужчина в костюме, который заставляет меня немного нервничать. Я настороженно смотрю на него. — Вы уже говорили сегодня с Кэтлин Кэбот? — я киваю и пожимаю плечами. Она действительно позвонила и предложила мне лимузин для поездки в академию. Ну, совсем недавно она предложила мне лимузин. Вчера она предложила купить мне машину. В последний день занятий в школе она... горячо извинилась за своего сына.

Моя челюсть слегка сжимается, когда я думаю о Криде Кэботе, о его ангельских белокурых волосах, его пронзительных голубых глазах, о ленивой беззаботности, с которой он держится. Принц мудаков — это может быть его титул, пока он соревнуется с Тристаном Вандербильтом за звание короля мудаков. Я не думаю о Зейде.

— Ну, это Кайл Карлин. — Она указывает на мужчину, её наряд почти такой же, как у десятков других, которые я видел на ней в прошлом году. — Директор Коллинз, миссис Кэбот и я посоветовались с вашим отцом в течение последних нескольких недель, и что ж, мы подумали, что было бы неплохо, если бы у вас был сопровождающий в кампусе. — Должно быть, она видит выражение моего лица, потому что добавляет: — По крайней мере, до тех пор, пока вы не втянетесь.

— Сопровождающий? — спрашиваю я, глядя на неуклюжую фигуру Кайла и огромные мускулы, и моё веко подрагивает. Это последнее, что мне нужно, чтобы какой-нибудь гигантский телохранитель следовал за мной по пятам. С таким же успехом я могу просто объявить о своей слабости всей академии. Что это за жизнь в старшей академии, когда какой-то случайный чувак повсюду следует за мной? — Меня не интересует сопровождение. — Мисс Фелтон поджимает губы и обменивается взглядом с Кайлом. Он высокий, темноволосый и со злым выражением лица. Очень пугающе.

— Я понимаю, что это не идеальный вариант, — начинает мисс Фелтон, и я качаю головой.

— Нет. Мне не нужен телохранитель. — Ни за что на свете я не смогу отомстить, если кто-то будет следить за мной весь день. Я поднимаю подбородок и встречаюсь взглядом с мисс Фелтон. Я не уверена, возможно ли это, но мне кажется, за лето я выросла на пару дюймов; я чувствую себя выше. — Это обязательно? — мой голос остаётся спокойным, даже когда мисс Фелтон смотрит на меня так, словно я сошла с ума.

— Это не... — начинает она, и я киваю. Ни за что. Конечно, бьюсь об заклад, телохранитель держал бы Голубокровных подальше от меня. Но это всё, что он мог бы сделать. Мне всё равно пришлось бы видеть серый взгляд Тристана с другого конца комнаты, слышать хриплый смех Зейда, слушать, как Крид развлекает своих подданных в столовой. — Ну, если вы передумаете, Кайл будет патрулировать территорию кампуса. Мы относимся к этому издевательству очень серьёзно. — Я киваю и начинаю отходить, когда мисс Фелтон кладёт руку мне на плечо. — Если вы захотите перекусить у себя в комнате, мы договорились об этом с кухней.

Я натянуто улыбаюсь ей и отстраняюсь.

Я чувствую на себе их взгляды, когда поднимаюсь по ступенькам, моя белая юбка второкурсницы развевается на ветру.

Мои ноги двигаются просто отлично, пока я не натыкаюсь на витражные двери в конце наружного коридора.

«Ты сможешь это сделать», — говорю я себе, тяжело дыша, пульс учащается. *«Твоя форма чистая и отглаженная, на тебе пояс с подвязками и чулки до бёдер, о которых ты не позаботилась в прошлом году. Твоя причёска уложена, макияж... сносный, ресницы наращены, брови уложены»*. Я выдыхаю, достаю тюбик ярко-красной помады, размазываю её по губам, а затем проверяю свои зубы в маленьком компактном зеркальце. Я начинаю входить, но затем останавливаюсь, улыбаясь и закатывая пояс своей юбки.

— Ничего не поделать.

Я протискиваюсь внутрь здания часовни, и в зале воцаряется тишина. Мёртвая тишина. Повсюду студенты, все в школьной форме, и все они пялятся на меня. Единственный звук — это стук моих блестящих чёрных туфель по каменному полу, когда я, перекинув сумку с книгами через плечо, иду по коридору, расправив плечи, вздёрнув подбородок и выпрямив спину.

Мой шкафчик на том же месте, что и в прошлом году, ключи от общежития в моей сумке. Я направляюсь напрямик в часовенный зал для утренних объявлений, жалея, что Миранды здесь нет. Я отправила ей ответное сообщение, простое, но очень важное: *увидимся за обедом в столовой*, но теперь у меня нет телефона, и я не могу с ней связаться. Налаживать отношения с Эндрю было приятно. Я хочу... Мне нужно то же самое с моей лучшей подругой, единственной, что у меня когда-либо была.

Вместо этого я сворачиваю за угол и натыкаюсь прямо на засаду.

Тристан Вандербилт ещё более ужасен, чем я помню.

Он стоит в центре толпы Голубокровных позади себя, скрестив руки на груди поверх своей формы второкурсника: белые брюки, белая рубашка, белый пиджак и красный галстук. Он так хорошо выглядит в нём, что я его ненавижу. Его остро-серые глаза прищуриваются на мне, и у меня сжимается горло.

«Я не могу этого сделать», — кричит мой мозг, желая запаниковать, убежать. Но моё сердце было выковано в огне. Я остаюсь на месте.

— Так, так, так, Работяжка вышла на второй раунд. — Его голос мрачен, затенён злыми намерениями, а улыбка устрашающая. Очевидно, что он наслаждается этим моментом, упивается им по-настоящему. Я ожидала этого. Чего я не ожидала, так это боли, ярости. Эти две эмоции переполняют меня до краёв, пока я не чувствую, что они переливаются через край. Мои руки дрожат.

— Я говорила тебе, что буду здесь, — говорю я, протягивая руку, чтобы вытащить

ожерелье из-под рубашки. В серебристых глазах Тристана вспыхивает торжество, но я не могу до конца понять почему. Неужели он думает, что я всё ещё тоскую по нему? Он что, хочет, чтобы я пресмыкалась и умоляла? Какова бы ни была причина, даже он не может скрыть удивления на своём лице, когда я срываю ожерелье и швыряю им в него.

Он ловит его на ладонь, когда Харпер пробирается сквозь толпу, направляясь напрямиком к нам.

— Мне не нужны твои деньги. Оставь это себе. Тебе это нужно больше, чем мне. — Я шагаю вперёд, мимо них, направляясь по коридору, когда чувствую, как что-то ударяет меня по затылку. Разворачиваясь, белые складки моей юбки развеваются, я вижу Харпер. Она пробралась сквозь толпу и теперь торжествующе стоит рядом с Тристаном, сверкая глазами.

В тот вечер, по дороге на зимний бал, в лимузине, я думаю, она была действительно расстроена. А Тристан обращался с ней как с мусором. Это *не было* частью представления. Неважно, сколько раз я повторяю это, я просто так не думаю. Вот как я придумала первую часть своего плана: использовать Тристана против его собственного народа. Мне не нужно уничтожать Харпер Дюпон: он сделает это за меня.

— Физическое насилие может быть забавным для тебя, но я собираюсь выиграть эту игру по-другому. — Я остаюсь на месте, не сводя глаз с Харпер. Она не сильно изменилась за лето, если не считать нескольких более светлых прядей в её тёмных волосах. Она по-прежнему богата, популярна, хороша собой. Но она отчаянно нуждается в одобрении своих сверстников. Она будет лёгкой мишенью. — Наслаждайся своим первым днём возвращения. Сегодня я сосредоточена на том, чтобы освоиться. Завтра я сосредоточусь на тебе.

— Я не боюсь какой-то неудачницы из рабочего класса, — огрызается Харпер, но я уже отворачиваюсь и игнорирую её. Не стоит тратить моё время на словесные перепалки. Кроме того, если словесная перепалка перерастёт в физическую, мне крышка. Они все ополчатся на меня.

Я иду по коридору и сворачиваю за другой угол, врезаюсь во что-то твёрдое и сладко пахнущее, как герань и шалфей.

— Воу, сбавь обороты. — Зейд Кайзер кладёт руки мне на плечи и поддерживает, улыбка расплывается по его красивому лицу, пока он не видит, к кому прикасается. Он отшатывается от меня, как будто обжёгся, и я получаю от этого хоть какое-то маленькое удовлетворение. — Ты...

— Где твой трофей? — спрашиваю я, мой голос ледяной, когда его зелёные глаза встречаются с моими. — Ты поставил его на полку в своём общежитии, чтобы смотреть на него и хвалить себя за то, что ты действительно мне нравился? Какая невероятная награда — быть самим собой рядом с кем-то до тех пор, пока он не станет уязвимым для тебя, а затем сломить его.

— Тебя предупреждали, — усмехается Зейд, но я думаю, что немного застала его врасплох. Не может быть и шанса, чтобы все те моменты, которые мы провели вместе, были грёбаной чушью. Ни за что. Ни одного шанса. Месяцы, проведённые в разъездах, оставили у Зайда свежий загар, несколько новых татуировок и копну серебристо-пепельных волос. Красный цвет, в который он покрасил их для выпускного бала, исчез. Хорошо. В любом случае, я не хотела видеть его таким.

До того дня Зейд был самым милым по отношению ко мне человеком, которому гораздо меньше приходилось противостоять. Крид украл моё эссе и прочитал его вслух; Тристан способствовал покупке и сожжению той книги. Но Зейд? Он просто был всесторонним, и

общем-то, засранцем. Это было достаточно легко простить.

Но сейчас? Я выбрала его, а он уничтожил меня. И всё ради того, чтобы выиграть дурацкое пари.

— Что ты вообще здесь делаешь? — спрашивает он, как будто зол на меня. — Тебе когда-нибудь бывает достаточно?

Мои глаза жжёт от слёз, но плакать перед этими монстрами — не вариант. Они, вероятно, засняли бы это на плёнку и сняли новое видео. Как бы то ни было, то видео, над которым они уже поработали, со мной и ребятами в компрометирующих позициях, оказалось на YouTube. Через два дня оно исчезло, но это не помешало ему сначала набрать более десяти тысяч просмотров.

— Уйди с дороги, — рывкаю я, протискиваясь мимо него. Он двигается, но только потому, что хочет этого, и я чувствую на себе его взгляд, когда направляюсь к часовне. Все расступаются с моей дороги, Плебеи разбегаются, когда Работяжка проходит по центру прохода и занимает место на самой передней скамье. Вокруг меня видимый пузырь, пустота, которую, я знаю, не заполнить.

Всё в порядке. Я ожидала этого. Меня это устраивает.

Вскоре разговоры и хихиканье возобновляются, и я очень отчётливо слышу замечания, сделанные намеренно для меня. Я игнорирую их. Они получают то, что им причитается; это всего лишь вопрос времени. Я выдыхаю и поднимаю взгляд на Галерею. Там, наверху, несколько знакомых лиц: Джон Ганнибал, Грегори Ван Хорн, Эбони Питерсон. И Крид Кэбот.

Его голубые глаза опускаются на мои, глаза незаметно расширяются, прежде чем он овладевает собой, возвращаясь к скучной королевской рутине. Я не отворачиваюсь, и он тоже; это похоже на вызов, и я отказываюсь отступить.

День первый, шаг первый, напомнить Идолам, что я не одна из их поклонниц.

Крид выдерживает мой пристальный взгляд, его глаза сужаются по мере того, как продолжается наше противостояние.

Повсюду люди вокруг нас перестают разговаривать и оборачиваются, чтобы посмотреть, наблюдая за перепалкой со слюной, свисающей у них изо рта. Ладно, не совсем так, но с таким же успехом они могли бы. Все они похожи на волков, причмокивающих губами в предвкушении новой добычи.

То есть до тех пор, пока не соберутся последние ученики и персонал не закроет двери часовни. Мгновение спустя они распахиваются, и из задней части комнаты доносится глухой рёв, распространяющийся вперёд, как лесной пожар. Крид резко поворачивает голову, и его глаза расширяются. Поскольку он первым отвёл наш взгляд, я поворачиваюсь и смотрю.

Моё дыхание сбивается так быстро, что я чувствую головокружение, а желудок скручивается в узел, когда чёртов Зак Брукс идёт по проходу, одетый в белый блейзер, красный галстук и белые брюки студента второго курса академии Бёрберри. Святое. Дерьмо.

Он останавливается рядом со скамьёй, на которой я сижу, и указывает вытянутой рукой на пустое место по обе стороны от меня. Поверх блейзера на нём куртка Леттермана (*прим. — спортивная куртка, выдаваемая участника спортивных команд*), выполненная в красно-черных цветах Подготовительной Академии Бёрберри.

— Ты не против, если я присяду? — спрашивает он, его глаза прожигают дыру прямо во мне. Мои зубы сжимаются, и мне хочется закричать от отчаяния. Вместо этого я оглядываюсь на Галерею и обнаруживаю, что Тристан, Крид и Зейд наблюдают за мной.

Хм-м.

Им не нравится Зак, никому из них. Когда они ухаживали за мной, они притворялись, что это из-за пари, которое он заключил с Лиззи. Очевидно, что им было на меня наплевать, так что это должно быть что-то другое. Судя по выражению их лиц, очевидно, что они не в восторге от присутствия здесь Зака.

— Почему бы и нет? — шепчу я, но в комнате теперь так тихо, что мой голос эхом отдаётся в часовне. Зак садится рядом со мной, прижимаясь своим бедром к моему. Там, где наши тела соприкасаются, моя кожа горит, но я игнорирую это ощущение. Я признаю это: в прошлом году я отчаянно нуждалась в дружбе, в товарищеском общении, в... романтике. В этом году я не повторю тех же ошибок. Я не поддамся жгучей боли в груди, когда парни рядом, и я не позволю пустой песне сирен моего одиночества затащить меня на скалы. — Почему ты здесь и откуда у тебя эта куртка? — мне не следовало бы даже утруждать себя расспросами, но моё любопытство убивает меня.

— Тренер видел мою игру, когда Бёрберри играли против Ковентри. — Зак пожимает своими широкими плечами, тёмные волосы подстрижены «ёжиком». Он смотрит прямо перед собой и держит ладони на бёдрах. Он ведёт себя так, будто не замечает, что все пялятся на нас. Полный бред. — Он устал проигрывать государственным школам и убедил администрацию принять меня. — Зак смотрит на меня затуманенными и непроницаемыми глазами. — Я прям легенда, я единственный второкурсник в университетской команде. — Он ухмыляется и щипает себя за плечо куртки, замирая, когда передо мной появляется Миранда.

Мы пристально смотрим друг на друга, и, клянусь, я никогда ещё так не нервничала.

Мисс Фелтон уже выходит на сцену позади неё, поэтому вместо того, чтобы говорить, Миранда просто плюхается с другой стороны от меня, стараясь, чтобы её нога не касалась моей. Я понятия не имею, что это значит между нами, но, когда я отваживаюсь бросить последний взгляд на Голубокровных, я вижу напряжённое лицо Крида и облизываю губы.

В моём блокноте есть список с его именем.

Слабости Крида Кэбота

1. *Миранда Кэбот.*

2. *Кэтлин Кэбот.*

3. *Завидует Тристану.*

4. *Отчаянно пытается избавиться от звания «новые деньги».*

5. *Издевательства в государственной школе.*

Восстановление моих отношений с Мирандой имеет первостепенное значение, не только ради меня самой, но и ради... всего остального тоже. Мне нужно, чтобы она была на моей стороне.

Директор Коллинз подходит, чтобы встать рядом с мисс Фелтон, и откашливается. В комнате уже тихо, если не считать сплетничающего шёпота некоторых студентов, но при звуке её голоса всё погружается в гробовую тишину.

— С возвращением, — начинает она, её серые глаза осматривают толпу. Когда её взгляд скользит по мне, в нем мелькает лёгкая искорка сочувствия и сожаления. Я вижу это на лицах каждого взрослого здесь, и меня тошнит от этого. Мой рот сжимается в тонкую линию, когда я переключаю своё внимание на Зака. Его слова внезапно приобретают для

меня гораздо больше смысла.

«— В Бёрберри только я против всего мира; я уже смирилась с этим.

— Я бы так не сказал».

Интересно, как долго Зак планировал это?

— Как, я уверена, большинству из вас известно, — продолжает директор Коллинз, двигаясь по сцене медленными, неторопливыми шагами, — то, как закончился прошлый год, стало позором для звания нашей Академии Бёрберри, пятном на наших традициях и ужасающим примером неограниченных привилегий. — Она останавливается на самом краю сцены, и я определённо не пропускаю момент, когда она ненадолго обращает своё внимание на Галерею и собравшихся Голубокровных. Я ёрзаю на скамье; я чувствую в миссис Коллинз возможного союзника. Мне придётся быть осторожной, чтобы развить эти отношения. — В этом году мы больше не повторим тех же ошибок. Ознакомьтесь со школьным руководством, потому что вы несёте ответственность за то, чтобы быть в курсе всех изменений в нашей академической политике. Тем, кто нарушит, грозит временное отстранение от учёбы или отстранение, без каких-либо исключений.

Она делает паузу, ещё раз окидывает взглядом толпу, а затем переходит к обычным объявлениям первого дня.

Но в этой комнате нет ни одной пары глаз, которая не была бы направлена на меня.

Хорошо.

Пусть они посмотрят.

Там будет на что посмотреть.

К концу первого дня я измотана, и в моём уме крутятся всевозможные варианты, отчаянно ища какой-нибудь способ исправить ущерб, который был причинён мне. У меня уже есть преимущество, мои летние планы воплощаются в великолепное действие. Но не сейчас. Ещё не время.

Я направляюсь в столовую и сажусь у окна за столик, который раньше делила с Мирандой. Похоже, в этом году у нас довольно разные графики, так что, если она хочет найти меня, это её шанс. Я не собираюсь преследовать её, если она не готова.

Итак, я сажусь, не обращая внимания на взгляды и перешёптывания, на то, как за столом Идолов воцаряется тишина, когда я достаю блокнот (не тот «Месть», а другой), кладу его на стол и оставляю там, пока просматриваю меню. Сделав заказ, я наклоняюсь и начинаю писать.

Тристану Вандербильту требуется всего две минуты, чтобы подойти ко мне.

— В этом году тебе сюда вход воспрещён, — говорит он мне мягким, как шёлк, голосом. Я практически чувствую, как он растекается по моему телу, пробуждая каждое нервное окончание на моей коже. Мои руки покрываются гусиной кожей, но я не обращаю на это внимания. Похоть — это эмоция, которую я смогу игнорировать, если потребуется. К чёрту Тристана Вандербильта. — Ты слышала меня, Черити? — он наклоняется и кладёт локти на стол. Я удивляюсь отсутствию группы поддержки за его спиной, но пользуюсь этим, поднимая голову и встречаясь с его серыми глазами. — Я знаю, что тебе разрешили принимать пищу в своей комнате. Подними свою задницу и иди засунь туда свою жирную рожу.

Его слова жалят меня, как будто я бегу по полю крапивы, маленькие колючки впиваются в мою кожу. Я отмахиваюсь от боли, захлопывая блокнот и щёлкая замком сбоку. Тристан замечает это действие, а затем снова сосредотачивается на мне.

— Ты знал, что они сломали мне рёбра? — спрашиваю я, и он смотрит на меня с пугающей бесстрастностью. Там нет и намёка на какие-либо нормальные человеческие эмоции, только холодная сталь и лёд.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, и мне всё равно. Вставай и возвращайся в свою комнату, пока я не заставил тебя это сделать. — Я улыбаюсь ему, но я не боюсь, совсем нет.

— Харпер, Бекки, другие девочки... — я замолкаю, указывая рукой в их сторону. — Ты знал, что они собирались зайти так далеко? — Тристан прищуривает глаза и хмуро смотрит на меня, но, по крайней мере, в этом жесте есть доля человечности; я поймала его.

— О чём ты вообще бормочешь? — он огрызается, но я явно задела его за живое, потому что Тристан уже злится на меня, а я только начала.

— Когда девочки загнали меня в угол за кулисами перед моим соло на арфе, ты знал, что они избьют меня так сильно, что я сломаю себе рёбра и выбью зуб? — мои глаза прикованы к нему, поэтому, когда его глаза незаметно расширяются, я замечаю это. Он быстро берёт себя в руки, выпрямляется и проводит ладонью по своему красному галстуку. Но это было там, та маленькая подсказка, которая даёт мне всю необходимую информацию: он не знал. Тристан, самопровозглашённый король Академии, не знал о плане девочек.

Первое семя сомнения было посеяно.

— Это твоё последнее предупреждение: забирай свою еду и возвращайся в комнату.

— Или что, Вандербилт? — спрашивает тревожно мрачный голос у него за спиной. Мы с Тристаном оборачиваемся и видим Зака Брукса, прислонившегося к стене с прищуренными глазами и криво нахмуренным ртом. — Ты изобьёшь её, как это сделала твоя подружка? Оставишь её покрытой синяками и кровью?

Всё тело Тристана настолько одеревенело, что я задаюсь вопросом, не болят ли его мышцы от того, что их так долго держат в напряжении. Он просто смотрит на Зака сверху вниз, а затем, наконец, подходит на несколько шагов ближе. Эти два парня стоят лицом к лицу, и, честно говоря, мне приятно за этим наблюдать. Может быть, они побьют друг друга прямо здесь, на глазах у всех, а затем начнут год с предупреждения в их записях?

— Ты думаешь, что так отличаешься от нас, — мурлычет Тристан, протягивая руку, чтобы провести длинными пальцами по своим иссиня-чёрным волосам. — Ты думаешь, что из-за того, что тебе *жаль*, ты в чём-то лучше нас?

Руки Зака сжимаются в кулаки по бокам.

— Я никогда не говорил, что я лучше; я лишь говорю, что я на стороне Марни. Вот и всё. — Он переводит взгляд за плечо Тристана, чтобы встретиться с моим. — Я и так мудак. Я уже запятнан. Я не позволю ей запятнать себя попытками сразиться с тобой. Сначала я уничтожу тебя.

Тристан поворачивается ко мне, ухмыляясь и приподнимая брови.

— Ты? Сразишься с нами? — смех, вырывающийся из его горла, разрывает моё сердце пополам, но я позволяю этому случиться, позволяю себе истекать кровью. Он никогда не заботился обо мне, ни когда целовал меня на пароходе, ни когда дарил мне ожерелье, ни когда защищал меня в кабинете заместителя директора. Каждая секунда была фальшивой... но так ли это? — О, пожалуйста. Какими средствами? Той мелочью, которую я бросил в твою копилку?

— Я заставлю тебя пожалеть, — шепчу я, но не потому, что боюсь, а потому, что мой голос хриплый от решимости и угрозы одновременно. Тристан просто смеётся надо мной.

— Так и где же твоя армия?

— Здесь, — выпаливает Миранда, и я подпрыгиваю на своём месте. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё, и у меня отвисает челюсть, когда я понимаю, что она зашла внутрь, пока я была занята парнями. Её сумка с книгами перекинута через плечо, голубые глаза суровы, рот сжат в тонкую линию.

Крид стоит позади неё, застыв в дверном проёме, его глаза перебегают с меня на Тристана, Зака и, наконец, на Миранду. Его рот кривится в хмурой усмешке.

— У моей семьи больше денег, чем у тебя, Тристан, — огрызается Миранда, бросая сумку на бок и вальсируя в комнату, такая же Голубокровка, как и все остальные. Её глаза сверкают от разочарования. — И, если мне придётся отдать Марни все до последнего *цента*, чтобы победить тебя, я это сделаю.

— Крид, натяни-ка поводок на своей сучке сестре, — протягивает Тристан, рассеянно махая рукой. Лицо Крида напрягается, и я вижу, как напрягается мускул на его шее, когда он пытается подавить ярость. — Если ты этого не сделаешь, значит, она вне Внутреннего круга. Я покончил с этим дерьмом.

— Оставь это, Тристан, — шипит Крид, делая несколько шагов вперёд. — Миранда под запретом, и точка. Я больше не буду воевать из-за этого вопроса.

Мм-м. Крид против Тристана. Это будет полезный инструмент.

— Тогда выгони меня, — говорит Миранда, залезая под рубашку и вытаскивая связку

ключей. Я задаюсь вопросом, для чего они нужны, а потом вспоминаю Галерею и запертую дверь. Специальный набор ключей, только для элитных членов школы. Она швыряет их в грудь Тристана, и точно так же, как в случае с ожерельем, ему удаётся поймать и их тоже. — Скатертью дорога. — Она подходит к моему столику, пристально смотрит Тристану в лицо, а затем отталкивает его бедром в сторону, в то время как девушки-Идолы ахают и визжат, как поросята, которых режут. Миранда берёт своё меню, перекидывает свои волосы (или, по крайней мере, пытается это сделать), а затем с улыбкой смотрит через стол. — Мне нужно рассказать тебе *о-о-о-очень* много сплетен, — начинает она, и тогда я точно знаю, что между нами всё будет хорошо.

Нам предстоит проделать много работы, провести трудные разговоры, но это наше новое начало.

Я сосредотачиваюсь на своём меню, когда Эндрю входит в зал и занимает третье место. Зак тянется за четвертым, но моя рука вырывается, и я вцепляюсь пальцами в спинку стула.

— Я не готова, — говорю я ему, и он кивает. Но потом, конечно, он садится за столик через один от нас, наблюдает и ждёт.

— Она ест в столовой, — говорит Зак, поднимая глаза, чтобы посмотреть на Тристана, а затем на Крида. Мгновение спустя входит Зейд с Бекки, вцепившейся в его руку, как пиявка. При виде этого у меня кровь стынет в жилах, и я снова достаю свой дневник, яростно делая в нём пометки. Я поднимаю глаза от страницы и обнаруживаю, что взгляд Тристана прикован ко мне. Он хмурится и отворачивается, выбегая из столовой и хлопая за собой дверь.

Зейд и Крид ничего не говорят, проходя мимо меня, чтобы сесть за столик Идолов в углу.

Я бросаю взгляд на Зака, и он одаривает меня лёгкой, интимной улыбкой, которую замечает Миранда, делая глубокий вдох.

— Тебе тоже нужно многое мне рассказать, — шепчет она, и я улыбаюсь.

Хорошо, что она вернулась... даже если я ей не доверяю. Во всяком случае, пока.

Моя комната почти такая же, как и в прошлом году, за исключением одной вещи: новых замков на двери. Не то чтобы я думала, что это полностью остановит Голубую кровь, но это должно выиграть мне немного дополнительного времени.

Миранда присаживается на край моей кровати, и между нами воцаряется напряжённое молчание. Я прикусываю губу и прислоняюсь спиной к двери, подыскивая нужные слова, чтобы сказать.

— Мне так много нужно тебе рассказать, — начинает она, забирая слова прямо у меня изо рта. Её голубые глаза поднимаются на меня, и я ненавижу, что её взгляд так сильно напоминает мне Крида. Я не хочу думать о Криде, если только я не думаю о том, как его уничтожить. — Для начала: ты слышала о Виндзоре Йорке?

Мои брови взлетают вверх. Имя мне незнакомо, поэтому я качаю головой, отталкиваясь от двери и направляюсь к холодильнику на кухне за парой газированных напитков. Я бросаю одну Миранде, и она широко улыбается.

— Знаешь, он десятый в очереди на трон, — продолжает она, открывая банку и делая глоток.

— Трон... какой трон? — спрашиваю я, и Миранда смеётся.

— Ты действительно не в курсе текущих событий, да? — спрашивает она, приподнимая бровь. Она одаривает меня улыбкой, прежде чем продолжить. — Трон Англии, глупышка, да. Ну, знаешь, как принц Уильям и его жена Кейт? — я просто смотрю на неё. — Кейт

Миддлтон? Типа, все только о ней и говорят? Принц Гарри и Меган Маркл? Нет?! — Миранда выдыхает и встаёт, как будто это слишком важно, чтобы от этого отказываться. Лично я считаю, что это тактика затягивания времени, направленная на то, чтобы удержать нас от обсуждения реальных проблем. Она пренебрежительно машет рукой. — Виндзор — он... ну, технически он *принц*. Он правнук королевы. — Я просто смотрю на неё, пока она прикусывает нижнюю губу. — Он угнал яхту своих родителей и врезался в причал, отправив десять человек в больницу. Ему просто повезло, что он никого не убил.

— Какое это имеет отношение к чему-либо? — спрашиваю я, открывая свою содовую и делая глоток. Шипучая жидкость обволакивает мой язык, когда я смотрю Миранде в глаза и пытаюсь притвориться, что между нами ничего не произошло. Так много всего произошло. Так, очень много. Но как мне вообще затронуть эту тему? — Миранда, я... — я снова пытаюсь извиниться, но она перебивает меня. Может быть, она вообще не хочет об этом говорить?

— Его выгнали из стольких школ по всей Европе. Они действительно хотят, чтобы он взял себя в руки, поэтому отправляют его за границу. — Она улыбается мне, а затем тербит верх одного из своих носков. Сегодня она тоже надела очень длинные чулки. Интересно, встречается ли она всё ещё с той девушкой, Джесси Мейкер? Имею ли я вообще право спрашивать? Я думаю, что, скорее всего, нет. — В частности, они отправляют его в Америку. — Она делает паузу для драматического эффекта. — *В Калифорнию*.

— И что? — спрашиваю я снова, и Миранда вскакивает на ноги.

— В Калифорнии есть только три подготовительные академии, достойные принца: Подготовительная Академия Ковентри, Подготовительная Академия Беверли-Хиллз и Подготовительная Академия Бёрберри. Марни, я почти уверена, что он приедет сюда. — Я не совсем уверена, какое отношение имеет к чему-либо этот разговор, но я также не хочу наплевать на добрую волю Миранды, поэтому заставляю себя улыбнуться.

— Это потрясающе, — говорю я ей, мой голос слишком мягкий для такого обычного разговора. Она замолкает, и её рот сжимается в тонкую линию, глаза отводятся в сторону, как будто она пока не может смотреть на меня в упор. Я пытаюсь в последний раз. — Миранда, я...

— Марни, — выпаливает она, поднимая взгляд на моё лицо. — Ты же знаешь, что я пыталась писать тебе летом, верно? — я киваю и сдерживаю всхлип. Я не собираюсь плакать и не собираюсь выдавать желаемое за действительное. Я собираюсь надрать задницу какому-нибудь Голубокровному, вот что я собираюсь сделать. Просто... не Миранде. — Но я поняла, когда ты не ответила. Нам обоим нужно было время, и Крид... — она замолкает, когда мои губы кривятся в легкой усмешке. — То, что мой брат сделал с тобой, было непростительно. С тех пор я с ним почти не разговаривала. Если это даст тебе хоть какое-то душевное спокойствие, то это убивает его изнутри. — Она улыбается мне, но в этом нет особой радости; ей не нравится причинять боль своему близнецу.

Но это именно то, что я собираюсь сделать.

— Я собираюсь заставить его страдать, — говорю я ей, и она на мгновение прикусывает губу, прежде чем кивнуть.

— Да, я так и думала. — Её улыбка становится немного шире. — Меньшего я от тебя и не ожидала. И кроме того, — она делает паузу, чтобы залезть под рубашку и вытащить ожерелье, которое подарил мне Тристан, — если ты сделаешь что-нибудь меньшее, они распнут тебя. Сопrotивляйся, Марни, и покажи им то, что я уже знаю: ты заслуживаешь

быть здесь даже больше, чем они.

Она берёт меня за руку и кладёт ожерелье мне на ладонь.

— Что это? — я выдыхаю, и улыбка Миранды становится ещё шире.

— Тристан спрятал его у себя в кармане, а потом они с Харпер устроили по этому поводу скандал в холле. Все видели, и я имею в виду прям все. — Она пренебрежительно машет рукой. — В любом случае, когда он не обратил внимания, Харпер забрала его. Она выбросила его в мусорное ведро, и я его откопала. Оставь его. Возможно, ты найдёшь ему применение позже. — Миранда наклоняется и целует меня в щеку, прежде чем направиться к двери. Моя рука обхватывает ожерелье и крепко сжимает его. — Встретимся утром за завтраком и береги спину. Они охотятся за тобой, Марни, и всё будет намного хуже, чем в прошлом году.

Самыми важными вещами, которые я упаковала в свою спортивную сумку, были камеры, которые я заказала онлайн. Они подключаются к моему телефону по беспроводной сети, так что я могу просматривать отснятый материал в любое время. Расставляя их по своей комнате, я чувствую, как ухмылка расплзается по моему лицу. Лучший способ уничтожить Голубокровных — это позволить им самим утопиться. Если они снова вломятся в мою комнату, у меня будут доказательства.

Как только заканчиваю, я одеваюсь в безупречную форму академии, наношу немного макияжа и поправляю причёску так хорошо, как только могу. Волосы выглядят не так красиво, как в салоне, но всё равно острые и красивые, достаточно длинные, чтобы виться вокруг ушей. Затем я беру своё расписание и направляюсь в холл. Я сталкиваюсь лицом к груди с Заком Бруксом.

— Что ты здесь делаешь? — стону я, потирая нос, и хмуро смотрю на него снизу-вверх. — Мы не друзья.

— Только потому, что ты этого не хочешь, — говорит он, его глаза, лицо и голос, как всегда, мрачны и нечитаемы. Моё внимание сразу же переключается на его рот, вспоминая тот единственный страстный поцелуй, который у нас был во время нашего короткого свидания, и то, как волшебно его язык провёл по моей нижней губе.

Меня пробирает дрожь, но меня не интересуют ни Зак, ни Крид, ни Тристан, ни Зейд. Больше нет. К чёрту их всех. Грехи Зака, может быть, и старше, чем проступки других парней, но, честно говоря, они едва ли не хуже. Он заставил меня захотеть лишиться себя жизни, он и Лиззи. Я выдыхаю. Единственная причина, по которой её нет в моём списке, — это то, что она не ходит в эту академию, и у меня нет возможности ей отомстить. Зак в нём, потому что у меня всегда была связь с ним из-за его дружбы с моим отцом. Но теперь, по крайней мере, он прямо здесь, передо мной.

— Пожалуйста, подвинься, — говорю я, прижимая сумку с книгами к груди. Зак мгновение пристально смотрит на меня, и я не могу не заметить его аромат, спортивный, свежий и обволакивающий. От этого у меня порхают бабочки, и это тоже просто выводит меня из себя. — *Подвинься.*

— Ты не обязана быть на моей стороне, но я на твоей, — произносит он, но я больше не слушаю его, поэтому протискиваюсь мимо него и продолжаю идти по коридору и сворачиваю за угол.

За завтраком я достаю свой дневник и начинаю яростно писать. Есть так много вещей, которые мне нужно сказать неаккуратным курсивом между этими строками. Девочки в столовой, но парней нигде не видно. Они наблюдают за мной, пока я ем, голоса приглушены, ненависть приглушена.

Учитывая дополнительную безопасность, обеспечиваемую школой, нам всем придётся быть осторожными. Вот почему я не сделаю свой ход до пятницы, на первой вечеринке в этом году.

Дверь в столовую открывается, и входит Зак, ненадолго задерживаясь, его взгляд останавливается на мне, прежде чем он направляется к своему столу. Несколько минут спустя появляются Миранда и Эндрю, занимая места напротив меня.

— Что ты планируешь делать? — шепчет Миранда, наклоняясь, чтобы посмотреть на меня, её белокурые волосы качаются вперёд и касаются стола. Этот цвет снова напоминает мне о Криде, но я не позволяю своим мыслям вернуться к нему, поэтому вместо этого улыбаюсь.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, застенчиво улыбаясь. Я со щелчком закрываю дневник, с особой осторожностью защёлкивая замок, и убираю его в свою сумку для книг. Эндрю всё это время наблюдает за мной, приподняв одну бровь.

— Ну, — начинает он, переводя взгляд с Миранды на меня, — Миранда считает, что месть лучше подавать горячей и на пару, но я думаю, что её лучше подавать холодной. — Эндрю одаривает меня медленной, непринуждённой улыбкой, и я понимаю, из-за чего те несколько раз думала, что он флиртует со мной. Он по-настоящему открытый человек, от природы дружелюбный и харизматичный. Я думаю, мой гей-дар просто не работает должным образом. — Но ты *планируешь* что-то сделать с Голубокровными, не так ли? — он опирается локтями о стол, и его улыбка становится немного шире. — Посвяти меня в это, пожалуйста. Они уже выгнали меня... — Эндрю выдыхает, как будто только что вспомнил о своей собственной судьбе. Когда он снова смотрит на меня, выражение его лица становится чуть более серьёзным. — Я хочу быть частью этого.

— Ты знаешь, что мы собираемся помочь тебе, хочешь ты этого или нет, — говорит Миранда, откидываясь назад и заправляя волосы за ухо. — Так что теперь ты можешь рассказать нам всё о своих гениальных планах. — Она пытается отбросить волосы, но с треском проваливается. Я ухмыляюсь.

Я не собираюсь ничего рассказывать Эндрю и Миранде, особенно о том факте, что в этом году я никому не доверяю. Я едва могу доверять себе. Я решила, что мне нужно отстоять свою позицию, что мне нужно заставить Голубокровных заплатить, что мне нужно проложить себе место в школе. Но это скользкий путь, и я не хочу закончить так же, как *они*. Мне потребовалось много времени, чтобы понять, кто я такая, и ещё больше времени, чтобы полюбить человека, которым я становлюсь, поэтому я не могу позволить этому погубить меня. Это будет непросто. Однако пока я собираюсь оставить любые мысли о мести при себе.

— О, если у меня кое-что и запланировано то вы увидите.

В пятницу я намерена показать им, что именно у меня припасено в рукаве.

Первая неделя учёбы подходит к концу без каких-либо серьёзных событий. В коридорах слишком много сотрудников, и, хотя я отказала этому парню-телохранителю, Кайлу, или Киту, или как-то там ещё, он всё ещё здесь, ведёт себя как полицейский из кампуса академии. Это не мешает девушкам что-то говорить мне, проходя по коридору, но всё, что я делаю, это улыбаюсь. Я знаю, что у меня на уме.

Парни-Идолы, похоже, изо всех сил стараются держаться от меня подальше. То ли потому, что им трудно смириться с тем, что они сделали (сомнительно), то ли потому, что они так сильно ненавидят меня, что не уверены, смогут ли они контролировать себя в моём присутствии, я не уверена. По какой-то причине я очень редко вижу с тремя парнями, в которых начала влюбляться в прошлом году.

Однако Зак — это совсем другая история. Он сидит рядом со мной во время утренних объявлений и на каждом занятии, которое мы проводим вместе. В пятницу, когда я готовлюсь к вечеринке, он снова появляется у моей двери.

Я смотрю в глазок и вздыхаю, распахивая дверь и отступая назад, чтобы он мог войти в

комнату. Он такой чертовски высокий и широкоплечий, что занимает всё пространство своим присутствием. Моё сердце пропускает несколько ударов, прежде чем мне удаётся взять себя в руки. Помогает то, что Эндрю развалился на моей кровати, а Миранда в ванной закручивает свои длинные волосы в локоны. Мои золотисто-розовые локоны мягкими волнами обрамляют моё лицо, волосы тщательно уложены и покрыты блёстками.

Зак оглядывает меня своими тёмными глазами, оглядывая с головы до ног, его лицо совершенно бесстрастно. Он редко проявляет эмоции. Выражение лица, которое у него сейчас, могло бы быть тем же самым, которое он использовал, когда мучил меня в Лоуэр-Бэнкс. Чёрт, возможно, у него было такое же выражение лица, когда он взял моё лицо в свои большие ладони и поцеловал в губы. Мой первый поцелуй. Наш последний поцелуй.

Я скрещиваю руки на груди, полностью осознавая, что на мне нет ничего, кроме халата с нижним бельём. Не бери в голову никаких идей: это нижнее бельё не для кого-то, а только для меня. Оно заставляет *меня* чувствовать себя более уверенно.

— Хорошо выглядишь, Рид, — говорит Зак, одетый в свою командную куртку, обтягивающую чёрную футболку, тёмные джинсы и новые блестящие кроссовки. Он выглядит на миллион баксов. Его наряд, каким бы непритязательным он ни был, вероятно, стоит примерно столько же. — На вечеринку, я полагаю?

— Чего ты хочешь, Зак? — спрашиваю я, глядя на него и гадая, пришёл ли он сюда из чувства вины, беспокойства, любопытства, из-за всего этого? Мне не нужно, чтобы он обращал на меня внимание, потому что он чувствует, что должен это делать. И мне не нужно было, чтобы он перевёлся сюда из какого-то большого чувства долга. Он может быть со мной так мил, как хочет, это ничего не меняет. Его имя всё ещё в моём списке.

— Позволь мне подстраховать тебя, — произносит он, небрежно пожимая своими массивными плечами. От этого движения мышцы на его груди напрягаются, и мой взгляд зацепляется за ткань его футболки, которая натягивается при движении. Боже милостивый. Неудивительно, что тренер был не против взять его в университетскую команду на втором курсе. Зак крупнее любого другого парня в этой школе, включая четверокурсников. Держу пари, он давит парней на поле. — Персонал не знает о сегодняшней вечеринке. Это будет нелегко.

Я улыбаюсь.

«*Думаю, это именно то, на что я надеялась*», — но я ничего не говорю. Миранда выходит из ванной и останавливается, внимательно оглядывая Зака. Она ещё не составила о нём своего мнения, так или иначе. И под этим я подразумеваю, что она ещё не решила, должен ли он утонуть в ледяном озере или сгореть в огненном взрыве.

— Какого чёрта тебе здесь нужно? — требует она, неторопливо подходя и становясь рядом со мной. Она такая царственная и дерзкая. Её заменила во Внутреннем круге девушка по имени Илеана Тайтингер, первокурсница, которая сразу же невзлюбила меня, когда на второй день занятий сказала, что я слишком уродлива, чтобы быть Работяжкой. Я добавила её имя в свой список. Замена Эндрю ещё не определена, но я уверена, что, кем бы он ни был, он станет ещё одним персонажем для записи.

— Давай я отведу тебя на вечеринку сегодня вечером. Я не буду держаться слишком близко, но, по крайней мере, позволь мне сопроводить тебя. Ты же знаешь, что эти парни ненавидят меня до глубины души, верно? Им, чёрт возьми, не понравится видеть нас там вместе, — я фыркаю, отводя взгляд туда, где Эндрю ждёт на кровати. Он по-прежнему одет в свою униформу, и хотя он ничего не сказал, в нём чувствуется нетерпение. Я думаю, он рад

встретиться с Гэри Джейкобсом на вечеринке.

— Почему они так сильно тебя ненавидят? — спрашиваю я, склонив голову набок и изучая Зака. — Я имею в виду, они предостерегали меня от тебя ещё до того, как заключили своё дурацкое пари. Очевидно, это было сделано не из любви ко мне. Что в тебе такого, что их так сильно беспокоит?

— Мой брат, может, и жестокий придурок, но он никогда бы не зашёл так далеко, как ты. Ты чуть не убил Марни. Ты неисправим, Зак. Отъебись. — Миранда отбрасывает свои волосы и бьёт ими меня по лицу. Я убираю пряди с покрашенных губ, когда она разворачивается на каблуках и устремляется обратно в ванную.

— Так ты думаешь, грехи Крида можно искупить, да? — спрашивает Зак, протягивая руку, чтобы потереть большим пальцем нижнюю губу. — Ты думаешь, что это пари — худшее, что когда-либо предлагал Клуб Бесконечности? Ты определённо пьёшь из чаши наивности, когда дело касается твоего близнеца.

Мои брови взлетают вверх, когда Миранда разворачивается и марширует обратно в комнату, голубые глаза сузились до щёлочек. Вау. Она выглядит точь-в-точь как Крид, когда делает так. Меня пробивает дрожь, и я скрещиваю руки на груди, как будто обнимаю саму себя.

— Что именно это значит? — огрызается она, слова слетают с её языка, как удар хлыста. Я немного съёживаюсь, но Зак просто стоит там, уставившись на нас обоих.

— Если бы я мог сказать тебе, я бы сказал. — Я фыркаю на это, и он переводит взгляд на меня. — Что? Это правда. В тот день, когда они рассказали тебе, что мы с Лиззи сделали, у меня уже был план. Я...

— ...собирался сказать мне из жалости и чувства вины? Для меня этого недостаточно, Зак. — Я резко выдыхаю и вызывающе вздёргиваю подбородок. Наши глаза встречаются, и по мне пробегает лёгкий трепет. Он выглядит виноватым, как будто действительно чертовски сожалеет. В его печали есть такая глубина, что заставляет мою кровь петь. Хорошо. Хорошо, пусть он пожалеет о том, что сделал. — Если бы Лиззи не изменила условия пари, что тогда? Что бы ты сделал?

— Марни, — начинает он, его мрачный голос слегка надтреснут. — Я... — Зак просто замолкает, вздыхает, а затем закрывает глаза. Когда он открывает их, та же старая стена возвращается, рушась перед его эмоциями и отсекая их от источника. Он протягивает руку и проводит пальцами по своим коротким тёмным волосам. — Я ничего не могу сказать, чтобы загладить то, что я сделал. Абсолютно. Я пойду.

— Отлично, — говорит Миранда, подталкивая его к двери и открывая её. Он позволяет вытолкнуть себя в коридор, и последнее, что я вижу, прежде чем она захлопывает дверь, — это его лицо, глубоко нахмуренный рот, печальные глаза. — Какой грёбаный придурок. Я даже не могу *поверить*, что я подтолкнула тебя к свиданию с ним.

— Ты думаешь, грехи Крида можно искупить? — спрашиваю я, и Миранда замирает. Она отвернулась, так что я не могу видеть её лица, но, когда она оглядывается через плечо, я вижу, что это правда. Она действительно так думает. Но, он её брат, так чего же ещё я могу ожидать?

— Я имею в виду, он не так плох, как Зак... — начинает она, прежде чем повернуться и посмотреть на меня. — Он действительно поддержал меня в том, что я лесбиянка, и он даже запретил Голубокровным делать гомофобные комментарии.

— Вот это победа, — произносит Эндрю, закатывая глаза. Он садится и пристально

смотрит на неё. — Не оправдывай его. Я не говорю, что Зак хороший парень, но, по крайней мере, он пытается извиниться. Криду наплевать на то, как он причинил боль Марни.

Миранда вздыхает и кивает головой.

Я ненавижу вставать между ней и её братом, но, если она останется со мной, это произойдёт так или иначе. Мне даже не придётся забирать её у него. Он сделает всё это сам. Я закрываю глаза и вспоминаю правило номер пять из моего списка: *пусть они повесятся на своей собственной верёвке.*

— Я не буду оправдывать его, — говорит она, встречаясь со мной взглядом. Я киваю, а затем беру своё новое платье со стула в углу.

— Пойдёмте: я хочу произвести свой выход.

И вот всё начинается...

Одолжение, о котором я попросила Эндрю, было простым: позволить мне одолжить его машину на год. Технически, ни одному студенту не разрешается держать автомобиль без специального разрешения. Но они всё равно это делают. В прошлом году они буквально отбросили осторожность и парковались на одной из стоянок для персонала. В этом году, с учётом всех новых мер безопасности и контроля, все они заплатили за доставку своих автомобилей на стоянку рядом с территорией кампуса. Добраться до неё — значит пробираться через лес в сверкающих вечерних платьях и шлейфе духов. Клянусь, в этой роще деревьев так много одеколона и спреев для тела, что мне кажется, я вот-вот задохнусь.

— Я думаю, сюда пришёл каждый долбаный студент академии, — шепчет Миранда, когда мы идём по мокрой траве в балетках, зажав каблуки в руках, сумочки перекинута через плечо. Я придерживаюсь стиля академии: на мне платье, которое стоит слишком много денег, чтобы я могла себе представить, и на мне туфли на каблуках, которые купил мне Крид. В целом, включая украшения, которые я позаимствовала у Миранды, на мне одежды и аксессуаров на сумму более *пяти тысяч долларов.*

Меня чуть не тошнит от этой мысли.

Кроме того, я почти уверена, что в любом случае я буду одета скромнее всех.

— Похоже на массовый побег, — шепчет Эндрю, передавая мне свои ключи. Я вижу яркое сияние экранов телефонов, блеск украшений и платьев, подмигивающих мне из разных мест между деревьями. Я бы удивлась, если бы персонал не знал, чем мы все занимаемся. С другой стороны, как они могут на самом деле арестовать каждого студента в академии? Волосы у меня на затылке встают дыбом, и я оглядываюсь, ожидая, что из тени появится тот парень, Кайл.

— Это не просто похоже, — шепчет Миранда, прикусывая нижнюю губу, — это он и есть.

Мы добираемся до опушки деревьев, не встретив никого из Голубокровных, и мне приходится присвистнуть при виде сверкающей красной красавицы машины Эндрю.

— Срань господня, Эндрю, — шепчу я, проводя рукой по капоту. Сказать кому-то, что у тебя есть красный «Ламборгини», и увидеть его лично? Две совершенно разные вещи. Например, я даже не разбираюсь в машинах, но эта... сексуальная, как ад. — Напомни, чем занимается твоя семья?

Он засовывает пальцы в карманы и пожимает плечами, сминая свой академический пиджак.

— Мы производим транспортные средства, — говорит он, а затем улыбается мне. — Практически на любой машине, произведённой в США или Италии, где-то есть знак

Пейсонов. — Я улыбаюсь в ответ, но на самом деле я уже знала ответ на этот вопрос. Я изучила каждого Голубокровку из своего списка, их семьи и их собственный капитал. Я знаю, кто самый богатый из богатых, а кто просто висит на волоске.

Хриплый смех разносится по стоянке, и я поднимаю голову, чтобы увидеть Зейда с запрокинутой головой. Он воеет из-за того, что только что сказал Грег, его рука обнимает Бекки за талию. Моя кровь закипает, когда они все набиваются в синий «Ягуар F-типа» с откидным верхом, взбивая гравий, когда они выезжают со стоянки, не обращая внимания ни на кого другого. Я съёживаюсь, когда Зейд едва не врежется передней частью своей машины в «Порше» Валентины.

— Идиоты, — бормочу я, когда замечаю оранжевый «Макларен» Зака, припаркованный через дорогу. Он прислоняется к ней, наблюдая за мной. — Сталкер, — добавляю я, отсылая его, прежде чем открыть двери «Ламбо» и подойти к водительской стороне. Прежде чем забраться внутрь, я вижу Тристана и Крида, стоящих рядом с «Бентли Бентайга», по сути, супер претенциозным белым внедорожником. Словно почувствовав, что я смотрю в их сторону, они оба одновременно поворачиваются, серо-голубые глаза впиваются в мои.

Я ухмыляюсь Идолам, верчу в пальцах ключи Эндрю и сажусь на водительское сиденье.

— У Крида есть машина? — спрашиваю я, закрывая дверь и наблюдая через тонированное стекло, как Тристан садится в «Феррари Спайдер» своего отца, а Крид забирается в «Бентли». Клянусь, каждый богатый человек получает машину на своё шестнадцатилетие. — А Тристан украл машину своего отца или он сам подарил её ему?

— Мой отец предложил нам выбор: машина или деньги в нашем доверительном управлении. Крид выбрал машину, я выбрала наличные. О, и Тристан снова украл «Феррари», — добавляет Миранда, пожимая плечами. — Он ездил на нём всё лето. У его отца так много машин, что он, наверное, и не заметил. Или не заботиться. Уильям Вандербилт не слишком-то уделяет внимание своему сыну. — Она проверяет свой телефон, а затем так громко визжит мне в ухо, что я подпрыгиваю. — Пока никуда не уезжай!

Миранда выбирается с заднего сиденья, придавливая Эндрю передним сиденьем, когда протискивается мимо него. Не успевает она сделать и двух шагов из машины, как бросается обнимать девушку, в которой я смутно узнаю Джесси Мейкер, ту самую девушку, с которой я видела её в прошлом году. Они обнимаются так крепко, что кажется, могут сломать друг другу рёбра, а потом отстраняются и просто улыбаются друг другу.

Оглядываясь назад через окно со стороны водителя, я вижу Крида, сидящего в своём «Бентли» с опущенным стеклом и наблюдающего за ним парой. Его руки крепко сжимают руль, и я знаю, что он так же, как и я, осознает, что Грегори Ван Хорн и Джон Ганнибал наблюдают за ней. Он резко отворачивается и заводит внедорожник, выезжая оттуда почти так же быстро, как это сделал Зейд.

— Ничего, если Джесси поедет с нами? — спрашивает Миранда с порозовевшими щёками, тяжело дыша, когда заглядывает в машину.

— Меня это устраивает, — отвечаю я, и ни одна из девушек не ждёт Эндрю, прежде чем они выдвигают его сиденье вперёд и забираются на заднее.

— Привет, Марни, я много слышала о тебе, — говорит Джесси, её тёмно-каштановые волосы блестящими прядями ниспадают на худые плечи. У неё по-настоящему милая улыбка, сверкающие каштановые глаза и белое платье, которое не оставляет простора для воображения.

— Только хорошее, — уверяет меня Миранда, когда я улыбаюсь и пожимаю руку

новенькой девушке, заводя двигатель «Ламбо» с восхитительным урчанием. Как я уже сказала, я не любитель автомобилей, но, чёрт возьми, вибрации двигателя сквозь чёрную кожу сиденья почти достаточно, чтобы обратить меня в свою веру.

Гораздо осторожнее, чем другие, я выезжаю и по той же гравийной дороге поднимаюсь со стоянки и выезжаю из неё, направляясь к месту проведения первой вечеринки в этом году: загородному особняку Илеаны Тайтингер. Это примерно в двух часах езды к северу от Бёрберри, вверх по извилистой прибрежной дороге, которая огибает Санта-Крус и заканчивается великолепно длинной подъездной дорожкой, увенчанной причудливыми металлическими воротами.

Есть студенты — первокурсники, судя по их форме, и один третьекурсник, — которые охраняют ворота и открывают их только после того, как проверят, кто находится внутри каждой машины.

Нас совершенно определённо не приглашают.

— Ты всё ещё не сказала нам, как ты планируешь туда попасть, — говорит Эндрю, когда мы ползём по подъездной дорожке, и я резко выдыхаю, бросая на него сочувственный взгляд. Он видит это и сразу же начинает что-то подозревать. Как ему и следовало бы.

— Услуга есть услуга, — говорю я ему, и его лицо бледнеет. Мы останавливаемся всего в нескольких футах от ворот, когда к нам неторопливо подходит одна из первокурсниц в развевающейся на ветру юбке, демонстрируя при этом кружевные розовые трусики. Хм-м. Я опускаю стекло, и она опирается предплечьями на дверцу, её приторный аромат наполняет машину, вызывая у меня тошноту.

— Прошу прощения, — выплёвывает она, и язвительность в её голосе заставляет меня стиснуть зубы. Эта девушка никогда не встречалась со мной, и всё же она здесь, смотрит на меня так, словно я ниже прудовой мрази. — Никаких шлюх, потаскух или проституток не допускается. Иди показывай свои фокусы в городе, Работяжка.

— Приятно с тобой познакомиться, — говорю я, сохраняя нейтральный тон и приятное выражение лица. Я чувствую напряжение, исходящее от Эндрю, Миранды и Джесси позади меня. — Меня зовут Марни Рид, и я буду присутствовать на этой вечеринке, большое тебе спасибо. — Я продолжаю улыбаться, когда девочка хмуро смотрит на меня, а с другой стороны подходит мальчик в форме третьекурсника.

— Никаких педиков, — говорит он, качая головой и насмешливо глядя на Эндрю через частично опущенное окно. — Мне всё равно, что говорит Крид. Он не придёт на вечеринку к моей младшей сестре. Не хотел бы быть изнасилованным гомиком.

Парень смеётся, и звук этот скорее похож на визг осла с больным горлом, зернистый, сопливый и уродливый. Я борюсь с желанием закричать, мои руки крепче сжимают руль.

— Давай просто уедем, Марни, — шепчет Эндрю, его голос и лицо мрачнеют. — Мы сюда не попадём.

— Пожалуйста, откройте ворота, — повторяю я, и девушка смеётся надо мной, отходя, чтобы встать рядом с кирпичной колонной слева, идеально встряхивая волосами, а затем хихикая над чем-то, что говорит один из парней. Другой засранец, очевидно, старший брат Илеаны, фыркает и отсылает нас, прежде чем неторопливо вернуться к группе. Вздохнув, я включаю задний ход и притворяюсь, что уезжаю.

Но нет.

— Марни... — начинает Эндрю как раз перед тем, как я снова завожу машину и нажимаю на газ. С визгом шин и вонью горелой резины мы устремляемся вперёд и

проламываем ворота. Они не заперты, поэтому легко открывается, металл отлетает назад и врезается в кирпичи. Все глазают на нас, когда мы пересекаем лужайку и паркуемся рядом с десятками других модных машин, которые уже стоят там.

Я обращаю внимание на машины Зейда, Крида и Тристана, прежде чем вылезти и запереть двери, засовывая ключи в лифчик. Эндрю всё ещё пялится на меня, разинув рот, а Миранда ухмыляется, едва сдерживаясь, чтобы не подпрыгнуть на месте. Ладно, может быть, она немного подпрыгивает вверх-вниз. Джесси только поднимает брови и удивлённо присвистывает.

— Ладно, кто ты такая и что ты сделала с Марни Рид, которую я знаю? — спрашивает Миранда, когда группа от ворот несётся через двор ко мне. Я игнорирую их, встряхиваю волосами (надо сказать, неудачно) и направляюсь к парадному крыльцу, к толпе глазающих студентов.

Зейд прямо там, в гуще событий, с пивом в руке, его рот открыт, его зелёные глаза следят за мной, пока я направляюсь к входной двери.

— Эй! — кричит парень Тайтингер, взбегая по ступенькам, чтобы преградить мне путь. Его уродливое лицо искажается в усмешке, и я почти уверена, что он примерно в десяти секундах от того, чтобы дотронуться до меня. Стервозная первокурсница идёт прямо за ним, занимая позицию слева от него, как часовой.

— Ты грёбаная сука! — рычит она, и довольно тревожно видеть такое ненавистное выражение на её детском личике. Я смотрю на них обоих с вопросительным «и что?» выражением лица, прежде чем взглянуть на Эндрю и мягко улыбнуться.

— Мне жаль машину, но, кажется, на ней даже царапины нет. Должна сказать, твоя семья производит качественные автомобили. — Секунду он смотрит на меня, моргая от шока, а затем ухмыляется.

— Думаю, что это так.

— Заткни свой рот, педик, — усмехается Тайтингер, подходя вплотную к Эндрю. Кажется, он немного сомневается в том, чтобы ударить девушку, но я беспокоюсь за Эндрю.

— Отойди от него, Крейг! — кричит Миранда, такая же Голубокровная, какой она всегда была. Нет, нет, в ней больше Голубой крови, чем было раньше. Она выглядит практически по-королевски в своём кремовом платье, как принцесса. Или, может быть, даже королева. — Если ты дотронешься до него, я убью тебя.

— Да? — Крейг ухмыляется, толкая Эндрю ладонью в грудь. Эндрю отшатывается, ноздри раздуваются, но он стоит на своём. Миранда оказывается рядом в одно мгновение, несмотря на попытки Джесси оттащить её назад. Она бросается на Крейга Тайтингера, и он поднимает кулак. Я готова вмешаться, но...

Бледная рука сжимает его запястье и дёргает назад с такой силой, что он спотыкается и кучей падает на крыльцо. Вокруг уже собралась толпа, и Крид смотрит сверху вниз на брата Илеаны с таким мрачным лицом, что я едва узнаю его.

— Ты подумал о том, чтобы тронуть мою сестру? — он шепчет, его голос подобен зазубренным пластинам льда, острым, как стекло, и леденяще холодным. Они могут порезать до кровотечения и отравить плоть обморожением — всё это одновременно. — Ты, блядь, *издеваешься* надо мной? — Крид ставит ногу на горло Тайтингера, и толпа потрясённо ахает. Что касается меня, то у меня включена запись с моего телефона, и никто об этом не знает.

«Он просто защищает свою сестру», — думаю я, но прогоняю эту мысль, вспоминая,

как бесстрастно он смотрел на меня, когда я была унижена, вспоминая мои трусики, зажатые в его руке. Он швырнул их в меня, как швыряет мусор в бродячую собаку.

— Отстань, Кэбот, — рывкает первокурсница, её руки сжимаются в кулаки. — Эти идиоты ворвались в ворота. Крейг просто пытался помочь.

— *Ударив мою сестру?* — произносит Крид Кэбот, и от его голоса у меня по спине пробегает холодок. Я помню, как в прошлом году он набросился на Деррика Барра с руганью, а затем сбросил его с террасы в сорняки. Жутко. — А что я говорил о гомофобном мусоре? Я этого не потерплю. — Он ещё сильнее упирается ногами в горло Крейга, и я чувствую лёгкий укол внутри себя. Я не сторонник насилия, но... Послание Крида — хорошее. Тем не менее, я продолжаю записывать. — Оставь их в покое.

— Но Работяжка... — бормочет первокурсница, и глаза Крида, обычно полуприкрытые и ленивые, устремляются на неё, острые от ярости. Она отступает на несколько шагов и поджигает свои блестящие красные губы. Мгновение спустя в дверях появляется Тристан с Илеаной под руку. Она хихикает и флиртует, пока не видит своего брата на земле.

— Крейг! — она отталкивается от Тристана и, спотыкаясь, идёт вперёд, в бешенстве отбрасывая Крида с дороги. Когда он натывается на меня, моя рука скользит к нему в карман и выуживает ключи. Они оказываются в моём кармане, прежде чем он понимает, с кем только что столкнулся, и поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Он задыхается от ярости, но быстро закрывает глаза, делает несколько глубоких вдохов и прогоняет эмоции. Когда он снова открывает их, это те же ленивые, беззаботные глаза, к которым я привыкла.

Пока он пристально смотрит на меня, я наклоняюсь и меняю свои балетки на каблуки, которые он купил мне в прошлом году, с рисунком золотой луны и серебряной звезды.

— Что ты, чёрт возьми, здесь делаешь? — спрашивает Тристан, когда Крейг поднимается на ноги, задыхаясь и свирепо глядя на Крида. Хорошая четверть толпы, похоже, на самом деле симпатизирует ему. Мило. *Это должно было стать моим седьмым правилом: создать пропасть между Плебеями и Голубой кровью.* Крейг Тайтингер, каким бы надменным и самонадеянным он ни был, по-прежнему остаётся всего лишь Плебеем на светской сцене Бёрберри.

— Я? — спрашиваю, неторопливо подходя к Тристану и кладя руки на его шерстяной пиджак спереди. Я провожу по ним ладонями вниз, когда взгляд серых, как лезвие, глаз Тристана сужается. Я знаю, как выгляжу, осыпанная бриллиантами, в облегающем золотом платье и на каблуках. Целое лето я тренировалась и готовила себя к этому моменту, и это заметно. У меня всё ещё пышные формы, но моё тело намного подтянутее. Он может это видеть, я знаю, что он может.

«*Боже, это так странно*», — думаю я, обхватывая пальцами края его карманов. Насколько я могу судить, внутри нет ключей.

Мне придётся поискать в другом месте.

— Я здесь, чтобы повеселиться.

Я толкаю Тристана назад, и он спотыкается. Но только потому, что он не ожидает этого шага. Зейд всё это время наблюдает за нами, всё ещё разинув рот, его глаза провожают меня до двери, я направляюсь к столику с напитками и наливаю себе пива. Ни за что на свете я не собираюсь его пить, но, когда я вижу, что Харпер Дюпон пристально смотрит на меня из толпы, я поднимаю свой стакан в знак приветствия и притворяюсь, что делаю глоток. Она насмехается надо мной, но я просто улыбаюсь, ожидая, когда Эндрю, Миранда и Джесси догонят меня.

— Что всё *это* значит? — ахает Миранда, глядя на меня так, словно никогда раньше не видела. — Это было частью твоего плана мести?

— Просто это произошло, — отвечаю я, и это правда. Так оно и было. Ну есть определённые способы играть в эту игру, советы и хитрости, позволяющие противопоставить Идолов — Внутреннему кругу, Плебеев — Голубой крови. Когда Харпер благополучно отводит взгляд, я выливаю своё пиво в раковину и наполняю стакан водой. В следующий раз, когда она смотрит, я действительно выпиваю всю чашку залпом, получая несколько восторженных возгласов от некоторых первокурсников, которые ещё не совсем знают, кто я такая.

— Ну, было страшно, — произносит Миранда, выдыхая и проводя руками по переду своего платья. — Джесси, выпьешь? Мне бы это не помешало. — Миранда начинает смешивать два коктейля в красных пластиковых стаканчиках, в то время как я выглядываю через заднюю дверь и, к своему удивлению, вижу, что бассейн не используется. Он накрыт брезентом, но сверху скопилась вода вместе с кучами опавших листьев, которые придавливают его так, что он провисает в воде бассейна. Так незаметно, как только могу, я снова наполняю свою чашку.

Я оглядываюсь на Эндрю.

— Что ты планируешь? — спрашивает он меня, и я пожимаю плечами. Я как бы играю на слух. Я имею в виду, у меня есть список, но... это намного лучше, эта новая идея, которую я готовлю. — Что тебе от меня нужно?

— Ты можешь помочь мне найти ключи Тристана и Зейда? — спрашиваю я, и он поднимает обе брови, прежде чем Зейд появляется на кухне и прерывает нас. Становится чертовски неловко, когда он останавливается рядом со мной и вздыхает, держа бутылку пива в своей татуированной правой руке. Он откашливается и мотает подбородком в сторону гостиной.

— Свали, Пейсон, — говорит он, и Эндрю хмурится, но обменивается со мной быстрым взглядом, прежде чем направиться в сторону лестницы. Я надеюсь, что он отправился искать ключи Тристана. Я обращаю своё внимание на Зейда. Он отвечает на мой пристальный взгляд своим, его рука ещё сильнее сжимает бутылку. Из-за этого движения его татуировки выглядят так, будто они могут соскользнуть с его кожи, как наклейки. — Марни, ну же, что ты здесь делаешь?

— Я отдыхаю, — отвечаю я, поднося напиток к губам и делая огромный глоток. Зейд поднимает на меня свою проколотую бровь, дразня языком кольцо на правой губе. Он болезненно красив, особенно со своими серебристо-седыми волосами. Они покрыты гелем, и пока я наблюдаю, он протягивает руку, чтобы подразнить их пальцами.

— Ты думала, прошлый год был шуткой? Это была разминка, Марни. Тебе не следует здесь находиться.

— Вы всё время это говорите, — парирую я, делая ещё один глоток воды. Зейд сильно хмурится и опрокидывает своё пиво в себя. Включается «Irresistible» Fall Out Boy и Деметри Ловато, и я улыбаюсь. Я знаю не так уж много поп-песен, но это одна из любимых Миранды. Она часто включает её, когда мы готовимся. — Но что ты собираешься с этим делать? Есть ли медаль за то, что ты уничтожишь меня во второй раз, что-нибудь, что можно повесить рядом с твоим трофеем?

Зейд просто смотрит на меня, а затем выплёскивает своё пиво в раковину. Когда он внезапно делает шаг вперёд, я так удивлена, что отступаю назад, натыкаясь задницей на

стойку. Он кладёт руки по обе стороны от меня, фактически загоняя меня в угол. Я и сейчас чувствую его запах, тот сладкий аромат табака и гвоздики, от которого я падала в обморок в прошлом году. Потом я вспоминаю, что он принёс камеру в мою комнату, чтобы заснять нас, пока мы целовались.

Кусок дерьма.

— Ты не захочешь знать, что Клуб сделает с тобой, если ты не уйдёшь, — угрожает он своим рок-звёздным мурлыкающим голосом. От этого у меня мурашки по всему телу, но я игнорирую это чувство и прищуриваюсь. — Что я с тобой сделаю, если ты не уйдёшь. — Он кладёт ладонь мне на бедро, но я отталкиваю его руку, одновременно ныряя одной рукой в задний карман его джинсов, а другой хватаю его за лицо.

«Ты можешь это сделать, Марни, ты такая крутая!» — говорю я себе, но всё равно... легче от этого не становится. Я целую Зейда крепко и быстро, просовывая свой язык между его губ, одновременно забирая ключи от его машины. Он стонет и наклоняется ко мне, снова кладёт руку мне на бедро и сжимает.

«О боже мой, нет. Он такой чертовски вкусный». Моё тело сливается с телом Зейда, в то время как мои сердце и душа остаются твёрдыми как камень, непреклонными и непоколебимыми. Но эти чёртовы гормоны... Задыхаясь, я отталкиваю от Зейда и спотыкаюсь, расплёскивая воду по всему полу. Я игнорирую это, раздавливая чашку каблуками и выбегая из комнаты.

Пробиваясь сквозь толпу, я каким-то образом нахожу дорогу к Заку.

Он бросает один взгляд на моё лицо и чертыхается.

— Они всё ещё достают тебя, — рычит он на меня, пока я стою там с покрасневшимся лицом, чувствуя себя странно чужой в своём коротком платье и туфлях на каблуках. Я просто смотрю на него снизу-вверх и понятия не имею, что сказать. Что это отстой — влюбляться в тех же самых людей, которых ты ненавидишь? Что я знаю, так это то, что я идиотка, что я должна быть бесчувственной задирой в костюме кошки, такой же крутой и способной, как мой любимый персонаж городского фэнтези.

Но это не так.

— Я... мне нужны ключи от машины Тристана и серьёзное отвлечение, — выдыхаю я, и Зак поднимает на меня свои тёмные брови. Я даже не могу поверить, что прошу его о помощи, но так оно и есть. Он просто смотрит на меня мгновение, а затем кивает. Не говоря ни слова, он протискивается мимо меня, а затем останавливается, когда появляется Эндрю, запыхавшийся и держащий на ладони позвякивающую связку ключей. — Спасибо, — говорю я ему, чувствуя, как во мне поднимается волна адреналина. Я смотрю на Зака, и он улыбается, поджав губы, проталкивается вперёд и находит Джона Ганнибала в толпе.

Джон поворачивается, чтобы посмотреть на него, слегка нахмурившись, и тогда Зак просто отскакивает назад и наносит ему удар прямо в лицо.

— Драка! — кричит кто-то, и толпа устремляется к этой единственной точке в комнате, толкая меня и Эндрю в процессе. Я беру его за руку и подталкиваю в противоположном направлении, к задним дверям и бассейну. Как только мы оказываемся на улице, я скидываю обувь и бросаюсь бежать, увлекая Эндрю за собой.

— Убедись, что сюда никто не выйдет, — говорю я ему, направляясь прямо к «Феррари Спайдер» отца Тристана. По какой-то причине я хочу сначала отыметь его. Резко выдыхая и крепко держась за раскалённую нить мести внутри себя, я забираюсь на водительское сиденье, завожу машину и использую её как бампер автомобиля, врезаюсь в машины других

студентов без разбора. Я не двигаюсь слишком резко или слишком быстро, ровно настолько, чтобы скрести, царапать и греметь как можно чаще, не производя слишком много шума.

Когда я добираюсь до края бассейна, я вылезая, ставлю машину в нейтральное положение, а затем обхожу её сзади, чтобы подтолкнуть. Эндрю начинает приближаться ко мне, но я качаю головой, и он заходит в дом. Сначала я не могу понять, что он задумал, но потом слышу, как громкость музыки увеличивается на несколько тонов. Ухмылка расплывается на моём лице, когда я отступаю назад и наблюдаю, как машина стоимостью восемнадцать миллионов долларов перелетает через край и въезжает в бассейн.

Поверьте мне, это бассейн олимпийского размера, сделанный из чистого золота. Он огромен, длиной с дом, с фонтанами и водными горками, искусственными бухтами и пещерами, и кусочками эстетически привлекательной скалы. Там достаточно места для машины. Или двух. Или трёх.

Я не позволяю себе слишком долго наслаждаться этим зрелищем, направляясь обратно к «Бентли» Крида. Я делаю то же самое, соскребаю его с других транспортных средств и оставляю её плавающей в воде с опущенными стёклами. Я не уверена, сколько времени потребуется, чтобы она утонула (почти уверена, что это займёт всего несколько минут), но мне всё равно. Достаточно просто увидеть её частично погруженной в воду.

Машина Зейда последняя, и к тому времени, как я позволяю ей перевалить через край, Эндрю и Зак стоят на заднем дворике и наблюдают.

Зейд не сильно отстаёт от них.

— Святое... какого хрена?! — кричит он, когда я стою на краю бассейна босиком и хмурюсь. Я не улыбаюсь, поднимая с тротуара свои туфли и наблюдая, как он, спотыкаясь, подходит к кромке воды. Машины очень быстро исчезают под поверхностью. — Господи Иисусе, ты что, блядь, с ума сошла?!

— Ты не можешь причинять людям боль и ожидать, что это сойдёт тебе с рук, — отвечаю я ему, радуясь, что поцелуй уже выветрился из моих мыслей. Сейчас я чувствую себя лучше, больше контролирую себя. Я сжимаю руки в кулаки, когда Зейд опускается на колени рядом с бассейном.

— Мой отец сдерёт с меня кожу живьём, — стонет он, закрывая лицо руками.

— Детка? — зовёт Бекки, выходя через заднюю дверь. Она ахает и зажимает рот рукой, когда я открываю свою сумочку и роюсь внутри. — О. Боже. Мой. О, мой грёбаный бог. Харпер! Тристан! — Бекки, спотыкаясь, выходит на улицу на своих четырёхдюймовых (*прим. — 10 см*) шпильках и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, на её лице застыл ужас. — Ты психованная сучка, — рычит она, её светлые кудри развеваются на ветру. Я лезу в сумочку, беру модные ножницы, которые купила в салоне, а затем протягиваю руку и срезаю огромный клочок ее волос на голове.

Она вскрикивает и, спотыкаясь, отступает к краю бассейна. Мне не требуется много усилий, чтобы протянуть руку и столкнуть её вниз.

Миранда и Джесси появляются как раз в тот момент, когда всплеск рассеивается, и Бекки, задыхаясь, выныривает на поверхность, переваливаясь через край. Зейд помогает ей подняться, но затем просто оставляет её лежать на тротуаре, промокшую насквозь, и поворачивается ко мне. Уголок моих губ приподнимается в полуулыбке, и я пожимаю одним плечом.

— Я отдаю столько же, сколько получаю, — говорю я, как раз в тот момент, когда в дверях появляются Тристан, Харпер, Крид и Илеана. Интересно, станет ли она следующим

женским Идолом, заняв место Джинны Уитли? На данный момент мне действительно всё равно. Я бросаю ножницы в бассейн, лезу в лифчик и беру ключи Эндрю. — Ребята, вы готовы ехать?

Миранда издаёт тихий пищащий звук и кивает, хватая Джесси за руку и таща её к «Ламбо». Эндрю следует за мной, а Зак останавливается рядом со мной, наблюдая, как я рассматриваю Идолов и их разинутые рты. Даже у Тристана широко раскрыты глаза, на лице написано потрясение. На самом деле Крид кажется самым спокойным. Он поворачивается и смотрит на меня, совсем как его сестра, как будто никогда раньше меня не видел.

— Ты хоть представляешь, что ты только что натворила? — спрашивает он, и в его голосе звучит такая же скука, как и всегда. Я встречаюсь с его голубыми глазами и игнорирую лёгкую дрожь, которая проходит через меня. Я списываю это на адреналин. Прямо сейчас я практически пропитан им. — Мы сообщим об этом, и с тобой покончено. Раз и навсегда.

— Хорошо, — говорю я, вытаскивая свой дневник и взламывая замок. Когда вечеринка проходит снаружи, и музыка смолкает, я записываю кое-что внутри, прежде чем снова посмотреть вверх. — Расскажите администрации, как я каким-то образом в одиночку заполучила эти три машины, которых у вас быть не должно, в бассейне дома, в котором мы не должны быть, в окружении алкоголя, который мы не должны пить, и посмотрите, сработает ли это. Может быть, меня исключат, а может быть, и нет. Насколько приятной была бы для вас эта победа?

Несколько студентов поднимают свои телефоны и начинают записывать, поэтому я замолкаю. Я больше ничего не скажу. Мне это и не нужно: лицо Крида говорит мне всё, что мне нужно знать. Его плечи напрягаются, челюсть сжимается, а глаза под тяжёлыми веками сужаются до щёлочек.

Не дожидаясь больше ни секунды, я поворачиваюсь и направляюсь обратно к машине Эндрю, Зак следует за мной по пятам. Прямо перед тем, как забраться внутрь, я смотрю на него, стоящего так близко, что чувствую жар его тела. От него пахнет цитрусовыми и мускусом, и моё сердце замирает на несколько ударов. Я смотрю в его тёмные глаза.

— Спасибо, но... это ничего не меняет. — Он засовывает руки в карманы и пожимает плечами.

— Я знаю. Всё в порядке. — Он кивает, я киваю.

А потом я сажусь в «Ламборгини» и уезжаю.

Когда я возвращаюсь в академию, я переодеваюсь, смываю косметику с лица и лак для волос, а затем сообщаю о том, что Голубая кровь напилась.

О, и их алкотестеры... их изначальный показатель не совсем равен нулю.

Мои мысли сосредоточены на одной вещи превыше всего остального: колледже. Вот почему я здесь, страдаю от этого школьного кошмара. Подготовительная Академия Бёрберри обеспечит мне наилучшее будущее, величайший шанс на хорошую жизнь. Итак, я усилила свою игру, и к концу второй недели я добавила второй язык (испанский) в список своих занятий и включила несколько внеклассных занятий. Сейчас я являюсь членом книжного клуба академии, исторического клуба и образцовой организации Объединённых Наций. Однако единственное, чего мне не хватает — это спорта.

Сегодня я собираюсь наверстать упущенное.

Соревнования по черлидингу проходят в специальном спортзале, который когда-то использовался для размещения команды академии по спортивной гимнастике. С тех пор как академия перешла к более академически ориентированным занятиям, она прекратила свою программу гимнастики и оставила здание более или менее заброшенным почти на десять лет. В этом году, с присоединением Зака к университетской футбольной команде, Бёрберри хочет окупиться в пресловутые воды спорта.

Это включает в себя обновление команды поддержки.

Она больше не будет использоваться как второстепенный вид спорта для футбола или баскетбола, а вместо этого станет соревновательной командой, которая сама по себе заслуживает уважения. В первых нескольких футбольных матчах сезона состав команды не изменился по сравнению с прошлым годом, но директор Коллинз оказывает давление на тренера, и ей приходится пополнять ряды.

Так вот, Бёрберри — это снобистская академическая школа. Чирлидинг воспринимается почти как нечто... базовое. Но в то время как Харпер и Бекки не заинтересованы в участии, остальные девушки Голубокровки не лишены очарования. Поэтому, когда я вхожу со своей спортивной сумкой через плечо, все взгляды устремлены на меня.

Включая Зака.

Он стоит в центре группы девушек, сладко улыбаясь. Выражение его лица заставляет меня нахмуриться, даже когда он отделяется от команды, и они издают коллективный стон. Илеана, в частности, бросает на меня яростные взгляды. Киара тоже. Может быть, они разозлились из-за того, что я в одиночку отправила всех троих мальчиков-Идолов, обеих оставшихся девочек-идолов и половину Внутреннего круга на отстранение от занятий в школе. Оно начинается по пятницам сразу после окончания занятий и состоит из связанных со школой дел, таких как складирование книг в библиотеке, вытирание пыли с полок, подметание листьев и мытьё окон. С вечера пятницы до позднего воскресенья отстранённые от занятий ученики запираются сотрудниками с короткими девятичасовыми перерывами на сон — и даже тогда их проверяют дважды за ночь.

По сути, это ад на земле.

— Что ты здесь делаешь? — шепчу я, когда Зак подходит и встаёт рядом со мной, возвышаясь надо мной, как он всегда делает. Я знаю, что это не нарочно, но это пугает. Я отказываюсь позволять этому овладеть собой и вызывающе вздёргиваю подбородок, пытаюсь заставить себя чувствовать себя немного выше.

— Ну, я действительно не ожидал, что ты будешь здесь, так что ты не можешь

утверждать, что я преследую тебя. — Он засовывает руки в карманы и просто смотрит на меня. Я чувствую, как его взгляд, словно раскалённый лазер, скользит по моему лицу, ища... что-то. Это раздражает меня, но я также отказываюсь отступать. — Я приглашённый судья для отбора. — Он снова пожимает плечами, как будто от этого всё становится лучше.

— Ты приглашённый судья? — спрашиваю я и получаю от него редкую ухмылку, этот чувственный изгиб губ, который заставляет меня очень быстро понять, почему все эти девушки там падают в обморок. Зак наклоняется ближе, упираясь предплечьем в стену над моей головой. В этот момент он со всех сторон окружает меня, твёрдые мускулы и мускусно пахнущий одеколон. Мои ресницы трепещут, и я выдыхаю, преодолевая гормоны. В прошлом году из-за них у меня были неприятности. В этом году я не позволю этому повториться. — Что даёт тебе право судить о чирлидинге?

— Эм, моя сестра Келси была главой команды поддержки в Бёрберри. — Зак наклоняется немного ближе, его спортивная куртка Леттермана распахивается спереди, охватывая меня. Ему было бы так легко подхватить меня на руки и завернуть в неё. То есть, если бы я не ненавидела его до глубины души. — Кроме того, моя мама пережила период, когда она захотела быть чем-то большим, чем просто скучной женой-трофеем; она тренировала около трёх сезонов.

— Понимаю... — я выдыхаю и несколько раз моргаю, чтобы избавиться от паутины. Мне бы очень хотелось, чтобы он отошёл от меня, но я чувствую, что не могу этого сказать. Я не хочу, чтобы он знал, как его присутствие действует на меня. — Значит... ты проследишь, чтобы я попала в команду?

Брови Зака взлетают вверх, и по его телу разносится мрачный смешок. Клянусь, я чувствую, как вибрируют молекулы воздуха между нами.

— Ты просишь меня о помощи в своём плане мести? — он замолкает на секунду и качает головой. — Не то чтобы до сих пор тебе сильно требовалась помощь. Утопленные машины — это было великолепно. А Бекки *всё ещё* плачет из-за своих волос.

— Возьми меня в команду, — говорю я ему, оставаясь твёрдой. Когда он протягивает руку, чтобы коснуться выбившейся пряди розово-золотистых волос, я прекращаю это, ныряю под его руку и поворачиваюсь спиной к комнате. Зак наблюдает за мной и вздыхает, опуская руку.

— Считай сделано. — Ухмылка исчезает с его губ, и он снова хмуро смотрит на меня. В моём воображении возникает образ того, как он вываливает на мой стол мусорное ведро, полное использованных женских предметов, и меня чуть не тошнит. У меня начались месячные раньше, чем у большинства других девушек, и я была безжалостно уничтожена за это. Это всего лишь одна из многих, очень многих вещей, которые он сделал со мной. Я никогда этого не забуду. — То есть я могу зафиксировать свой голос и, вероятно, смогу убедить Эми поставить тебе несколько хороших оценок. — То, как Зак улыбается, когда говорит это, говорит мне о том, что он очень высокого мнения о себе в обществе дам. Но затем хмурость возвращается так же быстро, как появилась улыбка. — В остальном ты сама по себе. Ты вообще что-нибудь знаешь о чирлидинге?

Моя очередь неопределённо пожимать плечами.

— Я занималась этим летом, — загадочно отвечаю я ему, поворачиваюсь и направляюсь в центр спортзала. Я проталкиваюсь сквозь толпу девушек, не обращая внимания на шепчущиеся оскорбления, а затем наклоняюсь, чтобы подписать бланк на столе. Тренер удивлённо моргает и поднимает брови, но ничего не говорит, просто вручает мне номер и

велит встать в очередь.

Зак занимает своё место за столом, пока тренер Ханна объясняет, как будут проходить пробы. Единственные девушки, которые здесь есть, — это те, кто был в команде раньше, плюс несколько первокурсниц, таких как Илеана. Вот оно.

Я единственная, кто остался в стороне.

Единственная, кого ненавидели.

— Ты пожалеешь, что разгромила моего брата *и* мой бассейн, — шепчет Илеана, занимая правую сторону от меня, а Киара встаёт слева.

— Ты действительно думала, что Тристан в тебя влюбился? — спрашивает Киара, хмуро глядя в мою сторону. Её тёмные волосы зачёсаны назад в тугий пучок, отчего её лицо кажется ещё более суровым. Мне требуется приложить все усилия, чтобы не представить её склонившейся над стойкой в ванной. — Ты ему никогда не нравилась. Он на пути к тому, чтобы стать одним из самых могущественных людей в мире. Ты действительно думала, что какая-то простолюдинка вроде тебя удовлетворит его?

Я игнорирую её, пока тренер какое-то время тихо разговаривает со своим помощником. Мои глаза встречаются с глазами Зака с другого конца комнаты. Его взгляд такой тёмный, такой непроницаемый. Это вызывает у меня желание вскрыть его и посмотреть, что происходит внутри. Мой первоначальный план состоял в том, чтобы разрушить его футбольную карьеру. Но я всё ещё не уверена, как сделать это, не причинив ему вреда, и я отказываюсь причинять кому-либо физическую боль. Я прикусываю нижнюю губу, когда Киара наклоняется ближе ко мне, расстроенная тем, что я никак не реагирую на её насмешки.

Когда-то давным-давно Марни Рид, которой я была, почувствовала бы эти колкости глубоко в своей душе. Она бы истекла кровью изнутри, расплакалась снаружи и пошла бы домой, свернувшись калачиком на своей кровати. Больше нет. Никогда больше.

— Сколько раз ты раздвигала перед ним свои шлюшьи ножки, прежде чем он бросил тебя, как бесполезную шлюху, которой ты и являешься? — гнев вспыхивает во мне остро и горячо, но я игнорирую его. Киара изо всех сил пихает меня локтем в бок, и я ворчу, но прежде чем я успеваю ответить, Тренер поворачивается к нам лицом.

Чёрт возьми!

Выдыхая от боли в рёбрах, я слушаю её инструкции и отбрасываю свою сумку в сторону. Я уже одета в свои спортивные штаны и майку, спортивный бюстгальтер и кроссовки. *Я могу это сделать.* Я провела всё лето, занимаясь спортом, плавая, бегая. Я нахожусь в наилучшей форме в своей жизни.

Мы начинаем с разминки, в которой я совершенно не стесняюсь благодаря Заку. Я чувствую, как его глаза следят за каждым моим движением, прослеживают капельки пота на моём лбу, влагу, прилипшую к рубашке. Он наклоняется вперёд, глаза прикрыты тяжёлыми веками, но далеко не так ленивы, как у Крида. Вместо этого он выглядит... взволнованным. Моё сердце бешено колотится, когда я изо всех сил пытаюсь угнаться за помощницей тренера и её быстрыми, сильными движениями.

К тому времени, как всё заканчивается, я чувствую, что вот-вот потеряю сознание. Боль в рёбрах убивает меня, и я почти уверен, что, если бы у меня был нож, я бы зарезала и Киару, и Илеану. Одна темноволосая, светлокожая и стройная, в то время как другая светловолосая, загорелая и с пышными формами. Я одинаково ненавижу их обеих. Они окружают меня, когда я пью из своей бутылки с водой, и я стараюсь держаться вне их досягаемости. Однако

их глаза следуют за мной по комнате, и когда я отхожу от своей воды, я почти уверена, что они её испортили.

Вздых.

Поскольку сегодня пятница, у них обеих есть телефоны, и они не пытаются скрыть тот факт, что пользуются ими.

Я предполагаю, что это для того, чтобы отправить смс Идолам, потому что мы как раз готовимся выстроиться в очередь, чтобы разучить танец, когда двери спортзала открываются, и входит Тристан рядом с Харпер. Она злится, но далеко не на том уровне, на котором находится Бекки. То, как она смотрит на меня... Возможно, взгляды и не способны убить, но я чувствую ненависть на своей коже, как обжигающий жар палящего солнца. Мне кажется, что моя плоть вот-вот отвалится под её пристальным взглядом.

Её длинные светлые волосы собраны в пучок, но невозможно не заметить обнажённый участок на левой стороне головы. Харпер, возможно, этого не знает, но она следующая. Я не знаю, как и когда, но это действительно произойдёт.

Зейд следует за Бекки, его челюсть так сжата, что кажется, он вот-вот сломает зубы. Его татуировки яркие и красочные, они поднимаются по мускулистым рукам и ненадолго исчезают под тонким рукавом его чёрной футболки. На нём мешковатые джинсы с нашитыми поперёк молниями и Док Мартенсы. По сути, он полная противоположность Тристану в его свежесглаженных белых брюках академии, безупречном пиджаке и очень строгом галстуке.

Крид находится где-то посередине, две верхние пуговицы на его рубашке расстёгнуты, к ней надеты джинсы и чёрные туфли Баркер. Возможно, технически они больше не отстранены от занятий в школе, но им также не разрешается покидать кампус до окончания Хэллоуина. Если их поймают на нарушении этого правила, это автоматическое исключение.

Я улыбаюсь.

Я реально подпортила их расписание вечеринок.

Идолы занимают места на трибунах, за ними — группа Голубокровок. Я узнаю обычных подозреваемых: Майрон Тэлбот, Эбони Питерсон, Грегори Ван Хорн, Джон Ганнибал, Валентина Питт, Сай Патель и Джален Доннер.

Остальные девочки: Анна, Эбигейл и Мэйлин — все здесь, пробуются в команду.

Похоже, им ещё предстоит найти замену Эндрю, а я уже знаю, что Илеана заменит Миранду. Здорово. Итак... значит, вся вечеринка в сборе?

Невозможно не чувствовать на себе их взгляды, когда я занимаю своё место в центре группы. Вокруг меня видимое количество дополнительного пространства, как будто я какая-то прокажённая. Я игнорирую это и вместо этого сосредотачиваюсь на танцевальных движениях. Что ж... на танцевальных движениях... и глазах Зака.

Есть что-то в его тёмном взгляде, что притягивает меня, фокусирует. Поначалу это так беспокоит меня, что я спотыкаюсь и путаюсь в шагах. С трибун доносится смех, но я не обращаю на него внимания. Моё внимание фокусируется на том, как Зак наблюдает за мной, его губы слегка приоткрываются, веки становятся всё тяжелее и тяжелее. В какой-то момент он даже проводит языком по нижней губе, ловит себя на этом и чертыхается. Эми Пламбер, четверокурсница, сидящая рядом с ним, подпрыгивает на целый фут на своём месте, и я чувствую, как мои губы растягиваются в улыбке.

Мы повторяем танец несколько раз, прежде чем тренер объявляет ещё один перерыв. После этого мы выйдем группами по три человека и выполним его подряд. Будут

подсчитаны баллы, а после этого будут выбраны участники в команду. Я должна заняться этим. Я должна вторгнуться в их пространство. Приподнявшись, я спущу их на землю. И это их проблема. Мой успех не должен иметь к ним никакого отношения, но это выводит Голубую кровь из себя. Приводит их в бешенство. Когда я добиваюсь успеха, они чувствуют, что потерпели неудачу. Если это то, как они хотят прожить свою жизнь, я не против.

Во время следующего перерыва на воду вся команда направляется поклониться ногам Идолов, оставляя меня наедине с бутылками, спортивными сумками и целым промежутком времени там, где никто не видит.

Оранжевая сумка Киары и чёрная сумка Илеаны лежат прямо рядом со мной. Наклоняясь, я передвигаю свою сумку так, чтобы казалось, будто я в ней роюсь. Вместо этого я просматриваю их. У Киары пусто, если не считать её одежды и нескольких презервативов. Но у Илеаны... есть полупустая бутылка бывшего слабительного.

Я знала, что она здесь что-то замышляет.

Вот сука.

На меня надвигается тень, и я подпрыгиваю, но это всего лишь Зак.

— Сделай всё быстро, — говорит он мне, используя своё огромное тело, чтобы заслонить меня от взглядов Идолов. Пока у меня есть возможность, я быстро переливаю воду Илеаны в свою собственную спортивную сумку, надеясь, что влагостойкий материал скроет то, что я натворила. Это стоит принесённых жертв. Я наливаю остатки своей воды в её бутылку и позволяю судьбе идти своим чередом. Если она не испортила мою воду, с ней всё будет в порядке.

Если же это так, то она облажалась, и это её собственная чёртова вина.

Зак отходит в сторону как раз в тот момент, когда я ставлю бутылку Илеаны обратно, и она появляется слева от него.

Я сажусь и переодеваюсь в кроссовки, хватаю пару носков, которым удалось избежать водного фиаско, и притворяюсь, что именно этим я и занималась всё это время. Илеана залпом выпивает воду и вытирает рот рукой, когда я встаю. Она движется к нам, ужасная ухмылка искажает её красивые черты, превращая их во что-то уродливое.

Она не успевает вымолвить ни слова, как Зак встаёт между нами и уводит меня за собой. Я не нуждаюсь в его помощи и хмурюсь, но он всё равно это делает.

— Что? Ты теперь тоже её любимчик? — спрашивает Илеана, встряхивая своим длинным светлым хвостом. — Она раздвинула для тебя ноги, красиво и великолепно?

— Тебе следовало бы заткнуться, — шепчет Зак, его голос такой мрачный и жестокий, что я вздрагиваю. *«Тебе следовало бы покончить с собой, Марни. Никому не было бы до этого дела. На самом деле, мы бы устроили вечеринку, чтобы отпраздновать это»*. Мой разум быстро отключает, запирает плохие воспоминания подальше и выбрасывает ключ. Это последнее, о чём мне сейчас нужно думать. — И держи его закрытым, прежде чем скажешь что-нибудь, что действительно выведет меня из себя.

— Что, ты ударишь меня или что? — спрашивает Илеана, делая шаг вперёд и оказываясь прямо перед лицом Зака. Я оборачиваюсь, чтобы встать рядом с ним, и мельком замечаю темноту, которая омрачает выражение его лица. Это зловеще и холодно, и тогда я понимаю, что та сторона его личности, которую он отвернул от меня, всё ещё очень сильна, притаившись внутри него, как демон, поджидающий в тени.

— Нет, но ты пожалеешь об этом, когда я закончу с тобой. — Он оглядывает её с ног до головы, а затем ухмыляется. Только это не похоже на ухмылку, которую я когда-либо видела

у него, даже когда он превращал мою жизнь в сущий ад в средней школе. Нет, это злорадство, чего он никогда раньше не демонстрировал мне. — Почему бы тебе не рассказать всем, почему у тебя эти синяки на внутренней стороне рук? В какие непристойные штучки ты ввязалась этим летом? Потому что это определённо следы от уколов.

— Я сдавала анализы, — выпаливает Илеана, но её лицо краснеет, и я не могу сказать, то ли она просто смущена, то ли Зак говорит правду.

— Какие анализы? — Зак давит, подходя ещё ближе и кладя руки ей на плечи. Илеана дрожит, но, когда она хмурится, выражение её лица такое же мерзкое, как и всегда. — Конечно, на этот вопрос было бы легко ответить... если бы ты действительно говорила правду. Что это было на самом деле? Метафетамин? Героин? Осторожнее, Илеана, виднеется трейлерный парк в твоём будущем. — Её глаза расширяются, и я вижу, что Зак задел её за живое. Однако у него это хорошо получается, и я не получаю удовольствия, наблюдая, как он уничтожает кого-то другого своим особым талантом. Нет, это слишком близко к цели. Какой бы ужасной ни была Илеана, я больше не могу на это смотреть. — Ты знала, что её родители однажды лишились своего состояния, точно так же, как и я? Они оказались на стоянке трейлеров, накачанные наркотиками и не в себе...

— Зак. — Только это единственное слово сорвалось с моих губ, резкое и окончательное. *Правило № 6: Знай, когда пора остановиться.* — Возвращайся к судейскому столу.

Мгновение он пристально смотрит на меня, а затем обходит Илеану.

Я тянусь к её бутылке с водой, но она вырывает её у меня из рук и плюёт на меня. Буквально. Выплёвывает прямо мне на ладонь.

— Держи свои грязные шлюшьи руки при себе. Последнее, чего я хочу, — это подхватить хламидиоз.

— Нет, ты, скорее всего, подхватишь его от Тристана, — выпаливаю я в тишине. Это напряжение витает в комнате, когда Тренер возвращается внутрь со спортивной сумкой, набитой помпонами. Она откладывает её в сторону, когда я поворачиваюсь и встречаюсь с серым взглядом Тристана с другого конца комнаты. Он стоит неподвижно, смотрит на меня так, словно я муха, которую нужно приколоть к доске и оставить извиваться.

Я смотрю прямо на него в ответ.

Илеана подносит бутылку с водой к губам и делает большой глоток. Она корчит странную гримасу, и я задаюсь вопросом, есть ли у слабительного вкус. К несчастью для неё, она, похоже, не улавливает связи.

Тренер распределяет её, меня и Киару (поди разберись) в группу для официальной части отбора. Илеана не проходит и двух минут, как хватается за живот и бросает на меня взгляд, полный ужаса. Я не прекращаю танцевать, пока она убегает в сторону туалетов.

Я не уверена, когда она возвращается, но к тому времени, с меня уже сняли мерку для моей формы.

Выходя из спортзала, я встречаюсь взглядами с каждым Голубокровным в этой комнате — уделяя особое внимание трём парням-Идолам, — а затем отворачиваюсь от них и выхожу на улицу, в звёздный свет.

К тому времени, как снова начинается Родительская неделя, Идолы приняли своё решение: они приняли Илеану Тайтингер в свои ряды, ввели Киару Сяо во Внутренний круг чтобы занять место Миранды, и неохотно выбрали четверокурсника по имени Бен Трешер на замену Эндрю.

Их круг высокомерия, подлости и привилегий снова замкнулся.

Издевательства тоже снова усилились. Мы вернулись к презервативам в моём шкафике, наклейкам на моей двери, пакетам собачьего дерьма на моём дверном коврик. Но им трудно нанести мне ответный удар там, где это имеет значение, особенно учитывая повышенную безопасность в кампусе. Им придётся постараться ещё больше, если они хотят ответить мне ударом на удар.

— Что-то здесь не так, — говорю я Миранде в воскресенье, уставившись на свой телефон и ненавидя бабочек в животе. Папа возвращается в академию. Эта долбаная академия, где я была невероятно унижена. Я ненавижу, что ему пришлось видеть меня такой; это убивает меня изнутри. Плюс... если бы я сказала, что мне всё ещё не стыдно за то, что он напился, когда был здесь в прошлый раз, это было бы ложью.

Я нервничаю.

Я в ужасе.

Если Идолы хотели найти моё слабое место, что ж, это Чарли. Чарли — моё бьющееся сердце, и, если они сделают хоть что-нибудь, чтобы причинить ему боль, клянусь, я убью их всех. Закрыв глаза, я выдыхаю, а затем открываю их и обнаруживаю, что Миранда пристально смотрит на меня.

— Как-то не по себе? — спрашивает она, развалившись в мешковатом розовом свитере, который выглядит поношенным и удобным, но который, я почти уверена, кашемировый и стоит около двухсот баксов. — Занятия? Родительская неделя? Группа поддержки? — она ухмыляется последнему. Миранда вне себя от восторга, что я в команде с её девушкой Джесси. Ну, я думаю, они всё равно встречаются. Миранда довольно долго выдавала желаемое за действительное.

— Голубокровные слишком сдержанны, — говорю я, со вздохом присаживаясь на край своей кровати. — Я бросаю в них всё, что у меня есть, а они просто... сидят там. Это жутко, заставляет меня нервничать, и я начинаю думать, что они планируют что-то грандиозное. — Миранда кладёт телефон и плотно сжимает губы.

— Я не собираюсь говорить, что ты не права... — начинает она, а затем морщится. — Я имею в виду, что есть хороший шанс, что ты абсолютно права в своей оценке. Они вели себя тихо, но, когда они ударят тебя, это будет больно. — Я киваю. В значительной степени это то, чего я ожидала. На самом деле, я ожидала худшего. Это странная форма психологического ужаса от осознания того, что они что-то скрывают от меня.

— Как дела у Крида? — спрашиваю я, стараясь, чтобы это звучало как можно более непринуждённо. На самом деле, я хочу услышать, что он страдает, чувствуя, что совершил ошибку, что он...

— Встречается с этой ужасной девушкой Валентиной, — выплёвывает Миранда, практически захлёбываясь словами. Она заправляет прядь светлых волос за ухо. — Он украл её у Джона Ганнибала, но только потому, что это была игра. Она ему не нравится.

— Похоже, здесь это не имеет большого значения, — бормочу я, дотрагиваясь пальцем до льдисто-голубого платя в моём шкафу, того самого, которое Крид прислал мне на выпускной бал, на танцы, где я не выбрала его. Думая об этом сейчас, я задаюсь вопросом, не совершила ли я ошибку, не следовало ли мне отказаться выбирать между парнями и... Застонав, я прислоняюсь лбом к дверце шкафа. Реально? Меня беспокоят чувства Крида и Тристана, после всего? То, что они почувствовали, когда я вошла в ту комнату, держа Зейда за руку, чертовски неуместно.

Я захлопываю шкаф и поворачиваюсь.

— Она самая красивая? У неё больше всего денег? Является ли её фамилия старой и устоявшейся? Может ли компания её родителей получить что-то от компании ваших родителей или наоборот? Потому что всё это кажется более важными причинами, чем любовь или даже симпатия, когда речь заходит о браке ради сверхбогатых.

— Вероятно, это как-то связано с этим дурацким Клубом, — усмехается Миранда, проводя пальцем по экрану своего телефона. Почти уверена, что она на Тиндере, присматривается к девушкам. Теперь, когда мы оба не против её открытой ориентации, она одержима девушками так же, как я была одержима Идолами в прошлом году. Интересно, была ли я такой же сентиментальной и под воздействием гормонов? Да, да, я определённо была такой. — Мой папа на самом деле хочет, чтобы я присоединилась к Клубу. А моя мама говорит, что ни за что. — Она поднимает взгляд, и на её губах появляется мягкая улыбка. — Ты знаешь, она с нетерпением ждёт встречи с тобой завтра.

Я морщусь и отворачиваюсь. Я *никогда* не забуду лицо Кэтлин Кэбот в тот ужасный день, то, как она смотрела на своего сына, словно он был отбросом общества, то, как она упала на колени в кабинете директора и плакала, извиняясь передо мной. По словам Кэтлин, я была её студенткой, она несла за меня ответственность, так как же она могла допустить, чтобы это произошло? Я совсем не виню её, но я знаю, что она винит себя.

— Да, я тоже рада встретиться с ней... — я замолкаю и проверяю свой телефон, постукивая большим пальцем по боку. Целый год назад Зак появился с заднего сиденья той машины академии, вылезая из-за спины моего отца. Он помог ему, когда тот был пьян, и он сказал мне... *«Вчера вечером твой отец получил кое-какие новости»*. Прошёл целый год, а я всё ещё не знаю, что это за новость, и папа ведёт себя ещё более странно, чем когда-либо. Он по-прежнему пытается наладить отношения с Дженнифер, и он подарил мне бабушкин браслет со своим обручальным кольцом на нём... Мне это не нравится, ничего из этого.

Я набираю быстрое сообщение Заку: *«Встретимся в столовой»*.

Он отвечает почти мгновенно: *«Уже там. Присоединишься ко мне?»*

— Эй, — внезапно говорю я, поднимая взгляд и встречаясь с голубым взглядом Миранды. — Я собираюсь немного поговорить с Заком в столовой. С тобой здесь всё в порядке?

— Я побуду здесь и подожду тебя, — отвечает она, откидываясь на мои подушки и устраиваясь поудобнее. Я хватаю свитер и оставляю её там, зная, что камеры засекут любую подозрительную активность. Я всем сердцем хочу верить, что Миранда невиновна во всём, что происходит здесь, в академии Бёрберри, но я не думаю, что могу знать это наверняка, по крайней мере пока. Если она ничего не предпримет, пока меня не будет, это во многом поможет ослабить моё недоверие.

Я пробираюсь по коридорам так быстро, как только могу. Как бы сильно я ни была готова противостоять Голубокровным, я не могу в одиночку отбиться от дюжины человек. К

счастью, мне удаётся незаметно проскользнуть в столовую.

Зак там один, он сидит в одиночестве за столиком у окна. Я подхожу и плюхаюсь на сиденье напротив него. Его тёмные глаза отрываются от тарелки, но лишь на мгновение, прежде чем он снова сосредотачивается на еде. Он здоровенный парень, и он постоянно тренируется, так что это означает, что он также ест как лошадь. Он воспитанно относится к еде, но почти завораживающе наблюдать, как быстро он может заставить еду исчезнуть.

— Это необычно, — говорит он наконец, после того, как мы несколько минут посидели в тишине, и я сделала свой заказ официанту. Сегодня у меня стейк с маслом чимичурри, спаржей и чесночным печеньем с чеддером. Роскошно.

— Что *это*? — спрашиваю я, моё сердце колотится, когда он садится и снимает свою куртку, обнажая под ней обтягивающую белую майку. Кажется, что она вот-вот разорвётся пополам, настолько он мускулистый. Или, может быть, это просто принятие желаемого за действительность? Почему у Зака такие твёрдые, как скала, бицепсы и широкие плечи? Это приводит в бешенство.

— Ты пришла встретиться со мной. — Он кладёт вилку и подаёт знак официанту с десертным меню. Я уже упоминала, какие здесь изумительные десерты? Здесь подают такие блюда, как *крем-брюле*, *тирамису* и *хлебный пудинг*. Всё это так причудливо. Дома, в вагончике, где мы с папой едим десерт, он почти такой же эклектичный, как и ужин: стаканчики для пудинга из холодильника, пирожные из отдела выпечки супермаркета или, если нам хочется приключений, мороженое из магазина по дороге. — В чём дело?

Я подумываю поблагодарить его за то, что он помог мне попасть в команду, но потом вспоминаю жестокую темноту в его глазах, когда он поймел Илеану, и я просто не уверена, что у меня хватит на это сил. Наклонившись вперёд, я кладу ладони на стол и придаю своему лицу самое серьёзное выражение, на какое только способна.

— В прошлом году, когда папа напился во время Родительской недели, что он тебе сказал? — Зак совершенно замирает, его тёмные глаза поднимаются на меня. Есть что-то странное в том, как он смотрит на меня, от чего мой желудок переворачивается от тошноты. Это плохо. Что бы это ни было, это очень, очень плохо.

— Он тебе не рассказал? — осторожно спрашивает он, и я чуть не захлёбываюсь водой, изо всех сил пытаюсь сделать глоток. Я отодвигаю стакан в сторону и наклоняюсь ещё ближе вперёд.

— Зак, что, чёрт возьми, происходит? — он издаёт серию раздражённых проклятий, а затем внезапно откидывается на спинку стула, проводя ладонью по своим коротким тёмным волосам. У него такой вид, словно он хочет что-нибудь швырнуть. Его зубы крепко стиснуты, правая рука изо всех сил вцепилась в стол, и я клянусь, что на виске у него выступает капелька пота и стекает по щеке. — Ты меня пугаешь.

Он долго смотрит на меня, а затем вздыхает.

— Я не могу лгать тебе, но и не могу сказать тебе всей правды. Для этого тебе придётся поговорить со своим отцом. — Он откидывается на спинку стула и просто смотрит на меня, происходит что-то мрачное, задумчивое, что мне не должно нравиться, но это так. «*Он такой же плохой, как и все остальные*», — напоминаю я себе, *а может, и хуже*. — Ты ведь знаешь, что у твоих родителей роман, верно?

Я просто смотрю на него, не мигая, несколько секунд.

— Ещё раз?

— Чарли и Дженнифер встречаются за спиной Адама Кармайкла. — Он натянутс

улыбается, но в его улыбке нет теплоты. Сочувствие, может быть, но не более того. Мой рот открывается, закрывается, снова открывается. Однако никаких слов не выходит. Откуда, чёрт возьми, Зак это знает? Зачем моему отцу доверять ему что-то подобное?

Я решаю спросить.

— Не пойми меня неправильно, но... откуда ты это знаешь? — я наклоняюсь вперёд, кладя предплечья на стол. Зак внимательно наблюдает за мной, как будто пытается уловить каждое моё движение. Такое внимание заставляет меня нервничать, и я ёрзаю на своём месте, отказываясь думать о том времени, когда я ёрзала на коленях у Крида... Гм. — Я имею в виду, зачем моему отцу рассказывать что-то подобное старшекласнику?

— Он этого и не делал. — Зак пожимает своими массивными плечами. Похоже, это его обычная реакция на все. — Однажды я пришёл помочь ему устранить течь в крыше и наткнулся на них...

Он замолкает, и я добавляю с сухой ноткой в голосе:

— Целующихся?

Зак поднимает на меня свои тёмные брови, но затем слегка улыбается.

— Что-то в этом роде. В любом случае, он сказал, что они были влюблены и встречались. — Зак смотрит на свою пустую тарелку, когда официант возвращается, чтобы принести мне еду и принять его заказ на десерт. Потом, конечно, он замолкает и откидывается на спинку стула, как будто это всё, что он может сказать по этому поводу.

— Значит, новости, которые он получил?... — даже *если* Зак говорит правду — в чём я не уверена — то, что заставило моего отца выпить во время Родительской недели в прошлом году? Очевидно, Зак уже должен был знать, что у него роман с Дженнифер, даже несмотря на то, что эта новость заставила бы *меня* выпить. — Может быть... она собиралась вернуться к этому парню, Кармайклу? — Зак просто смотрит на меня, и я стону от разочарования.

— Это всё, что ты собираешься мне сказать, да?

Он улыбается, и это гораздо более красивая улыбка, настолько, что я чувствую, как по моей спине стекают капли пота. Блин. Я не совсем уверена, что он когда-либо так улыбался мне раньше.

— Ты взволнована своей первой игрой? — спрашивает он меня, и я прищуриваюсь. Тренер Ханна *усердно* работала с нами всю последнюю неделю, и я ожидаю, что, несмотря на то, что это родительская неделя, она будет работать с нами так же усердно, если не ещё усерднее. Новичкам не разрешалось болеть за пятничную игру, но кульминацией родительской недели стала финальная игра сезона для новой футбольной команды всех звёзд в Бёрберри. Простое зачисление Зака в академию потрясло всю школу; похоже, теперь у нас действительно есть какая-то гордость за спорт. Конечно, команда поддержки настолько зелёная, что на данный момент нет различия между младшей группой и университетской, но я присоединилась не поэтому. На самом деле я вообще не увлекаюсь спортом.

— Мм. — Я издаю неопределённый звук, и Зак усмехается, беря вилку, чтобы подцепить тирамису. Каких избалованных сопляков плодит эта школа. Единственный раз, когда я пробовала тирамису, был, когда папа работал на двух работах по выходным, чтобы накопить денег и пригласить меня на шикарный итальянский ужин, чтобы отпраздновать попадание на доску почёта в средней школе. Так что да, прошли годы. Я решаю, что в следующий раз, когда подойдёт официант, я тоже закажу что-нибудь.

Потому что я не только собираюсь снова попасть на доску почёта, но и снова обойти

Тристана, чтобы сделать это.

— Я буду играть очень старательно, зная, что ты рядом, чтобы подбодрить меня, — мурлычет Зак — ага, реально, *мурлычет* — и я хмурюсь. Если бы я не придерживалась более высоких принципов, я бы сломала ему коленную чашечку, так что он был бы вынужден пропустить игру и пропустить новичков, которые должны были появиться. Хотя Заку Бруксу новички не нужны, никому в этой школе они не нужны. Если кто-то из них действительно решит играть за академию, это будет просто ради развлечения. Никто из этих парней на самом деле не заинтересован в карьере в НФЛ (*прим.* — *Национальная Футбольная Лига*). Игроки НФЛ бедны по сравнению с собственным капиталом среднестатистической семьи игроков в академии.

— О, поверь мне, — говорю я ему, беру вилку и театрально вонзаю её в свой стейк. Я улыбаюсь, когда включаюсь в игру. — Я не буду подбадривать тебя. Я здесь только для того, чтобы получить информацию. Я слышала, что Идолы в этом году ходили на все матчи.

Поднимая глаза от своей тарелки, я вижу, как Зак сжимает челюсти. Он перекладывает кусочки своего тирамису по тарелке, но на самом деле ещё ничего не съел. Холодок пробегает у меня по спине.

— Они ненавидят спорт. В прошлом году они не ходили ни на одно спортивное мероприятие, разве что раз или два посмотреть, как Джина плавает. — Я склоняю голову набок. — И они правда ненавидят тебя, так что... Я предполагаю, что это как-то связано с Клубом Бесконечности.

— Разве ты ещё не усвоила свой урок из Клуба? — шепчет Зак, а затем встаёт и отталкивается от стола. Он хватается за свою куртку со спинки стула и выбегает из комнаты.

Бинго.

Похоже, я задела его за живое.

Держу пари, Заку нужно выиграть эту игру в пятницу.

И мне действительно нужно поговорить с Чарли.

На следующее утро я встаю рано и с помощью утюга в своей комнате разглаживаю складки на своей белой юбке и жакете. Форма второкурсников — одна из моих любимых, вся из накрахмаленного белого льна с лёгким оттенком красного галстука, блестящими чёрными туфлями и маленькими чёрно-красными полосками на локтях пиджака и верхушках носков.

Просто ради забавы я надела ожерелье, которое подарил мне Тристан. Я представляю, как это запудрит ему мозги, заставив задуматься, как именно я в итоге получила его обратно. Зная, что папа, скорее всего, опоздает, я сдерживаюсь и жду, прежде чем направиться во двор, пока не буду уверена, что большинство других учеников разойдутся. В этом году я выступаю против Голубой Крови, и я готова принять удары, чтобы добиться этого, но я не приму никаких нападков от этих придурков, направленных против моего отца.

Идя по коридору, я замечаю, что одна из дверей кабинета открыта. Это примечательно для меня, потому что я постоянно хожу этим путём и ни разу не видела, чтобы она открывалась. На самом деле, обычно она заперта. Школьный персонал официально переехал в новые хозяйственные постройки, и старыми офисами часовни больше никто не пользуется.

— Ты разочаровал меня, сынок. — Я слышу покровительственный тон, который выводит меня из себя. Это настолько удручающе снисходительно, что у меня болят зубы. Хотя я знаю, что не должна этого делать, в конце концов я подкрадываюсь вперёд, чтобы заглянуть в стеклянное окошко на двери.

То, что я там вижу, заставляет меня приподнять брови.

Тристан стоит с прямой спиной, на его лице застыло выражение скучающего безразличия. Однако, в отличие от Крида, ему не совсем удаётся это сделать. На самом деле, впервые за все время он выглядит по-настоящему испуганным под своей маской. Даже когда он увидел машину своего отца, плавающую в бассейне, всё было не так уж плохо.

Тристан Вандербильт чего-то боится, да?

Очевидно, он боится... своего отца?

Мужчина, сидящий на краю старого письменного стола, выглядит как зрелая — и, если возможно, более жестокая — версия своего сына. У него те же самые волосы цвета воронова крыла, те же серые глаза и улыбка, похожая на змеиную. В тот момент, когда я вижу его, я знаю, что он — плохое известие. Думаю, яблоко от яблони недалеко падает.

Тристан ничего не говорит, просто стоит и смотрит на своего отца сверху вниз. Его плечи слегка подрагивают, что кажется неправильным. Он действительно дрожит? Именно тогда я замечаю лёгкий румянец в уголке его рта. Это... кровь?

— Ты прав, — отвечает Тристан, и всё, только эти два слова. Его униформа, как всегда, идеально отглажена, только резкие линии и складки, которые могут порезать. Его галстук расправлен, пиджак застёгнут на все пуговицы, волосы гладкие и блестящие. Но его глаза тревожно пусты. Отсутствует даже его обычная жестокость. — Я облажался.

Мистер Вандербильт вздыхает и постукивает пальцами по штанине своего безукоризненно отглаженного костюма. Так же, как и у его сына, ни одна нитка, пуговица или волосок не на месте. И у меня нет никаких сомнений в том, что его костюм стоит больше, чем годовая зарплата моего отца.

— Я всё ещё пытаюсь понять, как моя машина оказалась в бассейне.

Тристан вздрагивает, и моё сердце начинает учащённо биться. Если он ещё не сдал меня, то и не собирается этого делать. Но всё же...

— Я же сказал тебе: это была шутка старшеклассника. — Его голос холодный, пустой, мрачный.

Через мгновение мистер Вандербильт тянется за чем-то в кармане, и Тристан вздрагивает, как будто его ударили. Но всё, что делает его отец, — это достаёт чёрную коробочку с маленькой короной наверху. Он передаёт его своему сыну, и Тристан осторожно берёт её, открывая крышку, чтобы показать чёрно-красные часы Ролекс. Он переворачивает их, и я вижу выгравированный на заказ символ бесконечности на обороте.

Ну, чёрт возьми.

— Розыгрыш старшеклассника? — спрашивает мистер Вандербильт, забирая коробку обратно, снимая часы и жестом предлагая сыну протянуть руку. — И как именно старшеклассникам удалось вывезти мою машину из нашего гаража в Лос-Анджелесе?

Тристан ничего не говорит, просто позволяет отцу надеть часы за него.

— Я ещё не видел опубликованный рейтинг классов. А ты? — голос мистера Вандербильта просто сочится угрозой; высокие скулы и прямой нос с горбинкой, которые так царственно смотрятся на его сыне, становятся злодейскими, когда он протягивает руку и хватает Тристана за галстук, притягивая его к себе.

Тристан просто слизывает кровь с уголка рта и пристально смотрит на отца.

— Ты Вандербильт, сынок. Эта страна была построена на наши гроши и прихоти. Нужно ли мне повторять, какой позор ты навлекаешь на всю нашу семью, на компанию, когда позволяешь себе проиграть простолудинскому отребью?

Мой рот приоткрывается, и всё моё тело становится ледяным.

Основываясь на отсутствии сочувствия у Тристана, я предполагала, что его семья была ужасной, но увидеть это лично? Я ошеломлена. Несмотря на множество недостатков моего отца, я люблю его, и он любит меня. Я даже представить себе не могу, что он будет так обращаться со мной. Чёрт, я даже представить себе не могу, что Дженнифер бы так со мной обращалась.

— Я понимаю, отец, — шепчет Тристан, когда отец резко отпускает его, и он спотыкается.

— Хорошо. Тогда отправляйся туда и проверь список. Если мне не понравится то, что я увижу, для тебя эта неделя не будет приятной, сынок.

Тристан кивает, а затем резко поворачивается и направляется к двери так быстро, что я не успеваю отпрянуть с дороги.

Всё, что мне удаётся сделать, это отойти от двери, так что создаётся впечатление, что я просто проходила мимо.

Тристан застывает на месте, и сотни эмоций проносятся по его лицу, прежде чем он подавляет их все и просто смотрит на меня штормово-серым взглядом.

— Привет. — Это единственное слово, которое слетает с моих губ.

Через мгновение я слышу, как мистер Вандербилт отвечает по телефону, из открытой двери доносится фальшивый смех. Тристан закрывает её ладонью, его грудь поднимается и опускается от тяжёлых вдохов, которые не отражаются на его невозмутимом лице.

— С тобой всё в порядке? — спрашиваю я, хотя знаю, что не должна беспокоиться. Он был ужасен по отношению ко мне, худший из всех Идолов. И всё же... Я не могу контролировать этот небольшой всплеск сочувствия. Тристан мгновенно поворачивается ко мне и несётся через холл. В конце концов я отступаю, хотя и не хотела этого.

Он встаёт прямо передо мной, стиснув челюсти, гнев волнами захлёстывает его.

Не говоря ни слова, он протягивает руку и срывает ожерелье с моей шеи, разрывая цепочку в процессе. Моё сердце колотится так сильно и быстро, что я едва могу дышать. Когда он поворачивается и бросается к мусорному ведру, я остаюсь, разинув рот, наблюдая, как он срывает Ролексы со своего запястья и запихивает оба украшения так глубоко в мусорное ведро, как только может, пачкая рукав своего идеального белого пиджака чем-то красным, по-моему, кетчупом. Но потом он шмыгает носом, и я понимаю, что у него действительно тычет кровь из носа. Она капает ему на грудь и рукав, когда он снова поворачивается ко мне лицом.

— Не разговаривай со мной, Черити, — огрызается он, практически скрипя зубами. — Не смотри на меня. Даже не думай обо мне. Если ты это сделаешь, я сломаю тебя сильнее, чем это сделал Зак. И меня не будет рядом, чтобы заставить тебя выблевать таблетки, когда я закончу. — Он разворачивается на каблуках и несётся по коридору, оставляя меня пялиться ему вслед.

Что, чёрт возьми, всё это значит?!

Я показываю средний палец его спине... а потом снова роюсь в мусоре.

Я знаю, что на этой неделе дела у меня пойдут плохо, когда выхожу во двор со статуей оленя и фонтаном и нахожу Харпер Дюпон увлечённой беседой с моим отцом. Чёрт, я слишком долго провозилась.

Двигаясь так быстро, как только могу, я сокращаю расстояние между нами и подхожу к Чарли с широкой улыбкой на лице.

— Папа!

— Мишка-Марни! — говорит он, крепко обнимая меня. Находиться в его объятиях так приятно, что на долю секунды я забываю, что прямо рядом с нами стоит королева-сучка Бёрберри, её великолепные тёмные волосы развеваются на ветру. Моя челюсть сжимается, но мне удаётся изобразить гримасу, если не настоящую улыбку. — Я только что разговаривал с твоей подругой Харпер.

— Ну, подруга — это не совсем подходящее слово. — Это требует физических усилий, но я сопротивляюсь желанию сказать Чарли, что Харпер — одна из тех, кто избил меня, и что это вообще произошло по её приказу. У меня был такой шанс в прошлом году, когда меня допрашивали сотрудники. Они все видели, что сделали парни, как они бросили трусики, но вряд ли из этого что-то вышло. Выдача девочек, скорее всего, практически ничего не даст. Нет, я сама отомщу, большое вам спасибо.

Как бы то ни было, единственным наказанием, которое получили парни, был шлепок по долбаному запястью. У них аннулировали дипломы с отличием и грамоты с первого курса, и я почти уверена, что академия выжала из их родителей солидные пожертвования. И снова их деньги спасли их от каких-либо последствий за свои действия.

— О? — спрашивает Чарли, переводя взгляд с Харпер на меня с растерянным выражением на слегка морщинистом лице. Харпер ухмыляется мне, но мне насрать. Вместо этого я лезу под рубашку и вытаскиваю ожерелье. Когда Тристан сорвал его с моей шеи, застёжка сломалась, но я просто завязала цепочку узлом. Хитро, не так ли?

Когда её голубые глаза останавливаются на паре роз, болтающихся на конце, я вижу, как её лицо загорается яростью.

— Папа, помимо других предприятий, семья Харпер управляет «Myler Medical Technologies», — начинаю я, когда Харпер пристально смотрит на меня. — Её сестра заняла пост генерального директора около десяти лет назад и постепенно подняла цену на ручку для инъекций адреналина с пятидесяти долларов за инъектор до шестисот за две упаковки. Это увеличило прибыль компании до рекордных двух миллиардов долларов в год, а её собственную зарплату — до девятнадцати миллионов. — Я перевожу взгляд с Харпер на Чарли. — Ты знаешь, что у нашей соседки была аллергия на пчёл? И как её страховка не покрывала разницу в цене, поэтому они обошлись без неё? А потом Эрика умерла от...

Харпер подходит ко мне так близко, что мне приходится отодвинуться на некоторое расстояние, чтобы она не прикоснулась ко мне.

— Твой папочка уже рассказал тебе, что у него поздняя стадия рака толстой кишки и лёгких? Моя семья любезно предложила бесплатную медицинскую помощь, чтобы помочь ему пережить это. Удачи, милая. — Харпер наклоняется и целует меня в щеку, у меня кружится голова, и в итоге я опускаюсь на кирпичи, даже не осознавая, что упала.

Мои колени в крови, и папа пытается поговорить со мной, но я ничего не слышу, кроме звона в ушах.

Внезапно появляется Зак, рядом с ним его мать, и они оба пытаются помочь Чарли поднять меня на ноги. Я обвисяю в их руках, когда они поднимают меня, у меня кружится голова, желудок скручивает от тошноты.

— Это неправда, — шепчу я, поднимая взгляд и заглядывая в карие глаза моего отца, настолько похожие на мои, что мне кажется, будто я смотрюсь в зеркало. Его волосы взъерошены ветром, его улыбка такая милая и искренняя, что это кажется невозможным. Это невозможно. Мой отец не умирает. Это не так. Я отказываюсь в это верить. — Пожалуйста,

скажи, что это неправда. — Теперь я рыдаю, и Зак пытается обнять меня. Я отпрянула от него и споткнулась.

— Милая, пожалуйста, сядь, — мягко говорит папа, но мне нужна минутка. Мне нужна всего одна минута. Я поворачиваюсь и бегу через двор, по пути проходя мимо ухмыляющейся Харпер.

— *Пожалуйста, скажи, что это неправда,* — хихикает она, когда я пробегаю мимо.

Мои ноги скользят по кирпичам, и я оборачиваюсь, слёзы текут по моему лицу.

— Что ты только что сказала? — я вырываюсь, и Харпер встряхивает волосами.

— Ты слышала меня: твой отец умер бы без благотворительной помощи моей семьи. Постарайся быть хоть немного благодарной, сучка. — Красные вспышки мелькают перед моим взором, и прежде чем я успеваю передумать, я бросаюсь на Харпер. Мой правый кулак летит вперёд и попадает ей в хорошенькое личико. Раздаётся удовлетворительный хруст хряща, прежде чем из её носа начинает литься кровь.

Я только что нарушила *Правило № 1: Никакого насилия.*

Но... мой отец...

— Черити! — раздаётся знакомый голос за секунду до того, как руки Зейда обхватывают меня сзади. Я извиваюсь и борюсь с ним, отбрасывая локоть назад, который попадает ему прямо в рёбра. Он ворчит, но его татуированные руки по-прежнему крепко обнимают меня. Я снова бью его и умудряюсь вырваться, прежде чем бросаюсь на Харпер и отбрасываю её на кирпичную дорожку.

— Марни, остановись! — появляются Миранда и Кэтлин Кэбот, а Крид следует за ними. Он наблюдает со своим скучающим, ленивым видом, как две женщины стаскивают меня с неё и оттаскивают на несколько футов назад. Харпер поднимается на ноги, ухмыляясь, по её губам тычет кровь. Она выглядит счастливой от того, что только что произошло.

И тогда я понимаю, какую ошибку совершила, и тихий печальный звук срывается с моих губ.

— Ты молодец, Работяжка, — воркует Харпер, опираясь на столб рядом с собой, чтобы удержаться на ногах. Я замечаю, что никто не протягивает ей руку. Мой взгляд скользит по собравшейся толпе, от папы, Зака и его мамы Робин, подбегающих к нам, а затем к Миранде, Кэтлин и Криду. Зейд стоит позади меня, тяжело дыша, его униформа, как всегда, растрёпана и помята, галстук болтается свободно и криво. — Я доложу о тебе.

Харпер протягивает руку, чтобы стереть кровь со своего лица.

— Нет, ты этого не сделаешь, — огрызается Кэтлин, её голос настолько яростен, что внимание Харпер переключается на неё. — Может, официального отчёта и нет, но я знаю, что ты и твои маленькие друзья сделали с Марни в прошлом году. У неё были сломаны рёбра и выбит зуб. Обычно я не сторонник справедливости «око за око», но, юная леди, если вы прямо сейчас не уйдёте и не приведёте себя в порядок, вас исключат вместе с ней.

Харпер разинула рот, её внимание переключилось с Кэтлин на Робин, Чарли, а затем снова на меня.

— Это правда, Кэтлин: это была Харпер. Харпер и несколько её подруг. Я бы не хотела втягивать в это кого-то ещё. — *Сделай паузу, вдохни, возьмите себя в руки.* — Если ты ещё раз заговоришь о моём отце, — шепчу я, делая шаг вперёд так внезапно, что у Миранды не остаётся шанса остановить меня, прежде чем я выплуну эти слова Харпер в лицо, — ты чертовски пожалеешь.

А потом я сбрасываю руки Миранды, протискиваюсь мимо Зейда и Крида и исчезаю

саду.

Первый человек, который нашёл меня, — это Зак.

Я вздыхаю, когда он выходит из-за угла, и остаюсь на месте, съёжившись на каменной скамье и обхватив руками колени. Всё, о чём я могу думать, — это папа, и какое у него доброе сердце, и как миру нужно больше таких мужчин, как он, а не меньше. Нет, вместо этого такие люди, как мистер Вандербилт, преуспевают, а папа всю свою жизнь работает на ненавистной работе, любит женщину, которая его предала, и заболевает самой ужасной болезнью, известной человеку.

— Я ненавижу рак, — говорю я Заку, когда он садится рядом со мной, одетый в свою униформу и куртку Леттермана поверх неё. Он выглядит в ней слишком хорошо; это нечестно. Я хочу ненавидеть его, но сейчас я чувствую себя такой одинокой. Если папа... без папы... останусь только я. Мне действительно следует пойти и найти Миранду и Эндрю, поговорить с ними вместо этого. Но я просто сижу там, а Зак в нескольких дюймах от меня, его карие глаза сосредоточены на траве у его ног, плечи ссутулились. — Это была та новость, о которой ты не хотел мне рассказывать, да?

Он кивает, но сначала ничего не говорит. Проходит несколько минут, прежде чем он заговаривает.

— Теперь все Идолы знают. Они используют папу против меня. — Зак поджимает губы и садится, глядя на меня гораздо более мягким взглядом, чем обычно. В пятницу я собираюсь уничтожить его. Мне почти стыдно из-за этого. Может быть, мне не следует этого делать? Но я не могу так легко простить его.

— Если тебе когда-нибудь понадобится компромат на кого-либо из Клуба Бесконечности, у меня, вероятно, он есть. Теперь ты знаешь мою грязь и грязь Лиззи. Но это ещё не всё. Ты была бы шокирована тем, что я мог бы тебе рассказать.

Я насмехаюсь над ним.

— Возможно, но какой ценой? Чего ты хочешь от меня, Зак? Если тебя подстёгивает только чувство вины, тогда ты можешь остановиться. Я не нуждаюсь в твоём сочувствии или жалости.

— Это не жалость, Марни. Ты красивая, ты умная, ты целеустремлённая. Из-за чего тут тебя жалеть? — он говорит всё это так, как будто это само собой разумеющийся факт, что, конечно, всё так и есть. Я ёрзаю, чувствуя себя неловко от комплиментов. Если бы я была человеком получше, я бы оставила всю эту чушь о мести в покое, перевелась в другое подготовительное учебное заведение и просто с головой ушла в учёбу.

Должно быть, со мной что-то не так.

— А чувство вины? Конечно, я чувствую вину, — выплёвывает Зак, проводя ладонью по своим темным волосам. Он выдыхает, и его широкие плечи сгибаются внутрь, как будто он пытается погрузиться в себя. — Но я не поэтому пытаюсь тебе помочь.

— Тогда зачем ты здесь? — спрашиваю я, поднимая глаза.

Затем Зак поворачивается ко мне, и в его взгляде есть что-то горящее, что пугает меня до чёртиков.

— Помнишь, как мы впервые поцеловались? — спрашивает он, и я чуть не задыхаюсь. — Эти чувства... они были ужасающими для меня. Ты не можешь так себя чувствовать, когда ты так молод, а я...

Я издаю сдавленный звук, и Зак замолкает. Сейчас утро понедельника, а я ещё не включила свой телефон. Он зажат в моей левой руке, и я принимаю внезапное, за долю

секунды, решение начать запись, на всякий случай. Зак ждёт несколько ударов сердца, прежде чем сделать глубокий вдох и двинуться дальше.

— Когда я заключал это пари, я не думал об имени и лице девушки, которая умрёт. Мне жаль. Сто раз повторяю, мне очень жаль. Но я сделал это: я заключил это пари, чтобы заставить тебя покончить с собой, и я безжалостно набросился на тебя. Для меня нет такой вещи, как прощение.

Моё сердце болезненно сжимается, но сейчас я слишком взвинчена эмоциями, чтобы понять, как я должна это воспринимать. Вместо этого я отворачиваюсь и меняю тему, одновременно выключая свой телефон.

— Мне нужно найти моего отца, — выпаливаю я, вскакивая на ноги. Я слегка спотыкаюсь, и Зак оказывается рядом, чтобы поддержать меня за локоть. Его прикосновение обжигает меня сквозь пиджак; как будто его обнажённая кожа касается моей. Я практически чувствую изгибы его пальцев.

— Я отведу тебя к нему, — говорит Зак, и его лицо превращается в ту непроницаемую маску, к которой я привыкла. Он начинает прокладывать путь, и я вырываюсь из его хватки. Вместо того чтобы расстраиваться, он просто улыбается мне. — Кстати, ты уже видела рейтинг классов?

Я качаю головой. Действительно ли меня волнует рейтинг в классе, когда мой папа болен? Честно говоря, всё, чего я хочу в тот момент, — это бросить всё и вернуться домой, чтобы я могла позаботиться о нём. Я предполагаю, что именно поэтому он избегал говорить мне об этом всё это время. Он слишком самоотвержен, чёрт возьми. Это нечестно. Мои глаза наполняются слезами, и Зак протягивает руку, чтобы стереть слезу с моей щеки большим пальцем, оставляя странные ощущения на моей коже.

— Ты снова победила Тристана Вандербильта, — произносит он с тихим смешком, и я почти смеюсь. Почти. Но ничто в этом мире не является для меня более важным, чем мой отец. Ничего. — Ты снова номер один.

— Номер один? — эхом отзываюсь я, и моё сердце проваливается в желудок. Если я номер один... тогда почему у меня такое чувство, что я пришла последней?

Я закрываю глаза, выдыхаю, а затем снова открываю их.

Мне никогда не нужно было быть сильнее, чем в этот момент.

Расправив плечи, я беру инициативу в свои руки и направляюсь обратно в часовню.

Папа не хочет говорить со мной о своей болезни. Если я поднимаю этот вопрос, он меняет тему. Если я плачу, он крепко обнимает меня. В этом году он определённо не напьётся.

В пятницу, как раз перед большой игрой, он обхватывает моё лицо одной из своих грубых ладоней и с любовью заглядывает мне в глаза. У меня перехватывает горло, и я давлюсь непролитыми слезами.

— Марни, — начинает он мягким голосом, — ты всегда знала, чего хотела, даже будучи маленькой. Ты пережила трудные времена в средней школе, и всё же ты никогда не переставала бороться. Ты получила эту стипендию благодаря своим собственным заслугам, и ты ничего не делаешь, кроме как продолжаешь превосходить мои ожидания.

— Папа... — начинаю я, но он обрывает меня.

— В детстве я мечтал пойти в такую школу, как эта. Недалеко от города, в котором я вырос, была академия для мальчиков под названием Адамсон. Я фантазировал о том, чтобы ходить туда каждый день, но я никогда не пытался изменить свои обстоятельства; я просто принимал их. — Я пытаюсь заговорить снова, но он мягко останавливает меня. — Всю неделю ты намекала, что хочешь вернуться домой и заботиться обо мне. Я не хочу этого для тебя.

— Для меня нет ничего важнее тебя, — выдыхаю я, но папа уже качает головой. Теперь всё имеет смысл: он подарил мне браслет своей матери, пытался наладить мои отношения с Дженнифер, напился в прошлом году на Родительской неделе. Всё это складывается в один ужасный вывод, от которого я просто хочу проснуться.

— И для меня нет ничего важнее тебя, Мишка-Марни, но у тебя вся жизнь впереди. Я сделаю всё возможное, чтобы присутствовать при этом как можно дольше, но ты не можешь упустить эту возможность. Я тебе не позволю. — Он вздыхает и опускает руку. Он так отличается от всех остальных родителей в их дорогих костюмах, дизайнерской одежде и модных туфлях на высоких каблуках. Чарли Рид носит старые рваные джинсы, часы, которые я подарила ему на Рождество в прошлом году, и поношенные рабочие ботинки. То, что он носит всё это с гордостью, заставляет меня любить его ещё больше. — Я вижу, как они смотрят на тебя.

— Как будто они ненавидят меня и хотят моей смерти? — спрашиваю я, и папа мягко улыбается.

— Как будто они завидуют, Марни.

— Завидуют мне? — недоверчиво повторяю я. — С их «Ламборгини», яхтами и особняками? — когда я это говорю, мой голос звучит так жалко, что даже меня передёргивает. Я лучше, чем кто-либо другой, знаю, что деньги — это не то, что делает человека счастливым. Папа делает меня счастливой; учёба делает меня счастливой; дружба делает меня счастливой.

— За деньги нельзя купить уверенность, любовь или подлинное самоощущение. Марни, ты лучше, чем их поверхностное дерьмо. — Я поднимаю брови, потому что редко, если вообще когда-либо, слышала, как мой отец ругается. — Милая, лучшая месть — это успех. Запомни это. Продолжай делать своё дело и заставь меня гордиться тобой. Это то, чего я хочу для тебя. Сделай для себя жизнь лучше, чем та, которую я тебе дал.

— Ты подарил мне замечательную жизнь, — выпаливаю я, и папа смеётся, притягивая меня для объятий. На мне моя новая форма чирлидерши: кофта из полиэстера с длинными рукавами и красными и белыми полосками под надписью Бёрберри, вышитой спереди, в паре с короткой чёрной юбкой и кроссовками. Под ней на мне блестящие черные шорты с логотипом школы на правой ягодице. Кажется странным размещать символ в таком месте, но это то, что есть. Неудобный материал неприятно натирает, когда папа целую вечность тискает меня.

Он отстраняется и кладёт руки мне на плечи.

— Моя маленькая девочка, чирлидерша, — говорит он, а затем усмехается, когда я прищуриваюсь. — Никогда не думал, что доживу до этого дня.

— Я просто делаю это ради колледжа, — повторяю я, а затем мысленно добавляю «и мести». — Кроме того, это хорошая тренировка. — Папа ухмыляется мне и обнимает за плечи, пытаюсь направить нас в неверном направлении. Я смеюсь и разворачиваю его, ведя к задней двери и ожидающим машинам академии. Футбольное поле находится так далеко от здания часовни, что прогулка туда занимает добрых полчаса. Несколько человек некоторое время назад ушли, чтобы спуститься вниз, но мы с папой вместе поели в Столовой, и я отказалась, чтобы меня торопили.

— Какова бы ни была причина, я взволнован твоим выступлением, — говорит он, ведя нас к машине. Мы садимся, и водитель собирается закрыть дверь, когда я слышу голос, приказывающий придержать машину.

Это Зейд, блядь, Кайзер.

Здорово.

Он забирается внутрь, а потом замирает, когда видит нас с папой.

Уголки моих губ приподнимаются, но затем водитель закрывает дверь, и отступать немного поздно. Папа, должно быть, узнал в Зейде одного из метателей трусиков, потому что он не улыбается ему и не здоровается с ним.

Зейд плюхается на противоположную сторону лимузина, одетый в белую майку с названием его группы — «Afterglow» — нацарапанным чёрным курсивом спереди. Его джинсы чёрные и слишком узкие, что мне на самом деле нравятся. На нём Док Мартенсы покрытые розами, и я почти уверена, что за лето он добавил несколько новых татуировок. Мои пальцы помнят, как водили по его чернилам, когда мы целовались в моей комнате в общежитии. Конечно, он делал всё это только для того, чтобы заснять это и унижить, но... это совсем другая проблема.

— Твой отец так мало о тебе заботится, что снова не потрудился появиться? — спрашиваю я, и Чарли вытаращивает на меня глаза.

— Марни, — предупреждает он, но это единственное, что я получаю в ответ.

Зейд просто смотрит на меня в ответ, его веки подведены подводкой, пирсинг на губе чёрный и заострённый, бровь пронзает чёрный обруч. Он некоторое время покусывает кольца на губе, прежде чем ответить.

— У него есть работа, которая действительно волнует других людей, — огрызается Зейд, и я понимаю, что задела его за живое. Хорошо. Пошёл он к чёрту. Я выбрала его. Я *выбрала* его, а он предал меня. Это делает всё намного хуже. Его характерный запах табака, гвоздики и шалфея наполняет воздух в лимузине, и мои ноздри раздуваются. — Он, знаешь ли, не какой-нибудь легко заменяемый «синий воротничок», которого можно заменить обезьяной или машиной.

— По крайней мере, у моего отца есть сердце, и он не забывает на меня, — рычу я, и Чарли кладёт руку мне на колено. — Музыкантов здесь пруд пруди. Твой папа — *не кто иной*, как обезьяна-исполнитель, покрытая татуировками и словами каких-то авторов-призраков, которые пишут хиты для широких масс. Оставьте нас в покое.

Зейд хмуро смотрит на меня, вскакивая со своего места и распахивая дверь, пока машина всё ещё катится к остановке. Он уходит, а папа вздыхает и смотрит на меня. Я съёживаюсь, но только потому, что расстроена тем, что ему пришлось выслушивать эту чушь. Зейд заслуживает того, что я сказала.

Футбольный стадион огромен, гораздо красивее, чем можно было бы ожидать от средней школы. На самом деле, это напоминает мне о том, как однажды папа взял нас с собой на домашнюю игру в Университете Оригоны на стадионе Аутцен в Юджине, штат Орегон. Это слишком тяжело, особенно учитывая, что до этого года наша команда занимала, скажем так, последнее место в своём округе.

Зак изменил всё это.

Если они выигрывают сегодняшнюю игру, то выйдут в плей-офф.

Я собираюсь сделать так, чтобы этого не случилось.

Сегодня вечером мы играем с Гренадин Хайтс Хай — командой номер один в нашем округе почти два десятилетия подряд. Это своего рода большое дело.

Папа оставляет меня, чтобы занять своё место на трибунах, а я присоединяюсь к тренеру Ханне и остальным девочкам у входа на стадион. То, как они смотрят на меня, когда я неторопливо подхожу к ним... бесценно. Илеана чертыхается себе под нос, достаточно громко, чтобы я услышала, но недостаточно, чтобы заметила тренер.

Тренер проводит нас через разминку и растяжку, моё сердце бешено колотится, пот стекает по спине. И это связано не только с упражнениями — я собираюсь разрушить футбольную карьеру Зака Брукса, а вместе с ним и остальную команду.

Может, я и движусь медленно, но я умею планировать. Это то, что я делаю.

После разминки мы направляемся на стадион и занимаем свои позиции на краю поля. Что касается тренера, то игры — это тренировка. Мы готовимся к соревнованиям. Когда футбольная команда Бёрберри будет зализывать раны, я помогу их команде поддержки завоевать их первые в истории трофеи.

На этот раз время было выбрано не очень удачно, поэтому я переминаюсь с ноги на ногу, бросая короткие взгляды на табло и часы. Минуты тянутся медленно, как часы, пока мы готовимся к нашему первому в жизни приветствию. Я немного зубрилка и книжный червь, и это совершенно не моя сцена, но я заставляю себя улыбнуться. Однако это тяжело, когда на трибунах Тристан, Зейд и Крид. Я вижу их спереди и в центре, по бокам от Внутреннего круга. Почти уверена, что они все пялятся на меня.

Когда мы начинаем нашу рутину, я замечаю, что у тренера Ханны звонит телефон.

Мой рот кривится наполовину в гримасе, наполовину в усмешке.

Если бы я захотела, я могла бы сделать с Заком Бруксом что угодно, например, подсыпать ему в еду или питье стероиды и заявить на него. Но я так не играю. Я не хочу опускаться до их уровня. Усложняет ли это ситуацию? Конечно. Однако, когда я села и установила эти правила, я была серьёзна.

Пусть они повесятся на своей собственной верёвке.

Если бы они не издевались надо мной, если бы они *перестали* издеваться надо мной, то с ними бы ничего плохого не случилось.

Тренер Ханна переводит взгляд со своего экрана на меня, мои руки подняты вверх, мой облегающий топ из полиэстера слегка приподнят. Она поворачивается к своему помощнику тренера, и я вижу, как они коротко перешёптываются. На трибуне директор Коллинз приподнимает седые брови, её рот слегка приоткрыт. И когда мы заканчиваем подбадривать друг друга, я оглядываюсь через плечо и вижу, как тренер университетской команды по футболу Бак Роландс отзывает Зака с поля.

Зак подбегает трусцой, стаскивая свой блестящий чёрной шлем, его брови нахмурены, его большое, мускулистое тело кажется ещё больше из-за всех этих подушечек защиты, которые он носит. Он останавливается рядом со своим тренером и смотрит на видео на экране телефона.

Его лицо становится шокированно-белым, прежде чем он поднимает на меня взгляд и встречается со мной глазами. Я улыбаюсь, но это некрасивая улыбка. Нет, это одна из тех улыбок, которые Идолы дарили мне бесчисленное количество раз за последние полтора года.

«*Что посеешь, то пожнёшь*», — думаю я, когда директор Коллинз спускается по ступенькам, а толпа начинает гудеть от сплетен. Я разослала одно и то же видео каждому сотруднику. Узнать их номера было нетрудно. На самом деле, поскольку это академия-интернат, каждому ученику выдаётся список экстренных номеров личных мобильных телефонов персонала на случай несчастного случая или чрезвычайной ситуации в нерабочее время. Использование его в нештатных ситуациях является строгим основанием для отстранения, но я это предусмотрела: я пользовалась одноразовым телефоном.

Помните те необходимые вещи, которые мне *пришлось* купить в магазине?

Да, что ж, он был в списке.

Между директором Коллинзом, заместителем директора Кастором, тренером Роландсом и, несколько мгновений спустя, матерью Зака, Робин, завязывается негромкий спор. Всё, что я когда-либо видела или слышала об этой женщине, — это то, что она мила до безобразия. Раньше, в средней школе, я удивлялась, как она вообще создала такого монстра, как Зак Брукс. Я слышала, что его отец и дедушка — настоящие профессионалы своего дела, но Робин всегда была добра ко мне, даже когда её сын издевался надо мной до грани самоубийства.

Выражение лица Зака, когда она смотрит это видео... мне почти больно от этого.

Я позабавилась этим некоторое время, задаваясь вопросом, не нарушает ли это правила два и три: *никакой игры в дружбу* и *никаких невинных прохожих*. Но... всё, что я сделала, — это открыла правду.

На мгновение я закрываю глаза. Мне не нужно смотреть видео, чтобы знать, что там написано.

Там Зак, говорящий мне покончить с собой и снимающий это на видео. Он тоже прислал мне это видео много лет назад, отправил его мне по электронной почте, чтобы я могла смотреть его снова и снова. Я никогда никому не рассказывала. Ни разу. Но оно всё ещё было у меня, погребённое под годами других электронных писем.

За этим следует его голос, прозвучавший всего несколько дней назад. «*Когда я заключал это пари, я не думал об имени и лице девушки, которая умрёт. Мне жаль. Сто раз повторяю, мне очень жаль. Но я сделал это: я заключил это пари, чтобы заставить тебя покончить с собой, и я безжалостно набросился на тебя. Для меня не существует такого понятия, как прощение*».

Давайте посмотрим, как работает эта политика абсолютной нетерпимости к издевательствам.

Лицо Зака вытягивается, когда его мать поворачивается к нему, глядя на своего сына так, словно даже не узнает его. Шлем выпадает у него из рук, и через несколько минут — буквально через несколько *минут* — телефоны по всему стадиону звонят со ссылкой на видео. Студенты делятся им друг с другом, склонив головы друг к другу и перешёптываясь. Родители видят это. Всё вышло наружу, и ничего уже не вернуть назад.

Моё сердце колотится так быстро, что у меня кружится голова, и теперь все смотрят на меня.

— Могу я воспользоваться туалетом? — спрашиваю я тренера Ханну, и она глупо моргает, глядя на меня. Теперь в её взгляде жалость и сочувствие, но мне всё равно. Она кивает, и я проталкиваюсь мимо других девушек, направляясь к длинному тёмному тоннелю, который ведёт из раздевалок на поле.

Как только я скрываюсь в его тёмных глубинах, я прислоняюсь спиной к стене, моё дыхание становится прерывистым.

Когда я слышу шаги, я не ожидаю увидеть Зака, несущегося по коридору с потемневшим и осунувшимся лицом. Он замечает меня и останавливается близко, слишком близко, так близко, что я вижу боль в его глазах. Я ожидаю, что, как и Зейд, что он выплеснет свою обиду мне в лицо.

— Я не участвую в сегодняшней игре, — шепчет он, и мы оба знаем, что это означает: Академия Бёрберри проиграет. — И я ухожу из команды. — Я поджимаю губы, и он закрывает глаза, его голова опускается, подбородок прижимается к груди. — Отстранение от занятий, как минимум. Никаких привилегий за пределами кампуса. Моя мама собирается отречься от меня. — Он стонет и садится на корточки, закрыв лицо руками. Мгновение я просто наблюдаю за ним. — Они обсудят остальную часть моего наказания в понедельник.

— Ты заслужил это, каждую частичку, — говорю я ему, отступая на несколько дюймов, как будто боюсь, что он собирается ударить меня. Зак внезапно встаёт и срывает через голову майку, с рычанием сбрасывая наплечники на пол.

Когда он поворачивается ко мне, он без рубашки, потный и великолепный.

Жаль, что я его ненавижу.

— Ты права, — внезапно выпаливает он, и мои глаза расширяются от шока.

— П... прости?

Зак делает несколько шагов ко мне и останавливается, проводя ладонью по лицу.

— Ты права. Марни, ты права.

Он опускает руки по швам, и для меня чертовски невозможно не заметить, какие мускулистые у него руки, какие округлые бицепсы, какая плоская грудь. У меня перехватывает дыхание, когда он делает шаг вперёд, и я скрещиваю руки на груди, чтобы держать себя в руках. Взгляд Зака опускается к моей талии, и его брови поднимаются. Когда он протягивает ко мне руку, моё сердце замирает в груди. Он берёт край моей юбки и, слегка потянув, тянет меня вперёд. Его пальцы ныряют под мой пояс, обжигая меня порочным жаром, и оттягивают пояс вниз ровно настолько, чтобы он мог видеть мою татуировку.

Он издаёт длинную череду проклятий, его голос такой мрачный, что это почти пугает.

— Марни, что это?

— Клуб Бесконечности, — начинаю я, делая глубокий вдох и выпячивая грудь. Я бы хотела, чтобы он убрал свои пальцы. Ему приятно вот так прикасаться ко мне, а это

последнее, чего я хочу. Я не позволю себе быть мягкой с этими парнями. Нет ничего сексуального, крутого или располагающего к себе в том, чтобы быть мудаком. Если бы это был роман с хулиганами, что ж, я бы, наверное, в конечном итоге женилась на Миранде, потому что я просто терпеть не могу хулиганов. — Они поймут, что не могут относиться к людям как к сопутствующему ущербу.

Зак потирает костяшками пальцев мою татуировку и снова чертыхается, прежде чем поднять на меня глаза.

— Ты не знаешь, во что ввязываешься, — шепчет он, и я поджимаю губы. Я *знаю* это, и всё же... Кажется, я не могу себя контролировать. Этим богачам нужно усвоить, что человек есть личность, независимо от размера его банковского счета. Нет такого понятия, как социальный дарвинизм, королевская семья или идолы, всё это фасад, куча дерьма, которое позволяет определённым людям получить свободный пропуск за то, что они отбросили свою человечность. — У тебя нет ни ресурсов, ни инсайдерских знаний, чтобы уничтожить клуб.

— Я не... — начинаю я, и Зак наклоняется ко мне так близко, что я вижу, как бешено бьётся его пульс на шее, могу проследить за капельками пота, стекающими по его мускулистой груди.

— Но у меня есть, — говорит он, и его взгляд опускается на мои губы. Моё тело дрожит, когда его огромная фигура возвышается надо мной, костяшки его пальцев поглаживают мою татуировку. Чёртовы гормоны. Он наклоняется чуть ближе. — Я могу помочь тебе, Марни.

— Я никогда не полюблю тебя, — выпаливаю я, но мои глаза, кажется, не могут смотреть никуда, кроме его нижней губы. — Никогда.

— Хорошо, — шепчет он, закрывая глаза и прижимаясь своим лбом к моему. Он вспотел, но мне всё равно. Мои ладони каким-то образом оказываются на его плоской груди, кончики пальцев касаются его влажной, горячей кожи. — Потому что я люблю тебя, хотя и знаю, что недостаточно хорош для тебя. — Моё сердце замирает в груди, а глаза расширяются. Мой взгляд перемещается с его губ на глаза и остаётся там; я не могу отвести взгляд. Зак кладёт свою левую руку поверх моей, прижимая мою кожу к своей. Его правая рука продолжает поглаживать мою татуировку. — Ты хотела знать, почему я помогаю тебе? Теперь ты знаешь. Но ты никогда не будешь со мной, и это нормально. Потому что меня для тебя недостаточно. Я из тех людей, которые пытаются заставить девушку покончить с собой, чтобы попасть в какой-нибудь дурацкий клуб. Всё, что я хочу сделать, это попытаться наверстать упущенное, даже если это займёт у меня всю оставшуюся жизнь.

— Заткнись, — шепчу я, но он просто наклоняется ещё ближе и прижимается своими губами прямо к моим. Сейчас я чувствую его вкус, прямо здесь, у себя на губах. Я высовываю язык, и мы оба стонем, когда я провожу им по его нижней губе. — Я не доверяю тебе, и я тебе не верю. Что бы ни говорил, для меня все это чушь собачья.

— Хорошо, — повторяет он, его губы прижимаются к моим. — Может быть, когда-нибудь ты простишь меня, и мы сможем стать друзьями. А пока позволь мне помочь тебе.

Я задыхаюсь; он задыхается.

Мы дышим вместе.

Через мгновение Зак слегка поворачивает голову набок, и я прослеживаю за его взглядом.

Идолы — все шестеро — стоят там и наблюдают за нами.

Лицо Тристана суровое, мёртвое, холодное. Руки Крида сжаты в кулаки по бокам, что противоречит скупающему, ленивому выражению его полуприкрытых глаз. Зейд, он просто

открыто хмурится, даже когда держится за руку с Бекки. По их взглядам так ясно видно, как сильно они все ненавидят Зака. Даже презирают его. Оглядываясь назад на тот день на озере, я вижу вещи такими, какие они есть на самом деле. Задним умом, можно сказать, и всё такое.

Они не рассказали мне о Заке и Лиззи, не потому что заботились обо мне.

Они рассказали мне о Заке и Лиззи, чтобы причинить мне боль. И они сделали это.

Я поворачиваюсь обратно к Заку.

— Позволь мне поцеловать тебя, — шепчет он, и тогда я понимаю, что дрожу. Я только что разрушила футбольную карьеру этого парня, проиграла большую игру для академии, возможно, даже отправила Зака обратно в школу Лоуэр Бэнкс. И всё же... — Позволь мне помочь тебе, и я найду только настолько далеко, насколько ты мне позволишь. Мы можем уничтожить Клуб Бесконечности вместе.

— Притвориться, что встречаюсь с тобой? — спрашиваю я, и он пожимает своими широкими плечами — его любимый ответ на каждый вопрос.

— Или просто, блядь, поцелуй меня.

Моё сердцебиение ускоряется, и капелька пота пробивается между грудей, щекоча кожу. Зак убирает руку и задирает пояс моей юбки, чтобы скрыть мою татуировку. Затем он хватает меня за бедро и притягивает моё тело к себе. Прежде чем я успеваю хорошенько подумать об этом, мои руки скользят вверх по его груди и обвиваются вокруг шеи.

Наши губы соприкасаются в порыве жара, отчаяния и потребности.

Это так приятно, что почти причиняет боль.

Рот Зака тёплый и мягкий, и на вкус он как вишнёвый Гаторейд. Он обхватывает меня левой рукой и прижимает к себе, его язык дразнит мой, беря под контроль поцелуй, но не будучи властным. Я говорю себе, что делаю это только потому, что они наблюдают. Во всяком случае, так я *говорю*. Внутри я таю.

— Ну и ну, это Работяжка, делающая то, что у неё получается лучше всего, — усмехается Харпер, но я едва слышу её. Я так окутана большими, сильными руками Зака, ощущаю вкус его горячих губ на своих. Даже если я ненавижу его, даже если из-за меня его только что исключили... это слишком приятно.

И если это задевает Голубокровных, то это просто вишенка на торте.

Мы натыкаемся на стену, но я знаю, что не могу позволить этому продолжаться дальше.

Зак, должно быть, тоже это понимает, потому что он отстраняется и на мгновение прижимается своим лбом к моему. Мы оба тяжело дышим, медленно вдыхая и выдыхая. Мы оба дрожим, даже когда он отходит от меня и подбирает свою сброшенную майку и колodки.

Я не смотрю на Голубокровных, когда поправляю форму и провожу ладонью по волосам, прежде чем обменяться взглядом с Заком. Он мрачно улыбается мне, прежде чем направиться в раздевалку, и я поворачиваюсь обратно к полю.

— Ёбаная шляха, — рычит Бекки, когда я прохожу мимо, но я просто останавливаюсь и улыбаюсь ей.

— Нужно быть одной из них, чтобы узнать другую, — говорю я, а затем проношусь мимо и направляюсь обратно к группе болельщиц в их чёрной, красной и белой униформах. Я знаю, что после мне придётся поговорить с папой о Заке, но это может подождать.

А пока я танцую.

Месть: Голубая Кровь Подготовительной Академии Бёрберри
Список, составленный Мирандой Кэбот Марни Рид

Идолы (парни): Тристан Вандербилт (~~первый~~ **второй курс**), Зейд Кайзер (~~первый~~ **второй курс**) и Крид Кэбот (~~первый~~ **второй курс**)

Идолы (девушки): Харпер Дюпон (~~первый~~ **второй курс**), Бекки Платтер (~~первый~~ **второй курс**) и Джина Уитли (~~четвертый курс~~) (**выпустилась**), Илеана Тайтингер (**первый курс**)

Внутренний круг: **Эндрю Пейсон**, Анна Киркпатрик, Майрон Тэлбот, Эбони Питерсон, Грегори Ван Хорн, Эбигейл Фаннинг, Джон Ганнибал, Валентина Питт, Сай Патель, Мэйлин Чжан, Джален Доннер... ~~и, думаю, я!~~ **Киара Сяо, Бен Трешер**

Плебеи: все остальные, ~~извините.~~ ХОХО
Зак Брукс

Глава 8

Хэллоуин в этом году приходится на четверг, что затрудняет проведение вечеринок, особенно учитывая, что вся Голубая Кровь — и Зак — ограничены пределами кампуса академии. Согласно местным сплетням, в пятницу вечером на кладбище будет вечеринка. Технически, это находится на территории кампуса, так что меньше риска быть обнаруженными.

— Я покончила с темой «распутницы», — говорит Миранда, листая журнал, пока мы сидим в столовой и уплетаем разноцветную пачку макарон. — Я имею в виду, на Хэллоуин. Не то чтобы в этом было что-то плохое, я просто... чувствую, что предпочла бы стать гигантской миской попкорна, чем сексуальной кошечкой, сексуальным пожарным, сексуальной медсестрой или сексуальным бородавочником (*прим. — вид из семейства свиней*).

— Бородавочником? — задыхаюсь я, ударяя себя кулаком в грудь и приподнимая бровь. Миранда откидывает голову назад и смеётся, звук похож на звон колокольчиков. Я замечаю, что Джесси Мейкер наблюдает за ней и покусывает нижнюю губу. Эти двое... — Кто вообще переодевается в сексуального бородавочника?

— Легенда Академии гласит, что в девяностых, когда впервые вышел «Король Лев», мисс Фелтон пришла в школу в костюме сексуального бородавочника, в пушистых трусиках, пушистом лифчике и с клыками. Ежегодник за тот год пропал из библиотеки, что однозначно наводит меня на мысль, что это правда. — Она засовывает в рот розовое печенье и даёт нам с Джесси глянцевою страницу журнала.

О, печатные издания всё ещё живы и процветают в кампусе Бёрберри, особенно с утра понедельника, когда мы сдаём наши телефоны, и до вечера пятницы, когда мы получаем их обратно. Конечно, я пронесла сюда одноразовый телефон, спрятав его в коробке с тампонами (клапан которых я аккуратно заклеила клеем, чтобы он выглядел нераспечатанным). Уверена, что я не единственная студентка, которая додумался до такого.

Я рассматриваю костюм — это гигантская миска с попкорном, сделанная из папье-маше, которая совершенно не подойдёт, учитывая, что завтра Хэллоуин, — но это мило.

— Мы могли бы нарядиться макаронами, — предлагаю я, поднимая одно из красивых печений к свету. — Знаешь, покрасить немного этой временной краской волосы, надеть подходящие платья и туфли на каблуках.

Миранда визжит и вскакивает со своего места, чуть не опрокидывая башню из макарон, когда она обвивает руками мою шею и практически душит меня во имя объятий.

— Это такая милая, чёрт возьми, идея! — выпаливает она, сверкая глазами. — И у всех нас по-прежнему есть свои привилегии за пределами кампуса. Мы могли бы пойти сегодня после школы, просто сбежать в город и захватить кое-какие вещи. — Миранда щёлкает пальцами, когда Эндрю входит, неся свою сумку с книгами через плечо. Он поднимает на неё брови. — Но только если ты пройдёшь полное перевоплощение.

— Перевоплощение... для чего? — подозрительно спрашивает Эндрю, и Миранда бросает ему жёлтое печенье, которое он едва ловит.

— Хэллоуин. Я сделаю тебе макияж, и мы сможем купить тебе парик, когда пойдём куда-нибудь сегодня. Мы одеваемся как макароны, как все разноцветные и милые. Тебе это понравится. Кроме того, — она пренебрежительно машет рукой в его сторону, полностью

погружённая в свой собственный мир, — ты говорил, что хотел попробовать себя в дрэгэ (*прим. — drag [дрэг] — переодевание в женскую одежду, перевоплощение в женский образ*).

— Эм, попробовать дрэгэ наедине в таком месте, где мой отец никогда бы... — Эндрю резко замолкает, когда дверь в столовую открывается и входит Зак. Моё сердце подпрыгивает в груди, а горло сжимается до такой степени, что становится трудно дышать. Тот поцелуй, Тот поцелуй, ах, тот грёбаный поцелуй... Но я ненавижу его. Кусок дерьма.

Я сосредотачиваюсь на своём печенье и запихиваю его в рот. К сожалению, на вкус он как вишня, что прям напоминает мне вкус губ Зака.

— Зак, ты будешь дрэг-квин с Эндрю? — спрашивает Миранда, когда он останавливается слишком близко ко мне. Я чувствую запах его одеколона, эту мускусную, спортивную смесь цитрусовых, мяты и кедра, которая сводит меня с ума. — Типа, полный макияж, парик, платье, каблуки.

Зак пожимает своими широкими плечами.

— Да, почему бы и нет? Для чего нужен Хэллоуин, если не для девушек в коротких юбках и парней дрэг-квин? Я собирался переодеться в Рассела Брэнда, а-ля Олдос Сноу в «Забвении Сары Маршалл», но это звучит лучше.

Я смотрю на него сквозь золотистую, как пёрышко, чёлку, падающую мне на лоб. Он снова смотрит на меня, и мне приходится сдерживать вздох.

Может, я и была с ним милой, но это не значит, что я его прощаю. Моя месть Заку Бруксу на данный момент удовлетворена, но это волшебным образом не разрядит обстановку между нами. Ни в коем случае.

Он был так близок к тому, чтобы его исключили. Так чертовски близко. Поскольку видео было снято в средней школе, академия посчитала, что у неё нет оснований заходить так далеко, но Зак Брукс ходит по тонкому льду. Любая оценка ниже «С» или хоть малейшее доказательство того, что он издевается в этом году, и он вылетает. При нынешнем положении дел они отобрали у него куртку Леттермана, исключили его из университетской команды и отстранили от занятий в академии. У него нет привилегий за пределами кампуса, а Бёрберри проиграла игру Гренадин-Хайтс. Теперь вся футбольная команда ненавидит Зака, а мой отец... Что ж, с этим было нелегко справиться. Я была слишком близка к тому, чтобы снова нарушить эти правила. Пугающе близко. Я объяснила отцу, что мы с Заком всё уладили, но я не уверена, что они снова станут друзьями. То, как он посмотрел на Зака после, было почти достаточным наказанием. Я видела боль в глазах Зака.

Чтобы отвлечься от симпатичного бывшего футболиста рядом со мной, я достаю свой дневник, открываю его и начинаю писать. Остальные научились не беспокоить меня, когда я излагаю свои мысли.

Зак и Эндрю придвигают стулья, а остальные обсуждают свои костюмы, пока я пишу.

Меньше чем через пятнадцать минут появляется Крид.

Он один, но это не имеет значения.

Как только он видит Миранду с нами, его льдисто-голубые глаза сужаются до щёлочек. Он неторопливо подходит к нам своей ленивой, раскачивающейся походкой, как будто в любой момент может просто лечь на пол и крепко вздремнуть. Да, я знаю, на самом деле это не имеет смысла, но, клянусь, именно так Крид и выглядит: разъярённый нарколептик.

— Миранда, — говорит он, и его сестра напрягается под его пристальным взглядом. — Могу я поговорить с тобой минутку?

— Нет, не можешь, Крид, — огрызается она в ответ, поднимая сердитые глаза на лицо

своего близнеца. Они так похожи внешне, что это пугает. Если бы я никогда не видела их в одной комнате, я могла бы поверить, что они были одним человеком, оборотнем, который может менять пол. Однажды я прочитала книгу под названием «Он и она», где женщина меняла пол каждый раз, когда испытывала оргазм. Это могли бы быть Крид и Миранда, две стороны одной медали.

— Мне нужно, чтобы ты купила для меня кое-что за пределами кампуса сегодня вечером. Это для моего костюма.

— Может быть, тебе следовало подумать об этом до того, как ты проявил такое варварское и презренное поведение? — язвительно замечает Миранда, возвращаясь к своему чаю и медленно потягивая его. Метафора в её действиях не ускользнула от меня. «*Так его, Миранда*», — думаю я с усмешкой.

Крид замечает выражение моего лица и поворачивается ко мне лицом. Я смотрю на него снизу-вверх, обхватывая рукой свой дневник, чтобы он не мог видеть написанных в нём слов. Держу пари, ему бы понравилось прочитать его вслух перед академией, как он сделал с моим эссе.

— Что тебя так чертовски забавляет? — протягивает он, такой же беззаботный и пренебрежительный, как всегда.

— Ты вальсируешь по академии, как будто считаешь себя принцем. Может, ты и прав, но тебе никогда не стать королём. — Моя улыбка становится ещё шире, такой же широкой и маниакальной, как у Чеширского кота. — Тристан всегда будет править этой академией. В лучшем случае ты второй в команде. *В лучшем случае*. С другой стороны, твои оценки — полная дрянь, и ты не утруждаешь себя самореализацией. По крайней мере, Тристан может этим похвастаться.

Если бы только я могла описать, как напрягается его тело, как будто он внезапно становится высечен из камня. Каждая морщинка на его рубашке, каждая складка на брюках — всё это выглядит высеченным из известняка. Когда он открывает рот, Миранда вскакивает со стула и приближается к его лицу.

— Не надо. Просто не делай этого. Оставь её в покое, Крид. Мама уже испытывает к тебе отвращение. А теперь, после инцидента с «Бентли», и папа тоже. Не рой себе яму ещё глубже. — Голубые глаза Крида расширяются, но ему удаётся быстро овладеть своим выражением, и его взгляд возвращается к тому виду сонливости с тяжёлыми веками, который ему так нравится.

Он отворачивается от нас и направляется к столику Идолов, садится и щелкает пальцами, подзывая официанта. Одно это движение сводит меня с ума. Эти люди может здесь и работают, но они не его личные долбаные рабы.

— Грёбанный урод, — бормочет Зак, но на самом деле у него не так много повода для разговоров, не так ли? И всё же... когда я смотрю на него, а он смотрит в ответ, я вижу в его глазах, что он сожалеет. И не только потому, что я наказала его. Нет, он пожалел об этом задолго до этого.

Я снова сосредотачиваюсь на своём дневнике, полностью осознавая, что Крид всё это время наблюдает за мной.

Хорошо.

Пусть он смотрит.

Потому что то, что я запланировала для него, требует его сотрудничества.

Держу пари, он сделает это легко и охотно.

— Я выгляжу нелепо, — со смехом говорит Зак, рассматривая в зеркале своё платье цвета морской волны, туфли на каблуках и парик. Он такой большой, громоздкий парень, что я не могу с ним не согласиться. Я зажимаю рот рукой, чтобы подавить смешок, и он оглядывается на меня через плечо, бросая в мою сторону незаметные взгляды. Я всё равно взрываюсь смехом, и он ухмыляется. Обычно он такой же сдержанный, как и Тристан, весь мрачный, задумчивый и, вероятно, злой внутри, но прямо сейчас... он на самом деле довольно милый. — Эндрю — получился самым сексуальным. Я бы трахнулся с ним, если бы мне нравилось, э-э, как это называется?

— Когда две трансвеститки занимаются сексом? Это кики или кайкай? — Миранда постукивает кончиком пальца по своим морозно-розовым губам. Вчера вечером нам даже удалось успеть сделать маникюр, так что у нас даже подходящие ногти. Поскольку Заку запрещено покидать кампус, сегодня утром Миранда сделала ему что-то вроде дерьмовой покраски. Это только добавляет веселья его образу.

— О боже, Миранда, — говорит Эндрю, поправляя перед зеркалом свой бледно-голубой парик. — Кики — это просто чат, беседа. Кайкай — это когда две трансвеститки... ну, ты знаешь...

— Ебутся? — Миранда отвечает, и мы все стонем. Иногда она такая грубая.

— Ты смотришь *драг-рейсинг РуПола* больше, чем кто-либо другой, — говорит Джесси, впервые заговаривая и кружась так, что её пышные юбки из белого тюля кружатся вокруг неё. Миранда наблюдает, её взгляд смягчается, когда она окидывает брюнетку оценивающим взглядом. Мне неприятно это признавать, но Зак смотрит на меня почти так же. — Ты знаешь термины лучше, чем Эндрю.

— Это правда, — говорю я, всё ещё посмеиваясь, когда проверяю свою причёску в зеркале. Мои золотисто-розовые волосы идеальны с тех пор, как меня назвали жёлтым макаронном со вкусом лимона. Мы все носим ожерелья из настоящего печенья, а наши духи подобраны в соответствии с нашими специфическими вкусами. На самом деле, из нас получается довольно симпатичная маленькая группа. — Итак... мы проходим все школьные мероприятия, — начинаю я, имея в виду вечеринку в спортзале, спонсируемую академией, — а потом, как мы доберёмся до кладбища? Я сомневаюсь, что получится забрать машины с территории кампуса.

— Нам придётся идти пешком, — говорит Миранда со стоном, высовывая язык из-за своих каблуков, которые, кстати, стоят почти тысячу баксов. На этот раз я сама купила себе обувь в аутлет-магазине за тридцать пять долларов. Это, безусловно, самые дорогие туфли, которые я когда-либо покупала для себя. Зак, Миранда, Эндрю и Джесси предлагали купить мне что-нибудь ещё, но я отказалась.

Несмотря на то, что думают Тристан, Зейд и Крид, я не занимаюсь побирательством.

— Я всегда могу понести тебя, если у тебя сильно заболят ноги от танцев, — говорит Зак, и то, как он держит лицо, мурлыканье в его голосе... это было бы сексуально, если бы он не выглядел так нелепо в плохо сидящем платье, выставяющем напоказ его массивные мускулистые плечи. Эндрю на самом деле выглядит чертовски сексуально. Если бы я увлекалась девушками, думаю, он бы мне понравился в том виде, в каком он сейчас одет. Даже Миранда одобрительно присвистнула, когда он вышел из ванной для своего грандиозного откровения.

— Спасибо, но, думаю, я справлюсь сама, — отвечаю я, выдавив улыбку и проводя ладонями по переду своего блестящего жёлтого платья. — Пора ли нам? — я протягиваю

Эндрю руку, и он берёт её. Я замечаю, что Зак с тоской смотрит на нас, но технически мы решили, что Миранда и Джесси — пара на эту ночь, а я иду с Эндрю.

Зак... собирается один.

Хорошо для него.

Вечеринка в честь Хэллоуина выглядит почти так же, как и в прошлом году. Только первокурсники, похоже, по-настоящему рады быть здесь. Все остальные просто появляются и ждут начала настоящего мероприятия. Среди дрянных диско-шаров и растяжек легко заметить Идолов за их столиком рядом со сценой. Все они выделяются, как больные пальцы, высасывая жизнь из комнаты.

Что ж, по крайней мере, мне так кажется.

Как только мы входим туда, все взгляды устремляются на нас. Голубокровные продолжают сверлить нас взглядами, пока мы ищем столик, берём закуски и садимся поболтать. Особенно кажется, что *их* взгляды прожигают мне затылок. Грёбаные Тристан, Крид и Зейд. Фу. Девчонки часто приставали ко мне с тех пор, как я вернулась в Бёрберри, но я ещё ни разу не видела, чтобы эти придурки предприняли хоть какой-то шаг.

Это пугает меня.

— Нос Харпер всё ещё распухший, — шепчет Миранда, и я ухмыляюсь, как раз перед тем, как она тащит меня на танцпол и заставляет потрудиться. Джесси присоединяется к нам некоторое время спустя и уводит моего партнёра по танцам. Эндрю тем временем ушёл танцевать с каким-то симпатичным парнем-первокурсником, и я на некоторое время осталась одна.

То есть до тех пор, пока не появляется Зак. Я останавливаюсь в своих движениях, моё сердце колотится так громко, что я слышу его сквозь грохочущие басы музыки.

— Привет, — говорю я, и он улыбается. К тому же это приятная улыбка, одна из самых искренних эмоций, которые я когда-либо видела на его лице. Когда после игры администраторы пригласили меня в кабинет директора и спросили, знаю ли я, кто отправил видео, я прикинулась дурочкой. Откровенная ложь — не мой конёк, но они ни в коем случае не подозревали меня, так что мне было легко уклониться от их допроса. Они *спросили* меня, чувствую ли я себя в безопасности, когда Зак Брукс посещает академию.

Мне пришлось ответить на этот прямой вопрос прямым ответом.

Нет, я не чувствую себя в опасности.

— Привет, — говорит он в ответ, и музыка переключается на медленную песню, от которой я чувствую, что внутри меня снова порхает рой бабочек. Я вся трепещу. — Могу я пригласить тебя на этот танец? — я прикусываю нижнюю губу и решаю, что, даже если он немного глуповато выглядит в этом зелёном парике, он всё равно красив. Закрыв глаза, я вспоминаю, как танцевала с Зейдом на прошлогодней вечеринке, как наши тела, казалось, слились воедино. Почувствую ли я когда-нибудь снова то же самое с другим парнем?

Думаю, я могла бы хотя бы попытаться это выяснить?

Я позволяю Заку взять мою руку в свою, в то время как другая почтительно опускается на мою талию. Танцпол очищается от танцующих, остаётся всего несколько пар, которые раскачиваются в такт музыке. Сначала я хихикаю, потому что Зак в гриме — не самое сексуальное сочетание, но, когда мы начинаем двигаться, я начинаю об этом забывать. Всё, что я могу видеть, — это его тёмно-карие глаза и то, как он смотрит на меня.

«Потому что я люблю тебя, хотя и знаю, что недостаточно хорош для тебя».

Мои щёки вспыхивают. Он действительно так сказал? Он действительно это имел в

виду?

Наши глаза прикованы друг к другу, когда мы раскачиваемся, медленно вращаясь по кругу, а оранжевые, чёрные и белые прожекторы скользят по нашей коже. Когда мы поворачиваемся, я вижу, что Зейд в своей дурацки обтягивающей форме Могучих Рейнджеров наблюдает за нами. Он одет как красный рейнджер, что ему идёт. Сейчас он без маски, и я на мгновение встречаюсь с ним взглядом поверх плеча Зака, прежде чем снова встретиться с этим мягким карим взглядом.

Если бы я могла предположить... Я бы сказала, что Зейд выглядит ревнующим. Но это никак не может быть правдой. Если бы он хоть немного заботился обо мне, он бы не сделал того, что сделал. В любое время потребовался бы только один из парней, чтобы рассказать мне правду о том, что происходит, вмешаться и всё исправить. Только один из них. Даже если бы это была нерушимая ставка Клуба Бесконечности, могли ли они выглядеть ещё более заинтригованными тем, что делали? А как насчёт извинений?

Нет, Зейд ни за что не ревнует меня. Ни за что.

Мы с Заком продолжаем танцевать, и вскоре после этого к нам присоединяются Тристан и Харпер. Тристан одет как Безумный Шляпник, в цилиндре и всём остальном. Он собственнически держит Харпер за талию и танцует слишком близко к нам. Каждый раз, когда мы оборачиваемся, я вижу их: её, одетую как Ариана Гранде, и его пристальный взгляд серых, как лезвие, глаз, прикованный к её лицу.

У меня в груди возникает небольшая боль, которую я не могу определить. Но что я действительно замечаю, так это то, что, когда Зак поворачивает меня, и ожерелье с розами переливается, Тристан это видит. На микросекунду его глаза расширяются, но он блестяще скрывает это. Просто великолепно. В следующий раз, когда мы встречаемся взглядами, он хмуро смотрит на меня.

Крид исчез, снова одетый как пират (как и в прошлом году) с расстёгнутой красной рубашкой, пластиковым мечом и бриджами, настолько обтягивающими, что воображению почти ничего не остаётся. Я предполагаю, что именно поэтому он вчера просил Миранду купить ему что-нибудь: он не ожидал потерять свои привилегии за пределами кампуса и в итоге остался без костюма. Сосунок. Он не возвращается все следующие несколько песен, и к тому времени я уже забыла о нём. О нём, и Тристане, и Зейде.

По какой-то причине Зак оказывает на меня такое влияние. Я улыбаюсь, когда он опускает меня, смеюсь, когда он поднимает меня обратно, и визжу, когда он поднимает меня на руки и кружит нас обоих по кругу.

Когда мы отправляемся на кладбищенскую часть вечеринки, я улыбаюсь от уха до уха. Я даже позволяю ему держать меня за руку, когда мы снимаем туфли на каблуках и бежим босиком по траве и под тенистыми ветвями деревьев. К тому же это идеальная туманная ночь на Хэллоуин.

Моё сердце бешено колотится, когда мы, спотыкаясь, приходим на вечеринку, всё ещё держась за руки.

Я ожидаю неприятностей, но, когда мы появляемся, сопротивления не оказывается. По большей части, все нас игнорируют.

По большей части.

— Осторожнее, если пьёшь, здесь болтливый трезвенник, — бормочет кто-то, но на самом деле, должны ли те, кто живёт в стеклянных домах, бросать камни? Всё это началось из-за того, что Крид и его дружки донесли на меня за пьянство в прошлом году. Чушь

собачья.

Зак берёт пиво, Миранда тоже. Эндрю, Джесси и я пьём газировку и направляемся на причал, чтобы немного поболтать ногами в ледяной воде, прежде чем осознаем, что большинство студентов исчезло на настоящем кладбище.

— Может, нам стоит проверить? — спрашиваю я, и маленький укол подозрения поднимается из моего желудка в грудь. Моё сердце бешено колотится, когда я проверяю свой телефон, просматривая записи с камер наблюдения. Там ничего нет, но быстрая перемотка показывает... У меня отвисает челюсть, когда Зак и Миранда наклоняются, чтобы посмотреть на экран.

Это Крид, роющийся в моих вещах, ищущий мой дневник, *находящий* мой дневник.

— О боже мой, — всхлипывает Миранда, прикрывая рот рукой. — Крид, грёбаный идиот.

Я отталкиваюсь от причала, оставляя каблуки позади, и направляюсь к кладбищу, остальные следуют за мной. Дежавю охватывает меня сильно и быстро, когда я выхожу из-за угла и обнаруживаю Крида, развалившегося на крыше одного из мавзолеев в окружении орды дьяволов и демоном. Дьяволами и Демонами Миранда называет Идолов и их ближайшее окружение. Она просто сходит с ума.

Как и в прошлом году, я стою там с колотящимся сердцем, пока Крид откашливается, поднимает заколку для волос и подражает мне. Как и в прошлом году, он представляет собой идеальное сочетание красоты и жестокости, когда перелистывает страницы и останавливается на одной наугад. Как и в прошлом году, он открывает рот, чтобы прочитать мои личные мысли и чувства равнодушной аудитории.

В отличие от прошлого года... Я готова к этому.

— Только скажи мне, и я надеру ему задницу, — рычит Зак, протягивая руку, чтобы снять свои висячие серьги. На самом деле это довольно забавно, но я не хочу, чтобы Крид Кэбот знал, что я всё это время следила за ним и его друзьями-засранцами. Я кладу руку Заку на грудь, чтобы удержать его.

Крид улыбается с таким непринуждённым, удовлетворённым выражением, как у кота, который только что убил мышь. Чего он не знает, так это того, что мышь уже была отравлена, и теперь он тоже заражён. В конце концов, любопытство погубило кошку.

— *«Дорогой дневник»*, — начинает Крид, его красивый голос источает лёд. Толпа уже хихикает, возбуждённая мыслью о кровопролитии. Бекки, Харпер и Илеана развалились на надгробиях в своих коротких шортах и мини-юбках, ухмыляясь и смеясь. Тристан и Зейд сидят каждый на своём надгробии неподалёку. — *«Сегодня был тяжёлый день. Слишком тяжёлый. Когда я зашла на урок математики и увидел Джалена и Эбони, сидящих вместе, все воспоминания вернулись ко мне»*. — Крид делает паузу на минуту, поднимая глаза, чтобы оглядеть аудиторию. Его взгляд останавливается на мне, и, клянусь, я чуть не запрокидываю голову и не смеюсь. Когда он возвращает своё внимание обратно к странице, я подавляю смехок рукой, а Зак бросает на меня очень странный взгляд.

— Крид, не надо, — умоляет Миранда, делая шаг вперёд и стаскивая свой розовый парик. Она перемещается между нашей маленькой группой и собравшейся ордой Голубокровных и Плебеев. Несколько парней подходят, чтобы преградить ей путь, но держат руки подальше от неё. В Бёрберри нет ни одного человека, который не знал бы, что Крид сделал с Крейгом Тайтингером. — Ты лучше этого: докажи мне это.

Её близнец на мгновение замолкает, снова поднимая взгляд. В его глазах идёт война, но

битва заканчивается, даже не начавшись. Тристан оборачивается и смеряет его убийственным взглядом.

— Продолжай читать.

— Я не подчиняюсь твоим приказам, — огрызается Крид, и эта странная птица надежды взлетает внутри меня. На ум приходит стихотворение Эмили Дикинсон: *«Надежда» — птичка малая*. Если Крид действительно бросит вызов Тристану, если он отложит дневник в сторону, тогда ...

— Значит, ты подчиняешься приказам своей сестры? Или это Черити схватила твои яйца в кулак? — Тристан полностью поворачивается лицом к Криду, и их взгляды, устремлённые вниз, напоминают мне двух бродячих котов, которых я однажды видела возле вагончика, сцепившихся в жестокой битве воли. К сожалению, Крид хмурится и отводит взгляд, снова открывая дневник.

— Это должно быть интересно, — воркует Харпер, и я чувствую лёгкое подёргивание в руке, когда думаю о том, чтобы ударить её. Мне не следовало прибегать к насилию, но мой отец... Мой папа... Нет. Я не могу думать об этом прямо сейчас. На этой неделе Чарли сдаёт кучу тестов, и к началу осенних каникул я буду знать больше. На этот раз я определённо *не* останусь в школе не для того, чтобы играть в покер с Идолами.

— *«Все воспоминания вернулись ко мне»*, — повторяет Крид, продолжая без запинки в голосе, — *«в ту ночь, когда Тристан торжественно объявил, что идёт на свидание с Эбони»*. — Крид на мгновение замолкает, на его лице появляются морщинки. Отсюда я вижу, как напрягаются плечи Тристана. Джален Доннер больше не смотрит на меня и не смеётся. Как и Эбони. Вместо этого она таращится на Крида, в то время как Джален обращает своё внимание на Тристана.

— Продолжай! — Бекки кричит, и толпа вторит им. Замешательство на лице Крида быстро сменяется извращённой радостью.

— *«Мне было интересно, когда они с Эбони расстались. К сожалению, выяснилось, что она всё ещё встречается с Джаленом и не намерена с ним расставаться. Я думала, они друзья детства или что-то в этом роде? В любом случае, похоже, у Тристана и Эбони были планы встретиться и... заняться сексом? Я не уверена, но поскольку я уже застучала его с поличным с Киарой Сяо и какой-то случайной четверокурсницей, я сомневаюсь, что у него были планы собирать цветы и плести цепочки из ромашек»*.

Крид замолкает, когда Джален издаёт разочарованный рёв и бросается на Тристана. На долю секунды мне кажется, что он действительно собирается его ударить, но затем Тристан проворно отходит в сторону, и Джален спотыкается о цементную стену мавзолея.

— Джален, остановись! — Эбони кричит, её костюм красной шапочки развеивается, когда она гонится за своим парнем. — Всё не так.

Тристан, пританцовывая, отступает от группы надгробий, ставя себя в центр посыпанной гравием дорожки и приседая, как будто он полностью ожидает драки. Он получает удар, когда Джален снова набрасывается на него, нанося удар, от которого Тристан едва уклоняется. Его цилиндр слетает с головы и приземляется на землю, в считанные секунды раздавленный ботинком Джалена. Он одет как Лара Крофт — вероятно, подумал, что это чертовски забавно, — поэтому, когда он снова бросается вперёд, его фальшивые сиськи подпрыгивают.

И... у меня все записано на телефон. Изображение дрожащее, размытое и, вероятно, совсем не в фокусе, но мой телефон постоянно работает, я прижимаю его к боку и

тщательно направляю в сторону Крида. В туманной темноте всё довольно трудно разглядеть, особенно из-за светящихся повсюду фонарей.

— Джален, не надо, — снова кричит Эбони, и он поворачивается к ней лицом, тяжело дыша, указывая пальцем в сторону Тристана.

— Ты с ним спала? — спрашивает он, и Эбони резко отводит взгляд. Джален издаёт ещё один яростный рык, а затем разворачивается и снова бросается на Тристана. На этот раз они заканчивают тем, что обмениваются ударами.

— Я этого не делала! — кричит она, пытаюсь оттащить своего парня назад. — Мы никогда не спали вместе. — Джален толкает Тристана, и король академии действительно немного спотыкается, кровь стекает по уголку его рта, когда он насмехается над одним из самых преданных членов своего Ближайшего окружения. Один из его самых преданных членов, которого только что основательно предали.

— Марни, — выдыхает Зак и смотрит на меня с новым уровнем уважения, широко раскрыв глаза. — Срань господня. — Я натянуто улыбаюсь, но это ещё не конец, даже близко.

— Мы никогда не спали вместе, но я хотела этого, — выдыхает Эбони, слёзы текут по её лицу. — Ты так одержим футболом и тренировками. Мы никогда не проводим время вместе. Тристан — это...

— Ему насрать на тебя! — Джален кричит, задыхаясь, из его носа течёт кровь. Его карие глаза широко раскрыты и дикие. Честно говоря, он выглядит так, словно вот-вот заплачет. — Я знаю. — Он ударяет себя кулаком в грудь и смотрит Эбони в лицо. Она просто стоит там, широко раскрыв глаза, и смотрит на него. — Я люблю тебя, Эбони. Я, чёрт возьми, люблю тебя. Так было всегда.

— Ну, а я тебя не люблю, — говорит она, а затем начинает рыдать. Несколько других девушек, таких как Эбигейл и Валентина, подходят ближе и обнимают её. Джален в шоке смотрит на неё несколько секунд, прежде чем начинает плакать, этими большими, мокрыми, грязными слезами, которые на самом деле заставляют его нравиться мне ещё больше. Парни должны уметь плакать; тревожно, что общество пытается убедить их в обратном.

Но мы уже узнали, что такие люди, как Джон Ганнибал и Грегори Ван Хорн — ходячие кошмары.

— Ты, блядь, плачешь? Пиздатая сучка. — Джон хихикает, его смех похож на смех гиены, вышедшей на охоту. Это тревожит. Сегодня он тоже одет как серийный убийца, рубашка у него вся в искусственной крови. Как мило.

Джален снова поворачивается, так внезапно, что Тристан всё ещё вытирает кровь со своих губ. Он набрасывается на него, и требуется несколько других парней, чтобы разнять их.

Крид... абсолютно наслаждается этим моментом.

— *«Тристан Вандербильт — ходячий ЗППП. Он будет спать со всем, что движется но он такой неуважительный, что я не уверена, как ему вообще удаётся заполучить девушек».* — Крид посмеивается, когда Тристан стискивает зубы так сильно, что кажется, один или два могут просто треснуть. Или, чёрт возьми, может быть, Джален выбьет их для него? Парни снова начинают драку, а Эбони рыдает и причитает, как будто она здесь жертва. — *«Печально то, что он действительно король Бёрберри, и на то есть веские причины. Я имею в виду, кто ещё мог бы противостоять ему, уж точно не...»* — Крид переворачивает страницу и резко замолкает, веселье исчезает с его лица. Его взгляд

поднимается к моему.

Я чертовски уверена, что это конец, что это всё, что он собирается прочесть, но старый добрый Грег вскакивает и выхватывает у него дневник, суя его в руки Джону.

— *«Конечно, не Крид Кэбот. Если когда-либо и существовало определение для раздражителя, то это он. Он так старается быть Тристаном Вандербильтом, что это вызывает жалость. Он никогда не смог бы сравниться с ним — и это довольно печально, поскольку он, о котором идёт речь, — распутный Лотарио».* (Прим. — Лотарио, персонаж «Прекрасная каюющаяся» — беспринципный соблазнитель женщин) — Джон хихикает, когда Зейд откидывает голову назад и воеет от смеха. Тем временем борьба между Джален и Тристаном обостряется.

— *«Единственный, кто хуже и жалче Крида»*, — продолжает Грег, читая через плечо Джона, одетый как Геральт из видеоигр/романов «Ведьмак». Подобный косплей мог бы круто смотреться на ком-то вроде Зака, у которого есть плечи и мускулы, чтобы носить его. На Греге это выглядит даже хуже, чем слишком обтягивающее зелёное платье Зака и жемчужное ожерелье (очевидно, пластиковое, а не оригинальное). — *«Это Зейд Кайзер. Я имею в виду, серьёзно. Считает ли он, что его музыка на самом деле так хороша? По крайней мере, отцы Крида и Тристана приходят в академию, чтобы поддержать своих детей. Отец Зейда даже не беспокоится об этом».*

Лицо Зейда теперь напряжённое и белое, и он смотрит на меня так, словно я чудовище.

Дело вот в чём: если бы они не украли мой дневник и не прочитали его, ничего этого бы не произошло. Ничего из этого. Голубокровные сами навлекли это на себя.

Миранда стоит там, дрожа от ярости. Мне жаль, что ей приходится через это проходить, но я не заставляла её брата делать ничего из этого. Нет, он сам вломился в мою комнату. Держу пари, ребята сделали копии ключей от моей комнаты и шкафчика, прежде чем передать этот свёрток заместителю директора Кастору. Я не уверена, откуда у них ключи от моих новых замков в общежитии. Ужасно видеть, как далеко зашло их предательство.

— На твоём месте, — говорю я, и как только я произношу эти слова, все кладбище замолкает. Единственный звук — это жуткий шёпот ветра в могилах, песня призраков. — Я бы сейчас перестала читать. Продолжай, и тебе *действительно* не понравится то, что я ещё хочу там сказать.

Харпер выхватывает дневник из рук Джона и засовывает его под мышку, встаёт и вызывающе вздёргивает подбородок. По тому, как она смотрит на меня, я могу сказать, что задела её за живое. Предполагается, что Тристан — представитель американской королевской семьи, состояние его семьи было построено на судоходстве и железных дорогах в период зарождения страны. Имя Вандербильт придаст ей престиж, которого никогда не будет у имени Дюпон. У неё есть все деньги в мире, так что ей не к чему стремиться, кроме этого.

Только у неё этого никогда не будет.

Я позабочусь об этом.

— Эта вечеринка официально окончена, — рявкает Харпер, и толпа недовольно стонет и ворчит. Однако тревожно видеть, как быстро все они бросаются выполнять её приказы. Там, где Тристан — король академии, она, безусловно, королева. С ней будет трудно справиться. — Тристан, пойдём. — Он ухмыляется ей, сплёвывая кровь и свирепо глядя на Джалена, прежде чем повернуться и броситься по тропинке вслед за ней. Когда он проходит мимо меня, он сплёвывает ещё больше крови мне под ноги, но я не двигаюсь, просто стою и

смотрю на него снизу-вверх.

Он отрывается от меня с чередой проклятий и исчезает в тумане. Джален просто падает на гравий и рыдает, в то время как Эбони уходит с Валентиной и Эбигейл. То, как она смотрит на меня, проходя мимо, говорит всё, что мне нужно знать.

Она легковес, и я уже выставила её с ринга.

Крид не двигается со своего места на вершине мавзолея. Зейд тоже застыл на месте.

— Будьте осторожны, мальчики, — предупреждаю я их, и в моём голосе звучит странное мурлыканье, которое я с трудом узнаю. — Я иду за вами.

Я отворачиваюсь и хватаю Зака за руку, увлекая его за собой.

В воскресенье вечером я делаю видео-подборку о том, как Крид роется в моих вещах, крадёт мой дневник и читает его вслух, а затем отправляю его по электронной почте Кэтлин Кэбот со следующим сообщением: *«Однажды мне действительно нравился ваш сын, и он причинил мне такую боль, что я не могла дышать. Кажется, он полон решимости уничтожить меня, но я не хочу сообщать о нём администрации. Миссис Кэбот, я безоговорочно доверяю вашему суждению».*

И всё это — чистая, неподдельная правда.

Месть: Голубая кровь Подготовительной Академии Бёрберри

Список, составленный Мирандой Кэбот Марни Рид

Идолы (парни): Тристан Вандербильт (первый второй курс), Зейд Кайзер (первый второй курс) и Крид Кэбот (первый второй курс)

Идолы (девушки): Харпер Дюпон (первый второй курс), Бекки Платтер (первый второй курс) и Джина Уитли (четвертый курс) (выпустилась), Илеана Тайтингер (первый курс)

Внутренний круг: Эндрю Пейсон, Анна Киркпатрик, Майрон Тэлбот, Эбони Питереон, Грегори Ван Хорн, Эбигейл Фаннинг, Джон Ганнибал, Валентина Питт, Сай Пател, Мэйлин Чжан, Джален Доннер... и, думаю, я! Киара Сяо, Бен Трешер

Плебеи: все остальные, извините. ХОХО

Зак Брукс

Мне нужно продержаться всего одну неделю до осенних каникул. Тогда я смогу отправиться домой и повидаться с папой. Тогда я смогу отдохнуть от всего этого. Честно говоря, это *утомительно*. Я не только учусь изо всех сил, тренируюсь в команде поддержки и играю на арфе каждую свободную секунду своего времени, но и всегда нахожусь в состоянии повышенной боевой готовности. Одно неверное движение, и я мертва.

С положительной стороны, эти последние несколько недель были почти... весёлыми? Миранда полностью перестала разговаривать со своим близнецом. Я имею в виду, именно, полную тишину. Даже я вижу, что это убивает его. Он выглядит почти бледным и печальным, когда думает, что никто не видит. Если он хотя бы отдалённо осознаёт, что на него кто-то смотрит, он прикрывается своим высокомерным видом, как щитом.

Кэтлин Кэбот появилась в понедельник после вечеринки в честь Хэллоуина в своём белом лимузине, промаршировала по каменным коридорам в своих Лабутенах и схватила своего сына за ухо. По словам Миранды, она *очень* близка к тому, чтобы забрать его из академии Бёрберри и зачислить в военную академию для мальчиков. Она больше, чем разочаровалась в нём, и больше, чем заискивала передо мной (на глазах у Крида), и фактически умоляла меня продолжать заниматься с ним.

Это тяжёлая работа, но я её выполняю. Мы сидим бок о бок в библиотеке каждый понедельник, среду и пятницу в течение двух часов и разговариваем тихим, отрывистым, старательным тоном. По крайней мере, я получаю за это похвалы и не пытаюсь саботировать его успеваемость. Мне этого достаточно, чтобы выполнять свою работу.

После того, как мы заканчиваем в тот последний понедельник, я начинаю собирать свои вещи, а Крид откидывается на спинку стула. С его ангельскими белокурыми волосами и льдисто-голубыми глазами белая форма второкурсника выглядит так, словно была сшита специально для него. То, как он лежит, тоже совершенно невероятно, как будто он бескостный и заслуживает того, чтобы его носили на золотых носилках.

— Тебе нравится мучить меня? — спрашивает он, и я поворачиваюсь, чтобы уставиться на него.

— Ты серьёзно? — теперь моя очередь откинуться на спинку стула и окинуть его беглым взглядом. — Это шутка, верно? Ты знаешь, кто это начал, не так ли? Я дам тебе подсказку: это была не я.

Крид никак не реагирует. На самом деле, он выглядит так, словно вот-вот заснёт. Или займётся сексом. Может быть, второе, а затем первое? Я понятия не имею.

Когда он протягивает руку и заправляет несколько выбившихся прядей золотисто-розовых волос мне за ухо, я слишком поражена, чтобы отреагировать.

— Девочки хотят тебя убить, — говорит он, и я на самом деле совершенно уверена, что он говорит не метафорически. — Остерегайся их.

— А ты? — возражаю я, скрещивая руки на груди. Взгляд Крида опускается на обнажённый участок кожи над моей блузкой. Здесь было немного жарковато, поэтому я сняла свой красный галстук и расстегнула несколько пуговиц. Такое чувство, что он видит всё, по тому, как он смотрит на меня. — Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты *ушла*, — говорит он, делая ударение на последнем слове, а затем возвращается к обычной беспечной весёлости праздных богачей. — Убирайся из академии и

чувствуй себя как дома где-нибудь в другом месте. Почему бы тебе не подружиться со своей подругой Лиззи в Подготовительной Академии Ковентри?

— Мы с Лиззи *не* друзья, — рявкаю я, и Крид смеётся, звук такой же жизнерадостный, как у Миранды. Однако, если её смех напоминает мне школьный звонок, радостно напоминающий всем нам, что пора учиться, то звонкий смех Крида подобен похоронному звону церковной колокольни во время похорон.

— Ты, кажется, дружишь с Заком Бруксом. Как так получилось, что он получает свободное прощение, а она нет?

— Он не получил прощение, — говорю я, заставляя себя сохранять спокойствие. Крид *хочет*, чтобы я разозлилась и среагировала. Мы просто смотрим друг на друга, и от моего внимания не ускользает, что его рубашка тоже расстёгнута. Я вижу часть его груди, и мои пальцы сжимают край стула. Кроме того, наши колени расположены слишком близко, всего в каких-то двух дюймах друг от друга. Если бы я пошевелилась, то наткнулась бы на его длинные-предлинные ноги. Я остаюсь совершенно неподвижной. — Ты видел, что я с ним сделала. Радуйся, что всё, что я сделала, это разрушила твои отношения с матерью и сестрой.

Крид сжимает челюсти — единственный признак того, что я задела его за живое.

— Если бы я хотел, чтобы ты упала на колени и взывала о моём милосердии, я мог бы это сделать. — Он внезапно наклоняется ко мне, пока наши лица не оказываются в нескольких дюймах друг от друга. — Я мог бы *уничтожить* тебя, Черити.

— В самом деле? Потому что ё что ты до сих пор кидал в меня, было чертовски слабым. Я не боюсь тебя, Крид Кэбот.

Мы продолжаем смотреть друг на друга, даже несмотря на то, что это убивает меня. Его губы так близко, что я могу вспомнить, какими они были на вкус в ночь зимнего бала, в ту великолепную ночь, когда я сидела у него на коленях и целовала его на бодрящем холодном зимнем воздухе. Дерьмо. От него также приятно пахнет свежим бельём и мылом.

«Не думай о его запахе, Марни, это смешно».

— Ты можешь говорить все эти ужасные вещи, если хочешь, но ты не действуешь. Потому что, если ты это сделаешь, ты сам выроешь себе могилу. Твоя сестра уже ненавидит тебя, просто продолжай давить на неё и посмотри, насколько злым ты можешь стать, прежде чем она полностью откажется от тебя. Должно быть, это очень больно — терять близнеца. — Я скрещиваю руки на груди, когда Крид выдыхает и закрывает глаза.

Ага.

Он как кастрированный пёс.

Я была права, вычеркнув его из своего списка.

— Над тобой тоже издевались, — наконец шепчу я, и он откидывается на спинку стула, резко отводя взгляд. Его красивые светлые волосы падают вперёд и закрывают лицо. Он постукивает по губам длинным пальцем, и я просто не могу не восхищаться тем, какие длинные у него конечности. Он высокий и подтянутый, но всё ещё мускулистый. То, как его рубашка облегает плечи, выдаёт развивающееся телосложение. — Как ты мог так поступить со мной?

— Как ты могла выбрать Зейда? — шипит он, внезапно поворачиваясь ко мне. Я помню, каким было его лицо, когда я спускалась по ступенькам на выпускной бал в том красном платье. У меня немного болит сердце, но я отбрасываю это чувство в сторону. — Зейда. — Крид смеётся, звук получается сухим и пронзительным, а затем он встаёт. Ну, скорее, он вытягивает свои длинные конечности из кресла, возвышаясь надо мной, когда протягивает

руку и расстёгивает ещё одну пуговицу. — А теперь, извини.

Он обходит стол, останавливаясь, чтобы встретиться взглядом с Илеаной Тайтингер.

Я наблюдаю, как он флиртует с ней, и мои внутренности скручиваются в опасный узел.

У неё старинное имя, очень устоявшееся семейное наследие. Хм-м.

Может быть, я вычеркнула его имя *слишком* рано?

Мне придётся приглядывать за ними.

А пока я собираю свои книги, поднимаюсь на ноги и покидаю святая святых библиотеки.

Папа не может отпроситься с работы, чтобы заехать за мной на осенние каникулы, поэтому Зак подвозит меня домой на своём оранжевом «Макларене». Большую часть поездки мы сидим в тишине, что мне действительно нравится. Когда я рядом с Заком Бруксом, я не чувствую, что мне нужно как-то действовать. Тишина между нами дружеская и непринуждённая, без напряжения или неловкости.

— Я не могу поверить, что ты всё ещё крутишься вокруг меня, — говорю я ему, отрывая взгляд от экрана своего телефона, чтобы посмотреть ему в лицо. Всё равно всё, что я делаю, — это просматриваю сайты со сплетнями. Каждая грёбаная статья посвящена этому парню-принцу, этому Виндзору Йорку. По-моему, он полный придурок. Он бы почувствовал себя как дома в академии. Согласно жёлтым прессам интернет-издания, он спит со всеми знаменитостями, моделями или наследницами миллиардеров, которые попадают к нему под руку. Напоминает мне кое-кого, но, по крайней мере, его улыбка на всех фотографиях приятная.

И всё же... ещё один мужчина-шлюха, мерзость. Нет, спасибо.

Я выключаю свой телефон.

— Почему в это так трудно поверить? — спрашивает Зак невероятно мягким голосом. Я замечаю, что теперь он всегда так делает со мной, смягчает все свои острые углы. Это почти... делает его симпатичным. Почти. Но не совсем. Теперь он взялся за дело, и у него это чертовски хорошо получается. Я предполагаю, что в следующем году он заработает себе ещё одну куртку Леттермана. На самом деле, мне следует сбить его с ног ещё раз. Но сделаю ли я это? Посмотрим. Я не доверяю ему настолько, насколько я могла бы оттолкнуть его, что, учитывая, какой он мускулистый и высокий, было бы не так уж далеко. — Я сказал тебе, что я к тебе чувствую.

Мои ноздри раздуваются, а горло сжимается. О Боже. Теперь тишина действительно кажется неловкой.

Я смотрю на дорогу и сосредотачиваюсь на жёлтых линиях.

Зак не любит меня. Это странно. Он долбанный психованный хулиган. Помнишь, как он обращался с Илеаной во время отбора? Внутри он монстр, ему нельзя доверять.

И всё же я так расслабляюсь рядом с ним, что засыпаю и пускаю слюни на его дорогую спортивную машину. Следующее, что я помню, — он несёт меня в мою спальню в вагоне поезда и укрывает одеялом. Почти уверена, что мне это причудилось, но мне кажется, что он целует меня в лоб, прежде чем я снова погружаюсь в сон.

Утром меня будит аромат знаменитых папиных ванильных вафель, и я совершенно забываю о поцелуе, которого-почти-возможно-не-было.

— Доброе утро, — говорю я, крепко обнимая его. На самом деле он выглядит хорошо, гораздо лучше, чем я опасалась. — Как ты себя чувствуешь?

— Вообще-то, замечательно, — отвечает он, протягивая мне тарелку. Я намазываю

вафли арахисовым маслом и поливаю их настоящим кленовым сиропом. Не спрашивайте: это обычное дело. Когда я сажусь на диван в гостиной, меня переполняют эмоции, и мне приходится сдерживать слёзы. Я не буду негативно отзываться о своём отце или его перспективах. Какая ему от этого польза? — Медицинский центр Дюпон просто невероятный.

Мой рот сжимается в тонкую линию, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не высказать свои опасения вслух. Почему именно Харпер помогает моему отцу, я не знаю. Держать его у меня над головой? Я могу только предполагать, как вся эта ситуация плохо закончится. Однако, если она испортит здоровье моего отца... Да поможет ей бог.

— Кроме того, я хотел поговорить с тобой о твоей матери...

— Пожалуйста, не заставляй меня встречаться с ней, — выпаливаю я. Я к этому не готова. У нас с Дженнифер в лучшем случае натянутые отношения. Быть дома — значит заботиться о папе и отдохнуть от крысиных бегов, которыми является Подготовительная Академия Бёрберри. Если мне придётся провести с ней ещё несколько вынужденных вечеров, я упаду в обморок.

— Я не буду, — говорит папа, удивляя меня. Я кладу вилку и откидываюсь на подушки, поигрывая браслетом-оберегом бабушки Рид. Я не решаюсь взять его с собой в школу. Можете себе представить, что сделали бы эти психи с Голубой Кровью, если бы они заполучили его? — С моей стороны было неправильно пытаться навязать вам отношения. — Он тяжело сглатывает и отводит взгляд, как будто он чего-то стыдиться. Я прищуриваю глаза.

— Ты же не купил курицу вместо индейки, как в прошлом году? — спрашиваю я, уже предвкушая ужин на День благодарения. Чарли хихикает и оглядывается на меня, кожа вокруг его глаз покрывается морщинками, когда он улыбается.

— Вау, ты слишком хорошо меня знаешь, — говорит он, смеясь. Но этот смех кажется таким... вынужденным. Это было не то, что он собирался сказать. Я прищуриваюсь, но папа уже встаёт и направляется на кухню, чтобы поджарить яичницу. Я уже наелась, но у меня не хватает духу сказать ему *нет*. Кроме того, мне просто нравится смотреть, как он готовит, вдыхать запахи, устраиваться на старом потрёпанном диване.

Если Идолы думают, что счастье можно купить за деньги, мне их жаль.

Вот оно, прямо здесь — вот в чём суть жизни.

Папа не очень-то рад получить приглашение от семьи Зака на ужин в честь Дня благодарения у Бруксов. Он почти ничего не говорил об этом с тех пор, как появилось видео на футбольном матче, но я знаю, что он расстроен. Больше из-за меня, чем из-за него, но всё же, несмотря на то, что я сказала ему, что простила Зака, этого недостаточно. Да и не должно быть, учитывая, что Зак сделал со мной.

И всё же, когда приходит приглашение, возникает соблазн пойти.

— Я не знал, что это он подвёз тебя домой из академии, — говорит папа, скрещивая руки на груди и глядя на меня так, словно он сильно разочарован. Я прикусываю нижнюю губу и гримасничаю. Я никогда не вру своему отцу; я стараюсь взять за привычку вообще не лгать. Дело в том, что я ему тоже ничего толком не сказала.

— Пап, — начинаю я, бросая взгляд на коричневые бумажные пакеты с продуктами на прилавке. Я ходила по магазинам за всем, что нам понадобится для грандиозного праздника в честь Дня благодарения, но я просто... устала, и папа устал, и, честно говоря, это звучит довольно весело — потусоваться с Заком. Делает ли это меня сумасшедшей? — Послушай, я

не пытаюсь преуменьшить то, что Зак сделал со мной. Но я знаю, что тебе нравится тусоваться с ним, и я знаю, что он составлял тебе компанию в прошлом году, когда меня не было. Прийти к нему домой на ужин не означает, что он прощён или что его грехи забыты. — Я выдыхаю и провожу ладонями вниз по своей красной юбке. — Но тебе не кажется, что он заслуживает второго шанса? Ты же подарил шанс Дженнифер.

Чарли поджимает тонкие губы и засовывает руки в карманы своего заляпанного краской комбинезона. Он, должно быть, верит во второй шанс, иначе у него не было бы романа с Дженнифер. Мы ещё не говорили об этом; сейчас это кажется таким неважным. Здоровье папы — это единственное, что имеет значение.

— Я думаю, у них там, вероятно, будет полный... — он вздрагивает, и я ухмыляюсь. Мне не нужно продолжать настаивать: я уже покорила его. Папа говорит, что я слишком легко прощаю, но он также верит в силу прощения. Это тонкая грань, по которой нужно идти.

Итак, в четверг мы поехали в дом семьи Брукс на папином проржавевшем «Форде». Он прогрохотал по нетронутой подъездной дорожке из белого известняка и остановился возле впечатляющей лестницы. Крыльцо в этом доме такое же большое, как весь наш вагон поезда.

Зак ждёт снаружи, небрежно прислонившись к стене возле входной двери, засунув свои большие руки в карманы чёрных брюк. Я удивилась, увидев его одетым в белую рубашку на пуговицах и пиджак. Он выглядит в нём таким неудобным, как будто предпочёл бы тренироваться в спортзале в спортивных штанах и майке. Несмотря на то, что он кажется беспечным, я могу сказать, что он нервничает из-за нашего визита. Наверное, нервничает из-за противостояния с моим отцом. Таким, он и должен быть, во всяком случае.

Чарли выходит из машины в своей нелестной жёлто-красной клетчатой рубашке на пуговицах (я пыталась убедить его не надевать её) и коричневых брюках. Почти уверена, что это тот же самый наряд, который он надевал на свадьбу своего друга два или три десятилетия назад. Он также сильно нахмурился, что кажется очень заметным на слегка морщинистом лице. Обходя грузовик спереди и направляясь вверх по лестнице, Зак поднимает голову и встречается со мной взглядом.

В этом нет никаких сомнений: моё сердце спотыкается, останавливается, падает. Мне становится трудно дышать, и мои ладони внезапно становятся потными. Я снова проклинаяю эти чёртовы подростковые гормоны и закатываю глаза, когда Чарли подходит к Заку с серьёзным выражением лица.

— Зак.

— Мистер Рид.

Двое мужчин смотрят друг на друга сверху вниз, и я жду у подножия лестницы, чтобы посмотреть, кто первым разрядит напряжение. Несмотря на то, что я могу сказать, что ему больно, это делает Зак, отводя взгляд от моего отца в сторону кресла-качалки, покрытого тыквами, клочками сена и улыбающимся пугалом. Вся веранда оформлена в осенних тонах: оранжевые, красные и жёлтые листья, силуэты индейки, рога изобилия. Интересно, кто занимался украшением? Вероятно, кто-то, кому заплатили за это. Бруксы не производят на меня впечатления семьи, которая сама занимается оформлением интерьера.

Зак снова оборачивается к моему отцу и встречает его пристальный взгляд в упор.

— Сэр, я уже однажды извинился перед вашей дочерью, но сделаю это снова. Я бы также хотел извиниться перед вами. — Зак гордо вздёргивает подбородок. — Для того, что я сделал, нет слов, чтобы исправить это. Но мне действительно жаль. С этого момента я

постараюсь стать лучше. В обязанности Марни не входило учить меня, как быть лучшей версией себя, но она всё равно уже это сделала. — Зак переводит на меня свой карий взгляд, и я чувствую, как меня охватывает лёгкий трепет. Мне требуется вся сдержанность, что у меня есть, чтобы не ёрзать. — Спасибо тебе, Марни.

Прежде чем я успеваю придумать, что сказать, открывается входная дверь, и выходит мама Зака, Робин. Она одета в со вкусом подобранный кремовый костюм на низких каблуках, её шоколадные волосы обрамляют лицо пеной. Когда она видит меня, то улыбается.

— Честно говоря, — произносит она, засовывая руки в карманы и выходя на крыльцо, — я не думала, что вы примете наше приглашение. Но я рада, что вы это сделали. — Робин бросает взгляд на Чарли, и они очень по-деловому пожимают друг другу руки. Я знаю, что у них был долгий-предолгий разговор на футбольном матче, но я не совсем уверена, как все прошло. — Проходите.

Робин жестом приглашает нас войти, и мы проходим по длинному, отделанному мрамором коридору в официальную столовую, оформленную как разворот журнала.

— Мои родители любят устраивать шоу, — шепчет Зак, наклоняясь через моё плечо и прижимаясь губами к моему уху. Всё моё тело в одно мгновение раскаляется добела, а по рукам бегут мурашки. К счастью, папа слишком занят тем, что его знакомят с сестрой Зака, Келси, и некоторыми друзьями их семьи. Отца Зака нигде не видно. — Только... не хвали мою маму за её готовку, — добавляет он, слегка скривив губы. — Всё с доставки.

Зак отодвигает для меня стул, и я подтягиваю свою пышную красную юбку под бёдра, прежде чем сесть. Он ненадолго кладёт руки мне на плечи, прежде чем подтолкнуть меня внутрь и сесть рядом. Чарли определённо наблюдает за нами сейчас, и я краснею.

— Должен признаться, я не хотел сюда приходить, — говорит папа, садясь напротив меня, а Робин занимает своё место во главе стола. Сестра Зака сидит напротив него, а пара — я не расслышала ни одного из их имён — в конце стола. — Но моя дочь — очень снисходительная душа. Это черта характера, которой я не могу препятствовать.

Я натянуто улыбаюсь, и Зак приподнимает обе свои тёмные брови. Если бы Чарли только знал... Будет ли он гордиться мной? Или разочарован? Я стараюсь не слишком задумываться об этом.

— Ну, мой сын, к сожалению, полная противоположность, — говорит Робин, и Зак прищуривает глаза. Он смотрит на свою мать, и они обмениваются одним из тех тихих, личных разговоров, которые не требуют слов. — К сожалению, он, кажется, пошёл в своего отца.

— Почему ты говоришь такие вещи? — шепчет Зак, его голос низкий и мрачный, угрожающий. — Ты же знаешь, что это полная чушь. Я совсем *не похож* на него.

— Что ты сделал с этой девушкой? — говорит Робин, вставая с парой разделочных ножей в руках. Так она выглядит немного пугающе. — Это то, что сделал бы твой отец в твоём возрасте. Если тебе стыдно, тогда хорошо: тебе должно быть стыдно.

Зак хмурится, но я улыбаюсь. Робин немного напоминает мне Кэтлин, совсем чуть-чуть... но мягче? Через мгновение она вздыхает и заставляет себя улыбнуться.

— Я люблю тебя, сынок. Не испорти это дело. Дёргать девушку за косички, потому что она тебе нравится, — это не мило.

— Она тебе нравится? — повторяет папа, переводя взгляд с меня на Зака, как будто он только сейчас что-то понял.

О Боже.

Робин хихикает, когда Чарли, прищурившись, смотрит на её сына. Тем временем Зак просто сидит там, как всегда, с рельефными мышцами и прищуренным тёмным взглядом. Когда он смотрит на меня, я внезапно решаю, что мы сидим слишком близко. Но не будет ли слишком очевидным отодвинуть мой стул на несколько дюймов? Возможно.

— Мальчик влюблён, — произносит Робин, и обе её подруги смеются, в то время как папа сидит, нахмутив брови. Сестра Зака, Келси, тоже не стесняется высказывать своё мнение. Она не похожа ни на Зака, ни на свою мать, поэтому я полагаю, что её бледно-рыжие волосы и светло-зелёные глаза — продукт генетики их отца.

— Он тосковал по ней весь прошлый год. Он был абсолютно отравлен этим.

Зак рычит на свою сестру, но Робин только цыкает на них и начинает разделять индейку, раздавая кусочки сначала мне и папе, затем своим друзьям, дочери и, наконец, сыну. Она подмигивает ему, когда, наконец, передаёт тарелку.

— Я просто рада, что они оба поступили в академию, — говорит Келси, мило улыбаясь мне. Она кажется достаточно милой, но сейчас я так настороженно отношусь к красивым девушкам. Мне не следовало бы этого делать — это какое-то глупое внутреннее женоненавистничество, — но это правда. Я также боюсь красивых парней, так что, по крайней мере, никто не сможет назвать меня сексисткой. — Зак, по сути, одержим.

— Ладно, Келси, теперь ты можешь, нахрен, заткнуться, — отвечает Зак, но я сдерживаю смех, а папа напуган до смерти.

— Слово на букву «Х» за обеденным столом? Боже, Зак Маркус Брукс, займись своим воспитанием. — Робин садится на своё место, и мы все кладем себе гарнир. Всё выглядит так красиво, как будто это из кулинарного шоу или что-то в этом роде. Это красивее, чем в прошлом году, когда мы с Заком сидели за большим одиноким столом совсем одни. Так намного лучше.

На мгновение меня охватывает дежавю, как будто я разыгрываю ту же историю, только с другим исходом. Крид с блокнотом, Зак на Дне благодарения. Но на этот раз, когда пари выиграно, и сердца разбиваются вдребезги, как хрупкие стеклянные безделушки, не моё будет лежать на земле окровавленными кусками.

Нет, на этот раз Идолы попробуют своё собственное лекарство.

Я улыбаюсь, подхватывая кусочек сладкого картофеля, и ловлю на себе взгляд Зака.

Под столом его длинная нога натывается на мою, и я чувствую, как у меня внезапно сжимается горло. Мной овладевают бабочки, и мне требуются все силы, что у меня есть, чтобы сосредоточиться на происходящем разговоре. Очевидно, у друзей Робин есть виноградник, и они ищут кого-нибудь, кто изготовит на заказ арки из железа, скамейки и кровати для их отеля «постель и завтрак». В итоге папа получает работу и бокал скотча, который стоит дороже, чем его машина, в то время как мы с Заком удаляемся на задний двор и окунаем ноги в бассейн с подогревом.

Мы сидим достаточно близко, чтобы наши бёдра были на одной линии. Забавно смотреть на них вот так. Мои намного меньше, чем у него.

— Так ты тосковал по мне весь прошлый год, да? — спрашиваю я, и губы Зака плотно сжимаются. У него такая пухлая нижняя губа. Когда я смотрю на неё, я не могу не вспомнить тот поцелуй на футбольном стадионе, и просто... *все эти чувства*. Все они.

— Может быть. — Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, лунный свет играет на его мужественных чертах, на его прямом греческом носе, на его полных губах. Божечки. Я

резко выдыхаю и отворачиваюсь, глядя на воду. — А это имело бы какое-нибудь значение?

— Не совсем. — *«Но, может быть»*. Я держу эту мысль при себе, постукивая носочками по бортику бассейна. — И вообще, как вы с Лиззи пришли к тому, что заключили это пари?

Зак замирает рядом со мной, но через мгновение выдыхает, как будто сдался.

— Лиззи была старшим членом Клуба Бесконечности; она спонсировала меня. Спонсор всегда должен вызывать своего новичка на игру с высокими ставками. Другие девочки подначивали её. Не позволяй Харпер, или Бекки, или кому-либо ещё притворяться невиновным во всём этом дерьме.

— А ты? Кто тебя подстрекал? Ты собираешься обвинять Тристана, Крида и Зейда в том, что ты сделал? — Зак качает головой, протягивая руку, чтобы провести ладонью по волосам. Его рубашка теперь расстёгнута, а брюки закатаны до колен. Судя по его общению с матерью, ясно, что он надел этот наряд, чтобы доставить ей удовольствие. На самом деле, это довольно мило — получить этот маленький фрагмент его жизни, который показывает, что ему не всё равно. На мой взгляд, это делает очень явным различие между Заком и Кридом.

Крида не волнует, расстраивает он свою семью или нет. Ну, я имею в виду, что ему *не всё равно*, но он всё же продолжает это делать. Это так неприятно наблюдать.

— Нет. Я беру на себя полную ответственность за свои действия. — Зак снова вздыхает, как будто внезапно почувствовал сильную усталость. — Но ты же видела их: они чудовища. Все трое. Честно, Марни, отомсти, а потом беги. Ты не увидишь от них никаких угрызений совести.

— Я ничего такого и не ожидала, — признаюсь я, глядя на извилистый лабиринт садов, образующих задний двор Зака. Ну, наверное, один из его задних дворов, учитывая, что я уже видела три дома его семьи: этот, прошлогодний дом у озера и место, где он жил, когда учился в средней школе. Интересно, почему его дед вообще решил отречься от своей семьи... и что побудило его вернуть всё это? — Смысл всех моих поступков не в этом. Всю свою жизнь им сходило с рук всё, что они хотели. Вероятно, так и будет всю оставшуюся жизнь. Из-за этого крошечного эпизода на их временной шкале я хочу, чтобы они знали, на что это похоже. Если это остановит их от преследования одного человека, тогда это того стоит.

— И это всё? — спрашивает Зак, голос мягко прощупывает, но не подталкивает. — Это не имеет никакого отношения к тому факту, что они разбили тебе сердце?

Я плотно сжимаю губы и впиваюсь ногтями в цементный край бассейна.

— Если и так, то это не твоё дело, — говорю я ему грубым голосом. Он резко отворачивается, и мы несколько минут сидим молча, вода плещется о наши голые ноги.

— Мы тебя не заслуживаем, — наконец рычит Зак, отталкиваясь от края бассейна. — Ни один из нас. Помни об этом, Марни. — Он поворачивается и шлёпает прочь мокрыми ногами.

Я сижу там, уставившись на своё отражение, пока Чарли не приходит за мной, задаваясь вопросом о моих собственных мотивах.

Интересно, не заставляет ли меня до сих пор истекать кровью моё разбитое стеклянное сердце?

После каникул занятия в школе начинаются бегом и не замедляются. У меня так мало свободного времени, что мои планы мести ненадолго приостанавливаются, пока я занимаюсь учёбой, тренировками команды поддержки и репетициями оркестра. Зак начал тренироваться по лёгкой атлетике в феврале, а Миранда отправилась в Ла-ла Ленд с Джесси. Теперь они официально встречаются. Я волнуюсь за них, но иногда ловлю себя на том, что Миранда смотрит куда-то вдаль, как будто она мечтает о ком-то другом.

О-о-о.

Моя репетиторская деятельность с Кридом продолжается, и академия настолько впечатлена моей «жизнестойкостью» (как они это назвали), что меня пригласили стать наставником студентов. По сути, я здесь для того, чтобы помогать студентам, у которых возникают проблемы с издевательствами, или помогать руководить первокурсниками, которые испытывают трудности. Конечно, никто никогда не подписывается на работу со мной. Тем не менее, я всё ещё получаю за это похвалу, так что всё хорошо.

В конце нашей первой недели после возвращения я по чистой случайности нахожу «золото».

Я направляюсь из своего общежития — кто-то снова нацарапал на двери слово «Бордель» — в комнату смешанной музыки, чтобы отрепетировать несколько песен для зимнего концерта. Однако, когда я добираюсь туда, комната занята Зейдом и его друзьями.

Его воющий смех эхом разносится по коридору, когда я останавливаюсь и заглядываю внутрь. Бекки навалилась на него всем телом, заставляя мой желудок скручиваться, когда она прижимается к нему носом. Она сменила униформу на розовую майку без лифчика и прижимается своей грудью к его груди. Интересно, занимались ли они сексом? Я думаю, что они, вероятно, уже сделали это, и мой желудок скручивается от отвращения.

В конце концов я прижимаю кулак к груди, чувствуя бешеный ритм своего сердца.

Неужели Зейд разбил мне сердце?

Определённо, именно так и ощущается, наблюдая, как он смеётся и шутит со своими друзьями. Когда он запечатлевает нежный поцелуй на губах Бекки, у меня в горле появляется кислый привкус. Его волосы теперь выкрашены в бледно-голубой цвет с темными корнями, а макияж сценически тёмный, как будто он готовится к концерту. Вся эта подводка подчёркивает, какие красивые у него зелёные глаза, какие длинные ресницы.

— Типа, мой новый альбом — отстой, но он будет продаваться, ты понимаешь, о чём я? — спрашивает Зейд, от его хрипловатого голоса рок-звезды у меня мурашки бегут по коже. Ни секунды не колеблясь, я достаю свой телефон и начинаю запись. Нет ничего лучше, чем позволить этим идиотам-Идолам повесить самих себя.

— Ты имеешь в виду, что Плебеи настолько чертовски глупы, что купят его, несмотря ни на что? — спрашивает Бекки, и от её смеха у меня по коже бегут мурашки. Она наслаждается пытками и болью, как никто другой, ну кроме Харпер Дюпон.

— Ага, типа того, — начинает Зейд, а потом достаёт сигарету и закуривает. Курение в здании часовни — строгое табу, но ему, похоже, всё равно, он выпускает сизый дым из своих сексуальных губ. Наблюдение за тем, как его татуированные пальцы сжимают сигарету, не должно меня заводить — как правило, я ненавижу курение — но какая-то случайная бунтарская часть меня стала такой. — Я пишу всё это глубокое дерьмо, и оно получается

хорошим, но недостаточно хорошим. Звукозаписывающий лейбл дышит мне в затылок, требуя ещё одного хита. И так, они попросили каких-то сценаристов-призраков сочинить эту чушь и сказать мне, что это сделает меня знаменитым. Может быть, есть причина, по которой некоторые люди бедны? Они настолько тупы, что потратят те небольшие деньги, которые у них есть, на этот дерьмовый альбом.

Вся толпа смеётся, и у меня внутри всё превращается в лёд. Вау. Как, чёрт возьми, он смеет так оскорблять своих фанатов? Загрывает их с трудом заработанные деньги и издевается над ними за это.

— В любом случае, вы, ребята, хотите услышать новый сингл? Плебеи будут в восторге. — Бекки взбирается на Зейда, как коала, и, клянусь, на его лице появляется вспышка раздражения, когда он достаёт свой телефон и нажимает кнопку воспроизведения поп-рок-песни, которая немного более запоминающаяся, чем мне хотелось бы признать.

Наверное, есть причина, по которой я Плебей, верно? *Блять.*

— Как только песня закончится, давай вернёмся в мою комнату, и я отсосу тебе, — мурлычет Бекки, потираясь всем телом о Зейда и облизывая его ухо по всей длине. Он отталкивает её на шаг назад, и она спотыкается.

— Можем мы, просто сука, послушать эту чёртову песню? — рывкает он, и её голубые глаза расширяются. Она протягивает руку и щиплет Зейда за татуированную руку своими длинными ногтями, а он насмехается над ней.

— Ты всегда был полностью готов к траху, пока не начал заигрывать с этой Работяжкой. Полагаю, я не могу соперничать с набором навыков проститутки, да?

— Бекки, заткнись, чёрт возьми, — стонет Зейд, откидывая голову назад, чернила выползают из-под его мятой рубашки академии.

— Нет, я не заткнусь, — продолжает она, и Сай Патель, Мэйлин Чжан, Грег и Джон обмениваются взглядами друг с другом. — Ты стал таким чертовски странным. Всё лето ты был странным. Что такого есть в этой низкопробной сучке, на чём ты так помешан?

Зейд опускает голову и прищуривает свои зелёные глаза. Начинает пахнуть жареным.

— Низкопробной? Марни, может, и отброс из трейлера, — ауч, Зейд, — но она в сто раз круче тебя. Я так устал от твоего дерьма, Бекки. Ты хочешь, чтобы я был твоим парнем или что-то в этом роде? Важные новости: меня это больше не интересует. Чёрт, меня это никогда не интересовало. Это была игра, чтобы посмотреть, смогу ли я заполучить тебя, и знаешь что? Тебя было в сто раз легче обвести вокруг пальца, чем Черити.

Бекки протягивает руку и отвечает Зейду пощёчину так сильно, как только может, прежде чем повернуться и взбежать по ступенькам ко мне. Я отползаю в сторону и ныряю в столовую прежде, чем она выходит за дверь. К счастью, внутри никого нет, и как только я думаю, что у неё было достаточно времени, чтобы уйти, я выбираюсь обратно.

Зейд только что начал новую песню, так что я жду там и записываю её целиком.

«Почти уверен, что я такой же хреновый, как и они, единственный, кто знает одиночество моего трона. В самые тёмные ночи есть только одна яркая звезда, но когда я поднимаю руку, она устремляется ввысь туда, в пустоту, чернота слишком далеко».

Мм.

Я не уверена, что верю в рассказ о писателе-призраке.

Эти тексты кричат мне о Зейде Кайзере.

После того, как всё заканчивается, наступает некоторое молчание, прежде чем смех Сая Пателя раздражается подобно удару хлыста. У него довольно сильный нью-йоркский акцент,

так что легко определить, кто говорит. Если не считать обычных колкостей, он ничем особенным для меня не выделялся.

— Это самое тупое дерьмо. Срань господня, чувак, это же чушь собачья.

Другие мальчики смеются, повсюду слышится женское хихиканье Мэйлин. Когда я выглядываю из-за угла, мне интересно, единственный ли я человек, который видит, как крепко сжата челюсть Зейда.

В понедельник я выхожу в холл, и начинается настоящий хаос.

— Марни, о боже мой, — выпаливает Миранда, хватая меня за руки, её лицо порозовело. Её глаза сверкают, когда она тащит меня по коридору, наши белые юбки развеваются, когда мы направляемся во внутренний двор и проталкиваемся сквозь толпу людей к выходу. Там внизу стоит шикарная чёрная спортивная машина, водителя не видно.

— Эм, что? — спрашиваю я, когда Миранда поворачивается ко мне, ударяя меня по лицу своими блестящими светлыми волосами. Она даже пахнет почти как Крид. Странно ли, что я это замечаю?

— Это машина агента Зейда, — выдыхает она, указывая на неё. — Прежде чем мисс Фелтон заберёт наши телефоны, посмотри на это. — Я достаю свой телефон из сумки с книгами и делаю, как она просит. Не то чтобы мне это было нужно, поскольку я точно знаю, что происходит. — Здесь повсюду твоя подпись, — шепчет она, наклоняясь ко мне, пока несколько сотрудников пытаются увести студентов со двора. Я поднимаю взгляд, и наши глаза встречаются. Миранда взвизгивает, и я застенчиво улыбаюсь.

Всё, что я сделала, это загрузила разговор Зейда и часть его песни. Вот оно.

Однако его собственные слова подобны дыре в борту корабля, медленно заполняющейся водой. Зейд Кайзер пойдёт ко дну.

«Сын известного рокера Билли Кайзера издевается над своими поклонниками»

Это первая статья, которая появляется на экране. Они даже не назвали его по имени в заголовке, только по достижениям его отца. Хорошо. Мои брови поднимаются вверх, пока я продолжаю прокручивать страницу.

«Зейд Кайзер, в которого влюблены миллионы, на самом деле полон дерьма»

О, мне нравится этот заголовок.

— Марни, — говорит Зак, подходя и становясь рядом с нами. Его волосы всё ещё влажные после утреннего душа — он всегда находит время принять душ после утренней пробежки, — но его униформа в порядке, даже если галстук немного сбил набок. — Это великолепно.

Толпа расступается, и над собравшимися студентами воцаряется тишина, когда мужчина в костюме устремляется вперёд, лохматый парень в джинсах следует за ним по пятам. Зейд там же, плетётся за ним, его лицо удручено, глаза мокры от злых слёз.

Он следует за двумя другими мужчинами вниз по ступенькам, чтобы встать у машины, и они несколько минут разговаривают вполголоса, прежде чем Зейд отходит назад, а остальные садятся в машину и уезжают.

— Это был Билли Кайзер, — шепчет Миранда мне на ухо. Это довольно легко понять, даже без её подтверждения. Судя по тому, как Зейд смотрит на него, со смесью ненависти и тоски, он не мог быть никем другим. Через мгновение Зейд поворачивается и направляется обратно вверх по ступенькам. Сначала я думаю, что он пройдёт мимо, но потом он останавливается и оборачивается.

Наши взгляды встретились, и толпа сделала коллективный вдох, когда Зейд подошёл и

встал передо мной. Его грудь тяжело вздымается, он весь в поту, его светло-голубые волосы прилипли ко лбу. Сегодня утром на нём нет ни геля для волос, ни подводки для глаз. У него такой вид, будто он хочет убить меня.

— Что ты наделала? — налетает он, но всё, что я делаю, это стою и смотрю. Я заставляю себя вспомнить свои трусики в его руке, то видео, где мы целуемся на экране. Трофей, его лицо, то, как он просто стоял там, обнимая долбаную Бекки Платтер вместо меня.

— Вызов был принят, встречен и получил свой ответ, — отвечаю я, и Зейд издаёт этот странно мелодичный крик. Он был рождён, чтобы петь. Очевидно, также рождён, чтобы быть мудаком. Он протягивает руку и хватается себя за волосы двумя кулаками, как будто он может быть чертовски близок к нервному срыву.

Зак подходит ко мне, скрещивая руки на своей массивной груди, как будто он телохранитель или что-то в этом роде.

— Тебе, блядь, меня не запугать, — шипит Зейд, ухмыляясь. — Ты не ангел, Зак Брукс. В конце концов, Марни увидит это и бросит тебя ради кого-то вроде меня. — Последняя часть срывается с его языка как оскорбление, прежде чем он разворачивается и пробирается сквозь толпу, расталкивая людей локтями на ходу.

Мой список лежит в переднем кармане моей сумки, поэтому я достаю его, разворачиваю и наслаждаюсь скрипом красного фломастера в тишине внутреннего двора.

Мне приносит столько удовольствия, вычёркивать имя Зейда из моего списка.

Тристан — маленький идол, которого сложно поймать на крючок. Я почти чувствую, что он активно избегает меня, что не имеет никакого смысла, учитывая все угрозы, которые он высказывал в мой адрес.

Итак, мой следующий шаг — сесть с Мирандой и послушать подробный рассказ о том, что произошло в Хэмптоне летом. По её словам — а она королева сплетен — Лиззи Уолтон объявила войну Идолам Бёрберри. Тристан, в частности, был объектом её гнева.

— Я думаю, она сделала всё это ради тебя, — говорит Миранда, но даже при том, что я вроде как простила Зака, как я могу справиться с Лиззи? Что я могу сделать, чтобы отомстить ей и уравнять шансы? Но связаться с ней — это, вероятно, лучший шанс, который у меня есть, найти какой-нибудь способ втереться в доверие к Тристану. Я имею в виду, что я всё ещё надираю ему задницу в академическом плане, но я делала это и в прошлом году. Этого недостаточно, даже близко нет.

Кроме того, я не признаюсь в этом вслух, но... Я скучаю по Лиззи. Каждую пятницу я с нетерпением ждала наших бесед. Без неё жизнь в академии кажется намного пустее.

— Она тоже всё ещё влюблена в него, — добавляет Миранда с задумчивым, печально звучащим вздохом. — Она собирается выйти замуж за этого придурка, как его там, того, который всегда поправляет свои причиндалы и облизывает губы, когда делает это? Как бы то ни было, она собирается выйти за него замуж, но в первую брачную ночь ей будет сниться Тристан.

— Как ты думаешь, он всё ещё любит её? — спрашиваю я, и в глубине моего сознания зарождается идея. Хотя я знаю, что это смешно, я, затаив дыхание, жду, когда Миранда ответит на мой вопрос.

— Определённо, — отвечает она, и будто стрела только что пронзила моё сердце. В этом нет никакого смысла. Как только я увидела, как Тристан смотрит на Лиззи Уолтон в прошлом году, я уже поняла это. Все это знают. Он никогда не любил меня. Как он мог? Всё

это время это была игра. *Хотя Зак...* Нет. Я отключаю эту часть своего мозга и отказываюсь идти туда. Встретаться с Заком не получится, по крайней мере, с теми планами, которые у меня уже есть в голове. — А что? Ты хочешь разделить с ним комнату во время лыжной прогулки или что-то в этом роде? — Миранда хихикает, и я морщусь нос. — Ты *ревнуешь*?

— Фу, нет, — смеюсь я, отталкивая её, в то время как она отталкивает меня в ответ. — Я не собираюсь на лыжную прогулку. — Миранда глупо моргает, глядя на меня. Вместо зимних официальных танцев второкурсникам предоставляется возможность принять участие в лыжной поездке, спонсируемой академией. Машины отправляются в последнюю пятницу перед зимними каникулами и доставляют студентов по домам (или в аэропорт) во вторник, в канун Рождества.

— Ты должна поехать туда, — стонет она, утыкаясь лбом в стол для пикника. Мы сидим на улице, наслаждаясь морозным утром и яркими лучами солнца, от которых иней испаряется, как туман. — Это обряд посвящения.

— В последний раз, когда ты использовала эту фразу в отношении меня, ты потащила меня на ту пляжную вечеринку.

— И тебе было весело, несмотря на придурков в резиденции, верно? — спрашивает она, поднимая голову от стола. Я вздыхаю, и Миранда мягко улыбается. — Я знаю, ты хочешь вернуться домой к своему отцу, но это всего на несколько дней. — Я бросаю на неё скептический взгляд, постукивая пальцами по столу. — О, ну по крайней мере, подумайте об этом, мисс Месть. Но стоит учесть, вот что: во время лыжной прогулки так много измен и дурачеств, что теперь стало легендой называть домик Местом Шуры-Муры. — Она улыбается мне, когда я поднимаю брови. — Ты же видишь, насколько запутанными всё ещё остаются отношения Джален и Эбони после случая с «Дневником»? Отправляйся на лыжную прогулку, и я гарантирую, что ты капаешь там какую-нибудь новую грязь.

— После некоторого тщательного рассмотрения... — начинаю я, и Миранда визжит от смеха, крепко обнимая меня. Краем глаза я вижу, что Крид наблюдает за нами, и показываю ему средний палец.

Его сестра предпочла бы быть со мной, а не с ним.

Он ухмыляется мне, заворачивая за угол, и тут я вижу, что он держит под руку Анну Киркпатрик.

Хм-м.

Отлично. Вызов принят — всё верно.

— Я поеду, — говорю я Миранде, внимательно наблюдая за Анной.

Если она не путается с кем-нибудь из других Голубокровок, я буду шокирована.

Верность не заложена в их ДНК.

Дверь в музыкальную комнату открывается, и заходит Зейд, удивляя меня. Он засунул пальцы в карманы своих мятых белых академических брюк. Его пиджака нигде не видно, а галстук развязан и перекинут через правое плечо. С закатанными рукавами я вижу две мускулистые руки, покрытые татуировками.

Мои пальцы замирают в танце по струнам арфы, заканчивая соло на арфе из оперы Доницетти *Лючия ди Ламмермур*. Я откидываюсь на спинку стула и настороженно наблюдаю за его приближением. Мистер Картер находится в своём смежном кабинете с закрытой дверью, так что ничего по-настоящему плохого здесь произойти не может. Я скрещиваю руки на груди и жду.

Как ни странно, одна из вещей, по которым я больше всего скучаю в прошлом году, —

это присутствие Тристана на репетициях моего оркестра. Сидящего на одном из задних рядов, сцепив пальцы и не сводя с меня глаз... В нём была какая-то сила, которая передавалась и моей музыке. Я чувствую, что играла лучше, когда он был рядом.

Зейд спускается по ступенькам зрительного зала и останавливается рядом с возвышением в передней части. Я бы назвала это сценой, но она используется только для того, чтобы преподаватели читали лекции. На самом деле здесь не происходит никаких представлений.

— Так вот как ты добралась до меня? — спрашивает он, протягивая руку, чтобы провести пальцами по своим бледно-голубым волосам. Он оглядывает комнату так, словно никогда не видел её раньше. Но я знаю, что он проводит здесь всё время. Этот взгляд сладкого, слегка растерянного смущения — чушь собачья, как и всё остальные выражения его лица. Зейд играет обаятельного паршивца очень, очень хорошо. — Подслушала за этой дверью и трахнула меня?

— Всё, что я сделала, это загрузила твои собственные слова на один веб-сайт. — Я поднимаю один палец. — Один. — Его зелёные глаза встречаются с моими карими, и я не могу отрицать, что между нами есть притяжение. Между нами всегда есть химия, хочу я это признавать или нет. То, что он придурок, этого не меняет. — Если бы ты не говорил этих вещей, то они не ополчились бы против тебя и не преследовали.

Я снова поднимаю руки к струнам арфы и готовлюсь играть снова, отпуская его. Однако Зейд никуда не уходит, просто садится смотреть и слушать. Я проигрываю три песни, прежде чем понимаю, что он не уходит, опускаю руки на колени и свирепо смотрю на него.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я, и Зейд натянуто улыбается. Он прищёлкивает языком и некоторое время поигрывает кольцами на губах, прежде чем ответить.

— Должен признать, — говорит он, постукивая испачканными чернилами пальцами по подлокотнику кресла, — у тебя яйца больше, чем я думал.

Я хмуро смотрю на него.

— Может быть, яичники? — я почти улыбаюсь, но Зейд просто пожимает плечами и встаёт. Он выглядит как мечта в белой форме второкурсника. Как будто полное отсутствие цвета в его наряде подчёркивает, как много цвета у него на коже. Он подходит, чтобы встать рядом со мной, и у меня перехватывает дыхание. Я знаю, что я не единственная, кто это замечает. Зейд протягивает руку, чтобы заправить выбившуюся прядь волос мне за ухо, и я позволяю ему, хотя знаю, что не должна.

— Как бы ты ни хотела это назвать, у тебя это есть. Большие яйца, железная матка, глубокий тёмный шарм... В любом случае, — он указывает на меня двумя пальцами, как будто изображает пистолет, — ты выстрелила мне прямо в промежность из этого пистолета. Попадание в яблочко, бинго, победа за тобой. Звукозаписывающий лейбл только что уничтожил мой новый альбом. — Он хмуро смотрит на меня сверху вниз, и в его изумрудно-зелёных глазах столько печали, что я удивляюсь. Оно отражает лицо девушки, выражение которой я видела в своём отражении в тот прошлый годний день. Так, хорошо. Ему больно. Это то, чего я хотела, не так ли?

— Будет новый альбом, — говорю я со вздохом, кладя руки на колени. У меня есть специальное разрешение носить белые академические брюки, когда я играю на арфе. Это педальная арфа, так что мне нужно использовать ногу, а если бы я надела стандартную юбку второкурсницы, то было бы видно больше, чем просто мою музыку. — В этом проблема всех вас; вы никогда не узнаете, каково это на самом деле — причинять боль. Всегда есть больше

денег, новые возможности, тайные услуги...

Зейд качает головой и лезет в карман, чтобы вытащить небольшую пачку бумаг. Он протягивает их мне, и я мгновение колеблюсь, прежде чем взять их.

— Нет, не в этот раз. Мой отец так взбешён, он думает, что это может повлиять и на его карьеру, поэтому он попросил лейбл полностью отказаться от меня. — Зейд ждёт мгновение, пока я разворачиваю бумаги, и хмурится, когда я нахожу копию теста, который я сдавала в пятницу. Что ж, тест тот же, но ответы не те, что я дала. Моё имя может быть в верхней части листа, но это не мой тест. — Сейчас ты смотришь на неподписанного музыканта без гроша в кармане. — Зейд смеётся и протягивает руку, чтобы закрутить свои намазанные гелем волосы в маленькие колючки.

Я настолько отвлечена тестом и эссе под ним, в котором также есть моё имя, но нет моих слов, что мне требуется мгновение, чтобы осознать, что он только что сказал. Я поднимаю глаза.

— Они не хотят, чтобы ты, типа, выступил с заявлением или что-то в этом роде? — Зейд одаривает меня кривой ухмылкой, как будто ему на это наплевать. Совершенно очевидно, что ему чертовски не всё равно.

Он игнорирует мой вопрос, отмахиваясь от него взмахом руки.

— Послушай, ты не застанешь Тристана с поличным. — Зейд протягивает руку, чтобы похлопать по бумагам в моей руке, и наши пальцы соприкасаются. Тепло передаётся от его кожи к моей, и мы оба дрожим. Это нечестно. Это несправедливо, что у меня есть химия с таким мудаком, как Зейд Кайзер. — Это тест с результатом около... — Зейд делает паузу, чтобы на минуту задуматься. — Шестьдесят пять процентов? В эссе копия прошлогоднего эссе Джинны Уитли. Плагиат и всё такое.

— Почему на этих вещах написано моё имя? — спрашиваю я, чувствуя, как моё сердце учащённо колотится в груди. Мне должно было прийти в голову, что Идолы попытаются ударить меня туда, где будет больнее всего (кроме моего отца, конечно): в учёбе. Я поднимаю взгляд на Зейда. — И почему ты показываешь мне это?

— Бекки на днях оставила у меня свой пиджак, — начинает Зейд, закатывая глаза, как будто он просто не может с ней разговаривать. Самое смешное, что они похожи как две капли воды; они заслуживают друг друга. — Это выпало из него. Я должен отнести их ей, и я думаю, что завтра, когда она будет выполнять свою работу на третьем уроке, приводя в порядок работы мисс Перегрин, она заменит на них твой настоящий тест и эссе.

Зейд протягивает руку, чтобы взять бумаги, и я позволяю ему, совершенно сбита с толку.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — повторяю я, пока Зейд убирает бумаги в свой портфель. — Я не понимаю.

В этом году ребята относились ко мне намного лучше, чем в прошлом, но в этом нет никакого смысла. Должно быть, они готовятся к чему-то большему.

— Как бы то ни было, — говорит Зейд, отворачиваясь и оглядываясь на меня через плечо, — как только я узнал, что Бекки ударила тебя, я не прикоснулся к ней. Я просто не смог. — Зейд морщит нос и качает головой. — Я не хочу, чтобы тебе было больно, поэтому, пожалуйста, ради всего святого, Черити, просто уходи.

Зейд разворачивается и направляется вверх по лестнице. Я смотрю, как он уходит, а потом делаю всё возможное, чтобы придумать план.

На следующий день после тренировки по черлидингу я направляюсь в кабинет нашей учительницы английского, мисс Перегрин. Комната заперта и темна, свет выключен, а штора на маленьком окне опущена. Чтобы попасть внутрь, мне либо понадобится ключ, либо... отмычка.

Чертыхаясь себе под нос, я направляюсь обратно к зданию часовни, иду по коридору и выхожу через витражные двери с другой стороны. Как только я добираюсь до Третьей башни, я поднимаюсь на лифте на пятый этаж и направляюсь в комнату Зака. Я едва поднимаю кулак, чтобы постучать, когда он открывает, одетый в спортивные штаны с низкой посадкой, без рубашки и покрытый тонким слоем свежего пота.

— Марни? — спрашивает он, отступая в сторону, чтобы впустить меня. Звучит какая-то по-настоящему сексуальная джазовая музыка, и все шторы опущены. На мгновение я задумываюсь, не помешала ли я чему-то, чего не хотела бы видеть.

Я оборачиваюсь и обнаруживаю, что Зак внезапно стоит слишком близко ко мне. От него хорошо пахнет, что действительно странно, учитывая, что он весь потный. Но если серьёзно, то есть нечто совершенно иное между свежим потом и застарелым. Последнее отвратительно, но первое... это почти как парфюм. Я обнаруживаю, что меня это привлекает, хотя я этого и не хочу.

— Здесь девушка? — спрашиваю я, и Зак прищуривается, глядя на меня. Он делает шаг вперёд, а я отступаю на шаг назад. Это движение удивляет его, и в конце концов он приподнимает одну из своих тёмных бровей.

— Тебя это беспокоит? — отвечает он, его голос тёмный, ровный и холодный, как горько-сладкое шоколадное мороженое. Он снова делает шаг ко мне, но мне некуда идти. Моя задница ударяется о стол, и Зак кладёт руки по обе стороны от меня.

— Нет, — лгу я, выскользывая из-под его руки и отступая в сторону. Когда я снова поворачиваюсь к нему лицом, он ухмыляется. Моим первым побуждением является стереть это выражение с его лица, но вместо этого я просто вздыхаю. — Когда мы учились в Лоуэр-Бэнкс, разве у тебя не было неприятностей из-за угона машины?

Зак всё ещё ухмыляется, прислоняясь спиной к столу и скрещивая мускулистые руки на голой потной груди. Кажется, мы всегда вместе, когда он без рубашки, Зак и я. Как будто Вселенная пытается свести нас вместе.

— Ага, и что? — он оценивающе оглядывает меня с ног до головы, и я вздрагиваю. На мне короткие чёрные тренировочные шорты со стразами на ягодицах, которые я ненавижу, пара красных велосипедных шорт под ними и чёрная майка с логотипом Бёрберри спереди. Даже занятия по черлидингу сопровождаются обязательной униформой.

— Мне нужна твоя помощь, — говорю я, ненавидя эту фразу, даже когда она слетает с моих губ. — Ты мог бы взломать замок на двери учительской?

Зак на мгновение задумывается, опуская подбородок и закрывая глаза. Через мгновение он снова поднимает на меня взгляд и одаривает сексуальной ухмылкой.

— Я мог бы. Хотя это рискованно, учитывая парня-телохранителя, патрулирующего коридоры, и все эти новые камеры. Но если бы у нас была история для прикрытия, какая-то причина быть там, которая не включала бы... что бы ты ни задумала, это могло бы сработать. — Его ухмылка превращается в оскал, и я неловко ёрзаю. — Я предполагаю, что

это имеет отношение к плану о мести?

— Может быть... — я уклоняюсь от ответа, и ухмылка Зака становится немного шире.

— Тогда позволь мне сначала надеть рубашку. — Он останавливается и делает несколько шагов ближе ко мне, его шоколадно-карие глаза пристально смотрят на меня из-под густых ресниц. — Если только... ты не предпочла бы, чтобы я был без неё?

— С рубашкой всё в порядке, — выпаливаю я, не сдаваясь. — Но, если у тебя есть лишний свитер, я возьму его. На улице холодно. — Зак смеётся надо мной и хватается свою толстовку со спинки дивана, бросая её мне. Я надеваю её и быстро понимаю, что утонуть в большой, мягкой толстовке с запахом Зака — это одновременно и благословение, и проклятие. Если бы я была его девушкой, я бы постоянно носила его толстовку с капюшоном.

— Отлично, — говорит Зак, рассматривая мою гораздо меньшую фигуру, когда я зарываюсь в его толстовку, и проводит языком по нижней губе. — Конечно, и ещё набор для вскрытия замков.

— Ты принёс в академию набор для вскрытия замков?

Зак оглядывается через плечо и ухмыляется с этим мрачным чувственным выражением, от которого у меня мурашки бегут по коже.

— Я думаю, можно забрать мальчика из плохой школы, но нельзя забрать плохое из мальчика. — Он театрально подмигивает мне, и я не могу решить, сексуально то, что он только что сказал, или весело.

Я выбираю более безопасный вариант и смеюсь, но это не значит, что моё сердце не колотится чаще или что я не закутываюсь в толстовку плотнее.

Мы с Заком вместе выходим на улицу, направляясь через мёртвые зимние сады к скоплению административных зданий. Тут и там есть несколько студентов, но из-за холодного фронта, который прошёл на прошлой неделе, большинство людей всё ещё внутри. Здесь действительно холодно.

Охрана кампуса регулярно патрулирует территорию, и я знаю, что там тоже есть камеры. Я также знаю, что отснятый материал регулярно не проверяется, если только не возникает проблема.

Кроме того, Зак говорит, что у него есть план.

Когда мы подходим к двери кабинета мисс Перегрин, Зак хватается меня за плечи и разворачивает к себе, глядя прямо в лицо с очень серьёзным выражением.

— Ты доверяешь мне? — спрашивает он трезвым голосом. — Я не прошу тебя доверять мне всё время, только сейчас.

Я киваю головой, и не успеваю я опомниться, как Зак прижимает меня спиной к двери. Он обхватывает меня правой рукой за талию, прижимая наши тела друг к другу. Его рот прижимается к моему, тёплое дыхание касается моих губ.

— Можно мне поцеловать тебя ещё раз? — шепчет он, а затем мягко улыбается. Мы так близко, что я чувствую эти эмоции на своих губах. — Конечно, всё это часть плана. Хотя, я не могу отрицать, что видеть тебя в моей толстовке не чертовски возбуждающе.

Левой рукой Зак достаёт из внутреннего кармана маленький металлический инструмент и вставляет его в замок на двери. В этих офисах не так много всего, кроме бумаг, сертификатов в рамках и письменных столов, так что замки не совсем высокотехнологичны. Я думаю, Зак запустит нас в кратчайшие сроки.

Я также внезапно понимаю, что он имел в виду, говоря о наличии плана. Если нас

поймают, всё, что увидит охранник, — это двух целующихся студентов. Они не увидят отмычку, и им не нужно будет спрашивать, что мы здесь делаем. Даже если у нас возникнут проблемы, мы можем заявить, что пытались попасть в офис, чтобы... провести немного времени наедине.

Логическая часть меня хочет признать, что это блестящий план; у нелогичной части меня учащённо бьётся сердце, потеют ладони и внезапно разгорается жар между её бёдер.

— Поцелуй меня, — выдыхаю я, прежде чем потерять самообладание и сбежать. То, что я собираюсь сделать, важно не только для моей мести Тристану, но и для того, чтобы я не потеряла то, ради чего так усердно работала. Если это эссе с плагиатом выйдет в свет, меня вполне могут исключить.

Честно говоря, какая-то часть меня, похороненная в глубоких тёмных тенях моей груди, задета в её чувствах. Я знала, что Тристан не является хорошим парнем, но я всегда думала, что, по крайней мере, когда дело доходит до академических знаний, мы готовы бороться честно. Похоже, я была неправа. И это убивает меня.

— Сделай это... — начинаю я, и Зак прерывает меня карающим поцелуем, в котором столько тепла, страсти и желания.

Его правая рука сгибается, и мне приятно чувствовать, как эти твёрдые, как камень, мышцы притягивают меня к нему, прижимая моё тело к его. Его запах, этот его грейпфрутовый и мускатно-ореховый мускус, окружает меня подобно облаку. Он не только великолепно пахнет, но и его толстовка с капюшоном не так уж плоха.

Его язык скользит по моей нижней губе, ныряет в рот и вырывает у меня смущённый стон. Мои руки сжимаются в кулаки под толстовкой, которая на нём надета, и через несколько секунд раздаётся щелчок замка, и мы вдвоём, спотыкаясь, входим в пустой офис.

Зак закрывает за собой дверь, но не прекращает целовать меня. На самом деле, я каким-то образом оказываюсь на краю стола мисс Перегрин, а его огромное тело оказывается между моих бёдер. Он прижимается ко мне, и я чувствую твёрдость в его спортивных штанах, которой раньше не было.

«*Это такая плохая идея*», — думаю я про себя, но это не мешает мне обвить его ногами и целовать крепче. Зак теперь тоже стонет, и после того, как он засовывает маленькую металлическую отмычку обратно в карман, он обеими руками обхватывает мою задницу. Его пальцы мнут мою плоть, когда я выгибаюсь навстречу ему. Между нами расцветает такое дикое и жаркое тепло, что я почти забываю, что я делаю и почему я здесь... что я почти забываю, что он сделал со мной.

Затем меня осеняет осознание того, где мы находимся и насколько это опасно.

Мои ладони поднимаются, чтобы прижаться к груди Зака, и он замирает, слегка отрывая свой рот от моего. Я всё ещё чувствую твёрдость между его ног и ответный жар между моими.

— Подежуришь у двери? — шепчу я, и Зак закрывает глаза, как будто ему больно. Он резко выдыхает, открывает глаза и кивает, прежде чем отойти. Когда он оборачивается и думает, что я не смотрю, он засовывает руку в карман спортивных штанов и... приводит себя в порядок.

Несмотря на то, что моё тело покраснелось и разгорячилось, а между бёдер ощущается тёплая жидкость, мне удаётся встать и найти стопку бумаг рядом со сканером и измельчителем. На стене есть инструкции, они заламинированы, и их невозможно не заметить.

1. Отсканируйте обе стороны задания.
2. Убедитесь, что изображения читаемы.
3. Разрежьте страницы на мелкие кусочки.
4. Убедитесь, что на каждом файле задания указано имя студента и идентификационный номер.

Дерьмо.

Я лихорадочно перебираю стопку бумаг в проволочной корзинке рядом со сканером и вздыхаю с огромным облегчением, когда нахожу те, на которых написано моё имя. Затем я просматриваю задания Тристана.

На мгновение я погружаюсь в слова его эссе. Он блестящий писатель, может быть, даже лучше меня. Я говорю себе, что читаю задание, чтобы убедиться, что этот план действительно сработает, если в эссе Тристана есть что-то, что выдаст фальшивку, которую я написала. Но нет, несмотря на то, что он хороший писатель, он такой же, как я: он пишет только академически, а не сердцем или душой.

Единственный раз, когда я писала таким образом... Нет. Я отказываюсь думать о том, как Крид читал моё эссе вслух. Я отомстила ему, и сделала это хорошо.

Я беру эссе Тристана, складываю его и засовываю в передний карман толстовки. Затем я достаю ещё два эссе из этого огромного кармана, одно — перепечатка эссе, которое я изначально сдала, и другое — правдоподобное, но довольно ужасное эссе. Я подумывала о том, чтобы написать Тристану эссе, достойное двойки, но решила, что это может быть слишком очевидным. Я даже подумывала о том, чтобы написать его имя в плагиатном эссе Джины Уитли, но это тоже не в моём стиле.

Я кладу два новых эссе обратно в стопку, убедившись, что положила их на те же места, что и остальные до этого. Плагиат-эссе с моим именем тоже ложится мне в карман, а затем я делаю то же самое с тестами. Только на этот раз, поскольку имена можно легко стереть, всё, что я делаю, это ставлю своё имя на бумаге Тристана, а его — на той, что была подброшена Бекки.

— Один из охранников кампуса только что проходил мимо, — шепчет Зак. — Возможно, сейчас самое подходящее время улизнуть.

Я во второй и третий раз проверяю, чтобы убедиться, что мы забрали всё, с чем пришли, и что всё осталось точно так, как было.

Когда я подхожу, чтобы встать рядом с Заком, он смотрит на меня, его взгляд всё ещё затуманен похотью, его губы всё ещё припухшие от наших поцелуев.

Он открывает дверь, и мы выходим наружу, убедившись, что она заперта, прежде чем закрыть её. Мы возвращаемся в здание часовни; я исчезаю в своём общежитии и быстро закрываю за собой дверь, в то время как Зак удаляется по коридору.

Мы очень, очень долго не говорили о том, что произошло в кабинете мисс Перегрин.

На следующей неделе, как раз перед зимними каникулами, когда снова будут выставлены оценки, у Тристана существенно снизятся показатели, и теперь я снова явно лидирую.

Получай, придурок.

— Тристан в ярости, — говорит Крид, устраиваясь на стуле рядом со мной, готовясь к нашему занятию. Я бросаю на него взгляд, у меня есть правило не вести личные беседы с парнями-Идолами. На данный момент это просто не имеет смысла.

И всё же я не могу удержаться от того, чтобы не подразнить его.

— Почему? — невинно спрашиваю я, используя свой айпад, выданный академией, чтобы открыть задание, над которым мы должны работать.

Крид смеётся, и его смех такой же ленивый, как и всё остальное в нём. Беззаботный. Беспечный. Пренебрежительный.

— О, не веди себя как невинный ягнёнок, — мурлычет он, наклоняясь ко мне, его глаза полуприкрыты, на губах кривая улыбка. Мы ещё не говорили о том, что произошло на Хэллоуин. Я думаю, мы никогда этого не сделаем. — Мы все знали, что планировали Тристан, Харпер и Бекки. Так кто сказал тебе? — я игнорирую его и сосредотачиваюсь на задании. Я не только помогаю ему с его работой, но и должна завершить свою. — Это был Зейд?

— Почему бы тебе не сосредоточиться больше на своей работе и меньше на том, что делают все остальные? Может быть, тогда ты перестал бы быть вторым после Тристана. — Я заставляю себя улыбнуться, когда Крид хмурится. В глубине души я по-прежнему придумываю, как бы противостоять Тристану Вандербильту. Всё, что я сделала на этот раз, — это предотвратила катастрофу для себя. Вернула его на второе место, которое он занял бы в любом случае, если бы оставил моё эссе и тест в покое, но этого недостаточно.

Я думаю, что на данный момент мой единственный вариант — это Лиззи. Мне придётся позвонить ей после этого.

Крид внезапно протягивает руку, хватая за подлокотники моего кресла и поворачивая меня лицом к себе. Одно его колено оказывается между моих ног, а его руки прижимают мои запястья к подлокотникам. Он наклоняется так близко, что наши щёки почти соприкасаются.

— Если бы мы захотели, — начинает он, прижимаясь ртом к моему уху и слегка облизывая его, — мы могли бы уничтожить тебя и заставить умолять о большем в течение недели. Мы могли бы превратить всю твою жизнь в сущий ад, а не только тот, который у тебя в школе.

Поскольку колено Крида находится между моих бёдер, моё собственное колено оказывается вплотную к его промежности. Я сильно пинаю его коленом в его хреновину, и он отпускает меня, отступая назад, как будто я... ну, пнула его по яйцам. Его глаза сужаются до щёлочек.

— Если это так, то почему ты ещё этого не сделал? — он смотрит на меня в ответ и ничего не говорит, ничего не делает. — Я знаю твои личные причины, но как насчёт Тристана? А что насчёт Зейда? — я встаю из-за стола, запикиваю свои принадлежности в сумку с книгами и бросаю на Крида свирепый взгляд. — Вот немного грязи, которую нужно доставить обратно королю. — Лицо Крида искажается от отвращения при этом слове. — Скажи ему, что я ещё даже близко не закончила с ним. Если он хочет связываться с быком, он получит по рогам. — Я вздёргиваю подбородок, кружась в вихре юбок, и удаляюсь в тихую темноту библиотеки.

Крид не утруждает себя тем, чтобы следовать за мной или окликать меня. Но то место, где он лизнул меня в ухо... оно всё ещё горит.

В четверг перед зимними праздниками и за день до отъезда второкурсников на лыжную прогулку устраивается вечеринка. Единственная причина, по которой я знаю об этом, — это то, что Идолы заплатили одной из Плебеев, чтобы она воспользовалась своими привилегиями за пределами кампуса и купила им новые платья. Девушка, та самая Кларисса, которая обругала меня и была исключена из команды по плаванию Зейдом в прошлом году, говорит об этом в холле, когда я прохожу мимо.

После окончания занятий я одеваюсь, направляюсь в комнату Зака и молюсь, чтобы он снова не был без рубашки и в шортах, прежде чем постучать.

Когда он открывает, на нём всё ещё форма академии, и он поднимает брови, увидев мой розовый комбинезон и туфли на каблуках.

— Прекрасно выглядишь, — говорит он, и то, как слово «прекрасно» слетает с его губ... Я знаю, что он имеет в виду гораздо больше, чем просто это. Мои щёки краснеют, но мне удаётся выдержать его взгляд, не заикаясь.

— Спасибо. Сегодня вечером у меня задание. Не мог бы ты составить мне компанию? — Зак выглядит довольно шокированным, но я знаю, что не могу пойти на вечеринку Клуба Бесконечности без его члена. Я думала спросить Эндрю, но, несмотря на предупреждения Крида, Грег и Джон преследуют его по коридорам, пытаясь застать его одного в тёмном углу, если вы понимаете, для чего. В последний раз, когда это случилось, это было субботним вечером, и Эндрю записал всю встречу на видео. Ему едва удалось вовремя вернуться в своё общежитие. Поэтому я не хочу подвергать Эндрю опасности, и единственный известный мне член Клуба Бесконечности, с которым у меня нет постоянной вражды, — это Зак.

— Куда мы направляемся?

Я улыбаюсь и левой рукой играю с ожерельем, висящим у меня на шее.

— На вечеринку Клуба Бесконечности.

Улыбка Зака исчезает с его лица, но моя остаётся на прежнем месте.

На этот раз Идолы присвоили себе амфитеатр, тот самый, в котором меня избили, облили краской и унизили до невероятности.

Мне это не кажется совпадением.

Зак идёт впереди, небрежно одетый в джинсы, кроссовки и старую футбольную толстовку со времён своей прошлой школы. Он расстёгивает пояс и показывает свою татуировку «бесконечность» парню у двери, прежде чем мы заходим внутрь. Последние несколько клубных вечеринок, на которых я была, не казались такими официальными. Должно быть, они усиливают охрану.

— Ты мог бы просто отключить его, — шепчу я, улыбаясь, — даже несмотря на то, что он на четвёртом курсе, и я почти уверена, что он в университетской команде, судя по тому, как он смотрел на тебя.

Зак слегка улыбается мне и пожимает своими массивными плечами.

— Ага, он в команде, так что по умолчанию он ненавидит меня до глубины души. — Его рот слегка подёргивается. — Но да, ты права: я мог бы вырубить его. Дело в том, что я предполагаю, что сегодня вечером тебе нужно разворошить какое-то особенное дерьмо. Я не хотел красть весь твой триумф. — Зак держит меня под руку, пока мы пробираемся между рядами кресел, заполненных студентами, которые целуются, пьют или играют в карты. На

сцене в передней части зала, той самой сцене, на которой я сидела со своей арфой, Голубокровки расположились вокруг столов, покрытых чем-то похожим на... костяшки пальцев? Мерзость.

— Ты ведь помнишь план, да? — спрашиваю я Зака, чувствуя, как все эти осуждающие взгляды устремляются на меня. Он коротко кивает, и мы поднимаемся по ступенькам к столу, за которым сидят Тристан, Зейд и Крид с Бекки, Харпер и Илеаной.

Тристан усмехается мне и бросает кости на стол. Я имею в виду, он точно не может жаловаться на то, что я с ним сделала, учитывая, что это было намного менее плохо, чем то, что он хотел сделать со мной. Я не отдала ему эссе с плагиатом, хотя могла бы это сделать.

— Ты, должно быть, совсем тупая, если пришла сюда добровольно, — огрызается он, теряя тот отработанный самоконтроль, который я одновременно ненавидела и которым восхищалась с прошлого года. Я вижу едва заметные очертания синяка на его лице, и моя рука сжимается в маленький кулачок. Как бы сильно мне не нравился этот парень, я думаю, что его отец, возможно, избивает его. Это просто ужасно.

— Это что, кости? — спрашиваю я, скептически глядя на маленькие белые и кремовые кусочки на столе. Харпер перекидывает свои тёмные волосы через плечо и ухмыляется мне. Её правая рука ложится на руку Тристана, и она переплетает их пальцы, прежде чем сжать её. Как бы мне ни было неприятно это признавать, от этого зрелища меня подташнивает и крутит живот.

— У моего отца есть частный музей в его нью-йоркском пентхаусе. Он немного помешан на Гражданской войне. — То, как Харпер улыбается мне, напоминает мне Гринча, как будто это выражение расплзается по её лицу, как болезнь. — У него целая кладовая, полная бесполезных артефактов, о которых он забыл. Эти кости всё равно никогда не увидят дневного света, поэтому я позаимствовала их. — Она пожимает плечами, её мерцающее чёрное платье ловит свет. — И они обошлись ему всего в четыреста или пятьсот тысяч?

— Ты играешь в кости настоящими человеческими пальцами? — рычит Зак, подходя так близко к столу, что он дребезжит. — Что, чёрт возьми, с тобой не так? Есть ли у тебя хоть капля уважения? Это не просто игровые элементы, это части реальных человеческих существ.

Я заговариваю раньше, чем кто-либо другой, позволяя проявить себя как любителя истории.

— Во Франции в 1800-х годах, когда церковь перенесла кости с переполненного кладбища в ныне знаменитые катакомбы, в земле остались большие ямы, заполненные человеческим жиром. Торговцы собирали это добро и делали свечи и мыло. Затем они заклеямили их как Невинные и продали богатым, которые сознательно использовали их, несмотря на то, что знали, откуда они взялись. Им реально это нравилось, они считали, что человеческие существа стоят так мало, что их можно сжечь, просто чтобы осветить комнату. — Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Зака, даже когда Бекки усмехается и начинает скулить.

— Как будто нам не наплевать на какой-то дурацкий урок истории. Они давно мертвы, и никому, кроме тебя, нет дела до того, что происходит с костями каких-то тупоголовых солдат. Если бы они имели значение, они были бы генералами, президентами или политиками, и их кости не гнили бы в каком-нибудь хранилище. — Бекки протягивает руку, чтобы дотронуться до своих волос, которые скручены, уложены в причёску и покрыты таким количеством лака для волос, что трудно разглядеть отрезанный мной локон. Однако мне

достаточно знать, что он есть.

Я игнорирую её и сосредотачиваюсь на своём, полностью осознавая, что Крид и Зейд наблюдают за мной.

— Некоторые люди считают других людей ниже себя, как будто они думают, что они боги или что-то в этом роде. Но скажи мне: как удаётся сбрить богу уродливую лысину на голове?

Бекки встаёт, как будто собирается наброситься на меня. Я просто стою и смотрю на неё, когда Харпер хватает её за руку и впивается ногтями в кожу своей лучшей подруги. Они вдвоём обмениваются взглядом, который я не могу толком прочесть.

— Мы здесь, потому что я хочу заключить пари, — говорит Зак, переводя взгляд с Крида на Зейда и Тристана. Он делает паузу, и его тёмно-карие глаза зацепляются за холодные серые глаза Тристана. — Вы трое. Давайте присядем за столик и поговорим. — Он делает жест подбородком и уходит, но, согласно его словам и правилам Клуба Бесконечности, когда кто-то бросает вам вызов, вы обязаны, по крайней мере, выслушать его.

— Это ёбаное дерьмо, — бормочет Зейд, поднимаясь на ноги и проводя пальцами по волосам. Крид ничего не говорит и тоже встаёт. Тристан встаёт последним, но, отходя, он задевает моё плечо своим, и, клянусь, я вижу звёзды. Он внезапно останавливается, как будто не ожидал этого. Низкий, почти неслышимый, я слышу его голос у своего уха.

— Ты невероятно доверчива, — бормочет он, и я не могу до конца решить, оскорбление это или комплимент. Я смотрю, как четверо парней уходят, прежде чем занять место Тристана за столом.

— Ты не член Клуба Бесконечности, — огрызается на меня Илеана, скривив свои накрашенные золотом губы, обнажая зубы. Она права: эта татуировка на моём бедре горит так, словно её только что выгравировали на моей коже. Я не являюсь частью Клуба Бесконечности и никогда не буду. Слава Богу.

— Нет, но я здесь в качестве приглашённого гостя. Я тоже могу заключать пари. — Я кладу руки на стол, стараясь не задеть костяшки пальцев. Если бы у меня был какой-то способ забрать их и подарить музею, или похоронить должным образом, или что-то в этом роде, я бы это сделала. При нынешнем положении вещей всё, что я могу сделать, это принести молчаливые извинения душам, которые раньше принадлежали этим кусочкам костей. — И поверь мне: ты захочешь принять его.

— Правда? — Харпер растягивает слова, опершись локтем на стол и подперев подбородок рукой. Её голубые глаза сверкают ненавистью, когда она рассматривает меня. — И почему именно я должна захотеть это сделать? Я могла бы просто... позвонить в медицинский центр моей семьи и сказать им, чтобы они прекратили лечить твоего отца. По сути, сучка, ты моя.

Моё сердце замирает, и я чувствую, как меня охватывает холодный страх. Но я подозревала это; я знала, что это произойдёт. Ад замёрзнет раньше, чем Харпер добровольно мне поможет.

Я сижу неподвижно, продолжаю улыбаться и отказываюсь раскрывать свои карты.

— Как насчёт этого? — начинаю я, встречаясь с ней взглядом и отказываясь признавать двух других девушек. Ей это понравится, самопровозглашённой королеве академии. — Я заключу с тобой пари: если я выиграю, ты окажешь моему отцу такую же медицинскую помощь, какую оказала бы своему собственному. — Я делаю паузу на минуту. — Нет, ни так,

ты оказываешь моему отцу наилучшую медицинскую помощь, лучше, чем оказала бы своему собственному отцу. Лучшую из лучших, не жалея средств. Если ты победишь, я встану перед тобой на колени перед всей академией и скажу всем, что ты была прав, что я хуже Плебея, или что я шлюха, неважно. Я поцелую твои ноги, соберу вещи и покину академию, и тебе больше никогда не придётся меня видеть.

Теперь Харпер наклоняется вперёд, её глаза сияют, её социопатические наклонности видны по всему лицу. Я не уверена, что до сих пор когда-либо по-настоящему понимала, что означает слово *ненависть*, до этого момента. Я не думаю, что ненавидела Идолов, даже после того, что они сделали со мной. Но почти уверена, что прямо сейчас я ненавижу Харпер Дюпон.

— Я слушаю... — мурлычет она, её голос, как иголки, впивается в мои барабанные перепонки. От неё пахнет персиками, и я решаю, что теперь этот аромат для меня окончательно испорчен. Каждый раз, когда я почувствую этот запах, я буду думать о ней и этой отвратительной улыбке.

— Если я проиграю, ты можешь полностью прекратить медицинское обслуживание моего отца. Но пока ты продолжишь лечить его. — Харпер прищуривает глаза, но, по крайней мере, она всё ещё слушает. — Вот пари: к концу года я заставлю Тристана, Крида и Зейда влюбиться в меня. — Её глаза недоверчиво расширяются, и выражение ликования, мелькающее на её лице, говорит мне, что она уже думает, что выиграла, что то, что я предлагаю невозможно. Я продолжаю говорить: — Но вам всем запрещено рассказывать им об этом пари. Если я уговорю их пойти со мной на выпускной второго курса, то считается, что я выиграла.

— Ты могла бы просто обманом заставить их поехать с тобой или что-то в этом роде, — усмехается Бекки, её голос похож на скрежет гвоздей по классной доске. — Нет, они должны прийти, с тобой или без, но все они должны думать, что ты будешь их парой на вечеринке в тот вечер. Они должны захотеть, чтобы ты была их парой. — Она ухмыляется мне, и я поджимаю губы, но всё равно киваю.

— Они идут со мной на выпускной праздник на озеро, и я выигрываю. Если они этого не сделают, то на вечеринке тем вечером я сделаю то, что сказала. Я сдамся, я приму поражения и уйду. Ты выиграешь. — Харпер на мгновение задумывается над этим, перекатывая одну из костей на ладони.

— Отлично. Но это не значит, что я собираюсь перестать мучить тебя. — Она снова ухмыляется мне, и я просто знаю, что у неё уже что-то запланировано. — Между нами нет перемирия, но я позволю твоему жалкому отцу выпрашивать обеды в моей медицинской клинике. Когда я выиграю, — продолжает она, и от меня не ускользает её употребление слова *когда*, — я хочу, чтобы твоё унижение было снято на видео, и *ты* будешь тем, кто выложит его на YouTube со своего собственного аккаунта.

Мои ноздри раздуваются, но я всё равно киваю и протягиваю руку, чтобы взять её за руку. Мыжимаем друг другу руки, в то время как Бекки и Илеана обмениваются взглядами.

— Не думай, что ты сможешь выйти из этого пари, — усмехается Илеана, и я удивляюсь, насколько хорошо она вписывается в эту змеиную яму. Может, она и первокурсница, но она такая же порочная, как и два других Идола. — У моего отца есть команда тайной полиции, и я не побоюсь их использовать.

Её угроза не остаётся незамеченной, но я игнорирую её, поднимаюсь на ноги,

отправляюсь на поиски Зака и надеюсь, что парни-Идолы отказались от любого нелепого пари, которое он предложил. Если они поймут, что это уловка, очень плохо. Если девочки расскажут, Харпер автоматически проиграет.

— Да, кстати, — окликает Харпер, и я оборачиваюсь. Она поднимает левую руку и показывает мне массивный камень на безымянном пальце. Кольцо, которое она носит, бьюсь об заклад, его стоимость исчисляется миллионами. Ожерелье, которое я надела сегодня вечером, чтобы разозлить Тристана, по сравнению с ним кажется дешёвой безделушкой. Мне удаётся сохранять невозмутимое выражение лица, даже несмотря на то, что внутри я чувствую, что меня вот-вот вырвет. — Мы с Тристаном теперь помолвлены. Подумала, что тебе, возможно, захочется это знать.

Она, конечно же, ждала, пока я не заключу пари, чтобы выложить эту информацию. Вот подлая, хитрая, психованная сучка. Но знаете, что? Лучшая месть из всех — это та, что я всё ещё не волнуюсь. Если мне нужен Тристан, я, чёрт возьми, заполучу его.

Не говоря ни слова, я поворачиваюсь и ухожу, уже вынашивается новый план в своей голове.

Моё пари с Харпер — это не только часть моего плана мести, но и ради моего отца я готова на всё. От этого зависит нечто большее, чем просто моя чёртова гордость.

Лыжная база представляет собой беспорядок из спортивных сумок, рюкзаков и спящих студентов. Все одеты по погоде: шапки, шарфы, лыжные штаны и ботинки. Миранда выглядит просто великолепно в лавандовом наряде с головы до пят, в то время как я потрясаю розовым нарядом, который она купила для меня в качестве сюрприза. У меня даже не было слов сказать ей, как я благодарна; если бы она не купила его для меня, я была бы одета в джинсы и толстовку с капюшоном.

Джесси и Эндрю потягивают горячий шоколад на большом диване, пока персонал регистрирует нас и начинает распределять по номерам. Что касается меня, то я слишком занята, наблюдая за двойными дверями с вырезанным на них оленем. Зак, кажется, понимает, что я кого-то жду, но ничего не говорит, низко натягивая шапочку на уши и наблюдая за мной. То, как его глаза следуют за мной через всю комнату, заставляет моё тело ныть и пульсировать при воспоминании о нашем поцелуе и его твёрдости между моих бёдер.

Интересно, каково было бы протянуть руку и взять его в ладонь?

Мои щёки пылают, и я поправляю свою бледно-розовую шапочку, когда воющий смех Зейда заполняет всю комнату с её высокими потолками и деревянными балками. В камине потрескивает огонь, он такой большой, что в нём с комфортом могли бы разместиться пятеро студентов. Здесь должно быть по-домашнему уютно, но трудно наслаждаться этим, когда вокруг Голубокровные.

Я сажусь в кресло, пока Миранда рассказывает историю Джесси и Эндрю, так бурно жестикулируя руками, что через несколько минут добрая дюжина людей слушает её и посмеивается. Крид наблюдает за своим близнецом как изголодавшийся мужчина, отчаянно нуждающийся в её привязанности и всё ещё отрицающий это. Это моя постоянная месть ему. Пока он продолжает вести себя как придурок, его мама и сестра на моей стороне.

Тристан, с другой стороны, вот-вот получит сильную пощёчину.

Я так занята наблюдением за дверью и ожиданием, что не замечаю, что Зак ушёл, пока он не возвращается, предлагая мне чашку горячего шоколада и улыбаясь.

— Вот, — говорит он, протягивая его мне, сверху намазывая взбитыми сливками и посыпая шоколадом. Я обхватываю его руками, благодарная за тепло после пребывания на улице. От парковки до входной двери коттеджа было далеко идти. — В конце концов, месть требует средств к существованию.

Я улыбаюсь ему, делая глоток, его огромное тело примостилось на подлокотнике кресла, в котором я сижу. Меня так и подмывает положить руку ему на колено, но зачем? Что бы это вообще значило? Поэтому вместо этого я держу чашечку горячего шоколада в ладонях и медленно потягиваю его.

Миссис Эмбертон вручает мне ключ от комнаты 301 и говорит, что мы с Мирандой будем жить в одной комнате. Вся академия уже знает, что Миранда и Джесси встречаются, поэтому Джесси помещают в комнату со случайной девушкой из Плебеев, которую я никогда раньше не видела. Эндрю и Зак стоят в паре, и мои ладони начинают потеть, когда я замечаю, что Тристан поднимается по лестнице в свою комнату. Я ещё не готова к тому, что он уйдёт. Не сейчас...

Как будто она посещала уроки того, как сделать парадный вход (насколько я знаю, возможно, так оно и было), двойные двери распахиваются с вихрем снега, и входит Лиззи,

одетая с ног до головы в дизайнерскую спортивную одежду, её красно-чёрная клетчатая куртка слегка расстёгнута, виден намёк на декольте.

Она сразу замечает меня, и я встаю, протягивая пустую чашку с горячим шоколадом Заку, прежде чем она обвивает руками мою шею и крепко обнимает меня. Прошлой ночью я отправила ей сообщение, чтобы помириться. На самом деле, я добавила её имя в свой список и вычеркнула его таким же образом.

Судя по разговору, который у меня был с Лиззи прошлой ночью — большая часть которого состояла из её пространственных извинений передо мной и просьб о прощении — она не знает, что Тристан помолвлен. По тому, как она говорит о нём, я могу сказать, что она по-прежнему влюблена в него. Когда я оглядываюсь через плечо и вижу, как он застыл на лестнице, вцепившись одной рукой в перила с побелевшими костяшками пальцев, его взгляд устремлён на неё, я знаю, что он тоже в неё влюблён.

С ней несколько подруг Лиззи, все они одеты в одинаковые шапочки школы Ковентри, сбоку пришит школьный герб. На мой вкус, это немного банально, но приятно видеть, как в комнату влетает рой пчелиных маток, которые на самом деле на моей стороне. От моего внимания не ускользнуло, что Голубокровные оцетинились.

Опекунша Лиззи подходит к стойке и заводит разговор с кем-то из персонала Бёрберри, обнимая мисс Фелтон. На моих губах появляется улыбка, прежде чем я поворачиваюсь к самой Лиззи.

— Наша академия не организует поездки для второкурсников, так что для меня было приятным сюрпризом получить твоё приглашение, — говорит она, её собственное обручальное кольцо сверкает, когда она тянется, чтобы заправить свои чёрные локоны за ухо. Она переводит свой янтарный взгляд на Зака, и они оба застенчиво улыбаются, прежде чем снова обратить своё внимание на меня.

В последний раз, когда я была с ними в одной комнате, моё сердце было разбито надвое. Сейчас намного лучше, потому что на этот раз эту боль почувствуют Тристан и Лиззи. Часть меня болит при мысли о том, что Лиззи может пострадать; она такая милая и искренняя. Невозможно представить, что давным-давно именно она заключила то пари с Заком. Либо они оба сильно изменились с тех пор, либо они так же полны дерьма, как и остальная Голубая Кровь.

— Я рада, что ты здесь, — говорю я ей, и я говорю это серьёзно, даже если всё это часть моего заговора. Фу. Мне не должно быть так трудно мстить. Я бы предпочла просто быть наивной, счастливой цыпочкой без вендетт. Я решаю, что, как только закончу подготовительную академию, навсегда покончу с заговорами о мести. — Я не катаюсь на лыжах, и я слышала, что учиться не так-то просто. Мне нужно, чтобы вы, ребята, по очереди присматривали за мной.

Лиззи хихикает, и это такой нежный, культурный смех. Она тоже хорошенькая и приятная. Я чертовски уверена, что она настолько близка к совершенству, насколько это вообще возможно для любого человека. То есть, если не обращать внимания на пари, которое она заключила с Заком,

Как гадюка, Харпер подползает к нам, сверкая собственным кольцом перед лицом Лиззи.

— *Что...* ты здесь делаешь? — Харпер скалится сквозь свои идеальные, белые зубы. Она бросает на меня взгляд, полный чистого яда, который я притворяюсь, что не замечаю. Лицо Лиззи вытягивается, как только она видит это кольцо, и в воздухе витает напряжение,

которое не имеет ко мне никакого отношения. Я даже не причастна к тому, что они в результате видят.

— *Меня пригласили*, — говорит Лиззи, умудряясь сохранять довольно нейтральное выражение лица. Впечатляет, учитывая, что за тот же промежуток времени Харпер превратилась в уродливого монстра. Как раз вовремя, слева от Харпер появляется Тристан, его серые глаза сосредоточены на Лиззи. Но только на секунду... Затем он переводит своё внимание на меня, и я почти поражаюсь этому.

— *О, милый*, — мурлычет Харпер, вцепляясь в руку Тристана. То, как его рот кривится в усмешке, когда она прикасается к нему, говорит мне всё, что мне нужно знать. Она ему не нравится и никогда не понравится. Не то чтобы это имело значение. Он всё равно женится на ней, если это даст ему больше денег и власти. Мой желудок скручивается в узел в форме бесконечности. — Работяжка пригласила твою старую подружку покататься с нами на лыжах. Я не впечатлена.

— И что ты хочешь, чтобы я с этим сделал? — рявкает он на неё с бесстрастным лицом. — Я же не могу вышвырнуть Лиззи и Черити на улицу, так ведь? — Харпер уставилась на него, прищёлкнув языком в уголке рта и устремив свирепый взгляд на Лиззи. С таким же успехом я могу быть невидимкой. В конце концов, её жених влюблён не в меня.

Во всяком случае, пока.

Однако в глубине души я задаюсь вопросом, смогу ли я когда-нибудь вытеснить Лиззи из этого особого места в груди Тристана. Я вполне могу проиграть пари из-за неё. Я резко выдыхаю, и Зак наклоняется, чтобы взять мою руку и сжать её.

— Вы помолвлены? — шепчет Лиззи через секунду, глядя на Тристана обиженными глазами маленькой лани. Мне кажется, я сейчас заплачу из-за неё. Чёрт возьми. Чёрт, чёрт, чёрт. Что ж, я рада, что уже вычеркнула её имя из списка. Это уже слишком. — Ты... мог бы сказать мне об этом...

— Публично? На вечеринке? Как ты рассказала мне? — рявкает Тристан, его ноздри раздуваются. Он пытается сохранить самообладание, но терпит неудачу. Харпер сейчас выглядит радостной. Я хочу избить её за них обоих. — С чего бы мне это делать? Кто мы друг для друга? Очевидно, что не друзья.

Глаза Лиззи затуманиваются слезами, и я морщусь, сжимая руку Зака в ответ для утешения.

— Ты прав, — шепчет она, — мы не друзья. Но всё хорошо: я пришла сюда не ради тебя. — Она наклоняется, чтобы взять меня за руку, замечает, что Зак сжимает её, и поднимает брови. Я быстро стряхиваю его с себя и хватаю её, вытаскивая из толпы и поднимая по лестнице.

Я думаю, этого достаточно для мести нам обеим.

На этот раз, однако, вкус у неё не такой сладкий.

Лиззи засыпает на моей кровати, поэтому я ложусь на её, а Миранда остаётся с Джесси. Мне интересно, спят ли они, эм, вместе, но я слишком нервничаю, чтобы спросить, поэтому ничего не говорю. Следующее утро мы проводим, сидя в домике и поедая блюда из буфета, потягивая горячее какао и разговаривая о лете.

У большинства Голубокровных есть дома в Хэмптоне, и они проводят там большую часть своего лета. Лиззи и её друзья исключили их из большинства важных светских мероприятий и отказали им в посещении любых своих вечеринок. Даже когда она описывает свои мрачные поступки, она пытается быть милой по этому поводу.

— Я имею в виду, мы никому не причинили вреда... — добавляет она, но я уже улыбаюсь, представляя лица Крида, Зейда и Тристана, когда они появляются на месте предполагаемой вечеринки со своей свитой и не находят ничего и никого. Удивительно.

В дверь входит Тристан, весь в снегу и потный. Когда он видит Лиззи и меня в сторожке, он хмурится, взлетает по лестнице и хлопает дверью. В то время как дискомфорт Лиззи не приносит мне никакой радости, мне очень нравится видеть, как Тристан закатывает истерики, словно ребёнок.

Хотя в воскресенье, когда появляется его отец, становится немного странно.

Я узнала, что это место принадлежит мистеру Вандербильту. Фантастика.

Теперь, когда он видит Лиззи, меня, Эндрю, Миранду и Зака, обедающих в ресторане на следующий день, на его лице появляется такое выражение, которое пугает меня до чёртиков. Уильям Вандербильт мог бы устроить моё убийство, а потом всё это скрыть. Вот насколько он чертовски богат. И совершенно очевидно, что я ему не нравлюсь. Почти уверена, что Лиззи ему тоже не нравится, судя по тому, как его взгляд скользит по нашей группе, отметая всех, кроме нас двоих.

На ужин в этот вечер установлены уличные обогреватели, а блюда подаются во внутреннем дворике. Окружённый снегом и сверкающий мерцающими белыми огнями, он волшебен. Я не случайно надеваю мерцающее чёрное платье, которое Тристан прислал мне на выпускной бал в прошлом году. И... украшения, которые я так тщательно подбираю.

Поправляя часы на правом запястье, я уверенно выхожу на улицу и прохожу прямо мимо столика Уильяма. Его взгляд сразу же падает на красно-чёрные Ролексы, который он подарил Тристану. Если бы я могла описать выражение его лица только одним словом, это было бы *уничтожение*. Я взорвала его мозг.

Мгновение спустя Тристан замечает меня, и на его лице появляется тень страха, когда он переводит взгляд с меня на своего отца. Либо Уильям подумает, что часы мне подарил Тристан, либо ему придётся признаться в том, что он выбросил их в мусорное ведро.

Он хватается за запястье, когда я прохожу мимо, и жар пробегает по моей руке и огнём пронзает грудь. Я без страха смотрю в его серые глаза.

— Во что, чёрт возьми, ты играешь? — спрашивает он, переводя взгляд с ожерелья на часы, а затем обратно на моё лицо. — Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы вы поняли, что то, что вы сделали со мной, было неправильно. Я хочу, чтобы вы в целом лучше относились к людям. Я хочу, чтобы вы знали, что ваши деньги не означают, что вам может сойти с рук убийство. — Я сбрасываю его хватку и протискиваюсь мимо него, направляясь к столику Лиззи. Она наблюдает за тем, как я сажусь, слегка нахмутив брови.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, и она кивает, крутя на пальце обручальное кольцо.

Эндрю тоже наблюдает за ней, и в выражении его лица сквозит мрачная меланхолия, которую я хотела бы стереть. Он вообще не хочет быть помолвленным, не говоря уже о девушке. Меня тошнит от тоски по нему.

— Я в порядке, — отвечает Лиззи с долгим выдохом. Мы обе наблюдаем, как Уильям подзывает своего сына к себе. Произносятся резкие, тихие слова, прежде чем мистер Вандербильт протягивает руку и хватается Тристана за запястье с такой силой, что его сын съёживается. Моё сердце бешено колотится, и я почти встаю. Лиззи накрывает мою руку своей. — Если ты пойдёшь туда, то сделаешь только хуже. — Её голос срывается почти на шёпот, когда Уильям тащит своего сына в сторожку.

Я ничего не могу с собой поделывать.

Я заставляю себя подняться со стула и пробираюсь сквозь толпу к двери, проскальзываю внутрь и мельком вижу двух мужчин, направляющихся в сторону VIP-комнаты на противоположной от бара стороне ложи.

Не уверена, что именно я делаю, но всё равно подкрадываюсь. Дверь закрыта, но я слышу голоса, доносящиеся изнутри.

— ...простолюдинка, носящая *твои* часы.

Тристан хранит гробовое молчание.

— А Лиззи Уолтон? Я запретил тебе видеться с ней. Неужели ты думаешь, что эти твои тайные свидания приведут к чему-то, кроме внебрачного ублюдка-наследника и малолетней шлюхи, от которой мне придётся откупиться? Что, чёрт возьми, с тобой не так?

— Ты имеешь в виду такого ублюдка, как я? Неужели я такое чёртово разочарование? — мой рот приоткрывается от язвительности в голосе Тристана. Раздаётся резкий треск плоти о плоть, и я съёживаюсь, берясь за дверную ручку. Она заперта.

Повисает долгое молчание, как будто, возможно, они ждут, не попытается ли тот, кто стоит по мою сторону двери, сделать это снова. Наконец, Тристан заговаривает, его слова смягчаются.

— Этого больше не повторится, — говорит Тристан низким и хриплым голосом. — Марни, должно быть... подумала, что это нормально — носить мои часы после того, как мы переспали. — *Переспали?! Гадость.* Но я думаю, что это такая же правдоподобная ложь, как и всё остальное.

— Ты помолвлен, сынок, с Дюпон. Нужно ли мне напоминать тебе, насколько это важно? Компания разоряется. Без их денег мы потеряем всё. Если ты хочешь жить в трейлере по соседству со своей шлюхой, тогда, во что бы то ни стало, продолжай бросать мне вызов. — Уильям делает паузу и вздыхает. — И чтобы я больше не видел тебя рядом с Лиззи Уолтон. На этот раз я делаю тебе предупреждение. Тебе не понравится то, что я сделаю в следующий раз.

Я ухожу, прежде чем они вдвоём вернутся.

На этот раз я не радуюсь крови на губах Тристана.

Когда я возвращаюсь в комнату той ночью, я вычёркиваю его имя из своего списка, и меня от этого чертовски тошнит. Я никогда больше не буду использовать Уильяма Вандербильта против его сына. Никогда.

Но в моём телефоне есть запись с его голосом.

Испытай меня, придурок. Попробуй и посмотри, что получится.

Остальная часть зимних каникул проходит без происшествий. Папа больше не приглашает Дженнифер в гости, хотя несколько раз заговаривает о ней. Зак заезжает на Рождество с подарками для меня и папы. Чарли получает пару новых ботинок, пиджак от Кархарт и новый блестящий галстук. Что касается меня, то я кладу ключи в конверт и бросаю взгляд на Зака. На другой стороне есть адрес хранилища.

— Что это? — спрашиваю я, но он просто пожимает плечами, желает нам счастливых праздников и уходит.

На следующий день мы с папой едем на склад, находим место, указанное Заком, и открываем его ключами. Внутри находится золотая педальная арфа.

Мой телефон падает на землю, и я прикрываю рот рукой.

Инструмент, который находится в этом месте, стоит более тридцати тысяч долларов.

— Как мы доставим её домой? — я задыхаюсь, как только наконец справляюсь со слезами и восстанавливаю дыхание. Присаживаясь на деревянный стул рядом с ней, я перебираю пальцами по струнам и вздыхаю от прекрасных нот. — Куда мы её поставим?

— Мы разберёмся с этим, Мишка-Марни, — отвечает Чарли с мягкой улыбкой. А на следующий день он показывает мне милый маленький домик с двумя спальнями в Гренадин-Хайтс, который он снял для нас.

Почти уверена, что это лучшее Рождество, которое у меня когда-либо было.

Ветер треплет мою юбку, заставляя её развеяться вокруг бёдер ровно настолько, чтобы были видны подвязки. Я игнорирую это, прислоняясь плечом к стене Второй башни. Мой пульс учащённо бьётся от волнения, но я взволнована возможностью сделать это, стать гидом для новых студентов. И я гарантирую, что справлюсь со своей работой намного лучше, чем это сделал для меня Тристан Вандербилт. Я не ожидала, что меня вызовут в кабинет директора Коллинз так рано, но такова жизнь ученического наставника. Думаю, они действительно собираются заставить меня заработать эти кредиты. И, эй, может быть, новенький не будет таким большим придурком, как все остальные?

Первый день в подготовительной академии Бёрберри, а в мой шкафчик уже сунули записку с просьбой покончить с собой (так оригинально, кто-бы ни сделал это, придурок). В моей комнате на полу валялся фаллоимитатор, но теперь у меня есть кадры с моих камер, на которых видно, как Сай Пател и несколько его личных дружков засовывают его туда, а затем по очереди фотографируются с моими трусиками.

Хотя всё в порядке. Мне даже не нужны эти фотографии, чтобы уничтожить его. Миранда была абсолютно права: теперь у меня есть фотографии Сая и Эбигейл, целующихся в домике. Всё, что мне нужно сделать, это показать их Грегу, и их игра окончена.

Я смотрю на горизонт, ожидая, когда блестящая чёрная машина академии поднимется на вершину холма. Выпрямившись, я подхожу к крыльцу и жду, пока он катится по кольцевой подъездной дорожке и медленно останавливается, скрипя колёсами по гравию. Кажется, проходит целая вечность, прежде чем водитель наконец выходит и обходит машину, чтобы открыть заднюю дверь.

У меня перехватывает дыхание.

Одна длинная нога, обтянутая идеально отглаженными белыми брюками, высовывается из машины. За ним следует длинная, гибкая фигура, высокая и красивая, с ослепительной белозубой улыбкой.

Я почти забыла все те новостные статьи, которые Миранда совала мне в лицо. Если бы она не прислала мне ссылку на ещё одно разоблачение этого парня, я бы полностью забыла о нём. Самый молодой миллиардер в мире. Десятый в очереди на трон. Правнук королевы долбаной Англии.

Виндзор Йорк.

Грёбаный принц.

— Ну, привет, — говорит он, наклоня голову набок, его глаза мерцают разными оттенками. В серо-голубых глазах плавают золотистые, зелёные и коричневые искорки. Я сразу же очарована этим цветом. Его рыжие волосы короткие, но игриво спутанные, взъерошенные и тёмные, почти малиновые. И эта улыбка... от неё невозможно отвести взгляд. — Виндзор Йорк, к вашим услугам. Вы, должно быть, Марни Рид?

Я киваю, но в горле у меня внезапно пересыхает, и я не нахожу слов.

Принц поправляет лацканы своего пиджака второкурсника и оглядывается по сторонам, с лёгким интересом разглядывая внутренний двор и фонтан. Затем он переводит взгляд на меня, и лёгкий интерес превращается в возбуждённое любопытство. Глаза Виндзора осматривают меня дюйм за дюймом, впитывая мою внешность с головы до ног. Кажется, ему тоже нравится то, что он видит, отчего мои щёки заливаются румянцем, а сердце учащённо

бьётся.

Новый ученик, наставником которого меня попросили стать, — это... принц. Принц. Долбаный принц?!

— Ты довольно симпатичная малышка, да? — спрашивает он чётким голосом с английским акцентом. Если бы я сказала, что мне это не нравится, я бы солгала. Его ухмылка становится ещё шире, и он протягивает мне локоть, чтобы я взяла его. — Я предполагал, что они пришлют какую-нибудь старомодную мымру, чтобы устроить мне экскурсию. Это намного, намного лучше. — Он протягивает мне руку, чтобы я взяла её, а я просто стою там, как идиотка, и пялюсь. Через мгновение он наклоняет голову набок и корчит такую милую гримасу своим ртом, что мои гормоны приходят в неистовство. — Вы не хотите проводить меня, миледи? — спрашивает он, стараясь скрыть свой акцент, потому что это трудно. Тяжело сглотнув, я беру принца за руку, и мурашки ползут вверх и вниз по моей спине — тоже приятные. О нет. Я чувствую, что слишком легко влюбляюсь в горячих парней. Это привычка, от которой мне действительно нужно избавиться. Кто сказал, что этот парень не такой же заносчивый, эгоцентричный и жестокий, как все остальные?

Держу пари, он ещё хуже.

— Я... — начинаю, но потом у меня так пересыхает в горле, что мне приходится сделать паузу и сглотнуть, прежде чем продолжить. — Я имею в виду, мне следует называть тебя принцем? — спрашиваю я, и Виндзор на мгновение замолкает, прежде чем хихикнуть, этим счастливым тихим звуком, который является полной противоположностью всем остальным парням в этой школе — даже Зейду. На самом деле это довольно освежающе.

— Ты знаешь, кто я такой? Это чертовски фантастично. Но принц? Боже, нет. Зови меня Виндзор. Или Винд (*прим. — wind [винд] — ветер*). Или даже Винди (*прим. — windy [винди] — ветреный*), но лучше не надо, если ты заинтересована в свидании со мной, потому что так меня называет моя бабушка. — Он делает паузу и снова улыбается, насвистывая, пока мы идём по двору. Я не совсем уверена, как на это реагировать, поэтому ничего не говорю. Через минуту Виндзор смотрит на меня сверху вниз, слегка нахмурившись и приподняв одну бровь. — Значит, я так понимаю, это «нет»?

— Что «нет»? — спрашиваю я, и он снова смеётся надо мной, но не так, как будто дразнится, скорее, как будто находит меня забавной.

— Не хочешь со мной на свидание? — уточняет он, и мой румянец усиливается. Я смотрю прямо перед собой, в конец коридора, к дверям с витражным стеклом.

— Я не собираюсь ни с кем встречаться в данный момент, — отвечаю я, и слова выходят такими загадочными и полными смысла, что на этот раз обе брови Виндзора поднимаются вверх. Чёрт. Сейчас он выглядит заинтригованным, а я не особенно хочу интриговать кого бы то ни было, даже великолепно красивого принца.

— Жаль, — говорит Виндзор, но, по крайней мере, он произносит это с улыбкой.

Мы протискиваемся через двери в здание часовни... и резко останавливаемся.

Голубокровки стоят сразу за дверью, Тристан и Харпер впереди, Зейд, Бекки, Крид и новенькая Илеана — сразу за ними. Остальные члены Внутреннего круга расположились веером позади них. Когда Тристан видит меня с Виндзором, что-то тёмное загорается в его глазах, и он хмурится, опуская уголки рта.

— Вы Виндзор Йорк? — спрашивает Илеана Тайтингер, накручивая свои тёмные волосы на палец. То, как она смотрит на принца, наводит на ужас, как будто она вполне может съесть его на завтрак. Её форменный топ расстегнут до самых чёрных краёв

кружевного бюстгальтера с фестончатыми краями. Я бросаю взгляд на Виндзора, ожидая, что его взгляд опустится прямо на её декольте. Вместо этого он сосредотачивается на Тристане и лучезарно улыбается.

— Виндзор Йорк, к вашим услугам. Пожалуйста, зови меня Винд. А ты кто такой? — он тянет меня вперёд, держа за руку, подводя вплотную к Голубокровным. То, как Бекки смотрит на меня, я почти чувствую, как её ненависть прожигает дыры в моей коже. Её волосы собраны в пучок и покрыты адским количеством лака, но гигантский кусок, который я отрезала, не скроешь, не сегодня. Ухмылка тронула уголки моего рта, и она это заметила.

— Ты уже представилась принцу должным образом? — шепчет она, имитируя минет рукой, её язык касается внутренней стороны щеки.

— Ну, я ещё не спросила его, хочет ли он чтобы я ему отсосала, но, похоже, он уже интересуется мной больше, чем Зейд был заинтересован в тебе. *«Как только песня закончится, давай вернёмся в мою комнату, и я отсосу тебе»*, — воркую я, подражая её гнусавому голосу. — Могу сказать со всей честностью: от меня никогда не отмахивались так тщательно, как от тебя.

— Я убью тебя, к чёртовой матери! — кричит Бекки, бросаясь вперёд. Зейд хватается за талию и тянет назад. Я ненавижу, что наблюдение за тем, как он прикасается к ней, так сильно расстраивает меня. Его зелёные глаза встречаются с моими, и он стискивает зубы, возвращая её в строй. *«Как только я узнал, что Бекки ударила тебя, я не прикоснулся к ней. Я просто не смог»*. Слова Зейда громко звучат в моей голове, и я улыбаюсь. Это тоже не очень приятная улыбка.

— Чёрт возьми, вы, американцы, сумасшедшие. Мы только что встретились, и ты уже хочешь меня убить? — спрашивает Виндзор, склонив голову набок. Он протягивает руку и поправляет галстук левой, вопросительно приподняв одну бровь. Бекки тяжело дышит и, оттолкнув Зейда, поворачивается и снова свирепо смотрит на меня.

— Не тебя, а маленькая шлюху рядом с тобой. Это наша постоянная Работяжка. Если хочешь дешёвого траха, ты можешь навестить её в Борделе. В противном случае, тебе лучше остаться с нами. — Бекки насмехается надо мной, выражение её красивого лица искажается во что-то ужасное. Я вздёргиваю подбородок, а затем отстраняю её. Просто что-то не так с химией между нами; это не работает. — Ты сука. — Она ухмыляется и снова пытается подойти ко мне, но Тристан протягивает руку, и Голубокровные замирают. Ну, все, кроме Крида. Он откидывается назад и закатывает глаза, прежде чем зевнуть.

Однако Тристан, безусловно, их король.

Его остро-серые глаза горят яростью, когда он смотрит на меня, стоящую там с принцем. Его рот опущен, выражение лица такое же тёмное, как и его волосы. У него такой вид, словно он хочет кого-то убить. Может быть, меня, может быть, Виндзора, я не уверена.

— Добро пожаловать в академию Бёрберри, — говорит Тристан, его голос холодный и со стальными нотками. — У тебя есть выбор: пойти с нами или погибнуть вместе с ней. — Он указывает подбородком в мою сторону, и я, затаив дыхание, перевожу взгляд на Виндзора Йорка. Он уже бывал в подобных школах раньше, в элитных интернатах по всей Европе. Конечно, он знает, как работает иерархия. У меня нет ни единого шанса.

Я двигаюсь, чтобы убрать свою руку из его, когда он крепче сжимает её, одаривая ослепительной улыбкой Идолов и их ближайшее окружение. Глаза Крида встречаются с моими, полуприкрытые и ленивые, как обычно. Но в его груди и плечах есть напряжённость, которую я никак не могу не заметить.

Напряжение тянется между нами и ними, эта нить натянута так туго, что я едва могу дышать.

И тут Виндзор смеётся. Звук лёгкий, воздушный и пушистый. Это почти заставляет меня улыбнуться. Почти. Но потом я ловлю взгляд Зейда, это мутное, растерянное выражение, от которого у меня слёзы на глазах. Я могла бы почувствовать себя виноватой из-за того, что лишила его привилегий на выезд за пределы кампуса и разрушила его музыкальную карьеру, но потом я вспоминаю, как он обнимал Бекки за талию, пока я стояла там, обливаясь красной краской и сдерживая слёзы.

— Раз вы все затеяли такую вендетту против этой девушки, она, должно быть, чертовски особенная. — Виндзор пожимает плечами, ослепительная белизна пиджака подчёркивает, какие яркие у него глаза и рыжие волосы. Я думаю, он чертовски великолепен, но, может быть, это просто потому, что он защищает меня от них? Я понятия не имею. — Спасибо за предложение, но нет, спасибо. Я рискну остаться с самой красивой девушкой в комнате. — Он ухмыляется, когда Тристан хмурится, а Харпер делает шаг вперёд, перекидывая свои блестящие тёмные волосы через плечо. С тех пор как я отрезала этот клочок волос Бекки, она была чрезвычайно осторожна и держалась от меня подальше. Мне придётся придумать другой план. — Кроме того, когда я намереваюсь кого-то уничтожить, мне нравятся сложные мишени. Думаю, что вы чертовски хорошо для этого подойдёте.

— Ты совершаешь огромную ошибку, — мурлычет Харпер, неторопливо продвигаясь вперёд, покачивая бёдрами. Предполагается, что она должна быть с Тристаном, но, похоже, она делает намёки в сторону Виндзора Йорка. Полагаю, она поняла изменения? Я заметила что после того, как Лиззи появилась в коттедже, она провела остаток поездки, избегая своего жениха как чумы. — Мы хозяйка этой школы, Винд. — Она кокетливо улыбается и делает ещё один шаг ближе, когда Виндзор поднимает брови. Они встретились всего две секунды назад, а она уже называет его по прозвищу. Как мило. — Выбор Работяжки в пользу элиты школы — ошибка, которая будет преследовать тебя до конца твоих дней в этой академии. — Она протягивает руку, чтобы коснуться его лацканов, и его улыбка становится приглашающей. Я вижу, как он склоняется к ней, как цветок, тянущийся к солнечному свету, и моё сердце замирает.

Из положительного, я вижу, как хмурый взгляд Тристана превращается в откровенное недовольство.

Харпер позже получит за этот трюк, а мне и пальцем не пришлось пошевелить.

Виндзор приближает свой рот вплотную ко рту Харпер и дышит ей в губы. Она вздыхает и практически падает на него.

— Дорогая, — мурлычет он, его голос ласкает кожу, как шёлк. Я дрожу, когда эти слоги падают на меня, как ласка. — Я герцог Вестминстерский, правнук английской королевы, и обладаю состоянием более девяти миллиардов британских фунтов. Что бы ты ни хотела сказать, кем бы ты ни была, для меня это буквально ничего не значит. — Он толкает Харпер назад, тыча пальцем ей в грудь, и она спотыкается, разинув рот.

Виндзор улыбается; и это уже не милая улыбка.

О-о-о.

Он поднимает глаза и обводит ими группу Голубокровных, как будто что-то ищет. Очевидно, он этого не понимает, потому что на его лице появляется широкая ухмылка, а затем он поворачивается ко мне, сверкая глазами. Мне придётся быть осторожной с этим парнем; он не такой хороший, каким кажется.

Хм-м.

Каким-то образом мне становится легче улыбаться в ответ.

— Кучка самодовольных придурков, — произносит Виндзор, пожимая плечами. — Я могу проследить свою родословную на протяжении веков; мне не нужно ничего доказывать. А ты, — он внимательно оглядывает меня, в то время как вся группа ощетиливается, — очевидно, довольно приятна на вид, и у тебя всё в порядке с головой, чтобы избегать этих засранцев. Тогда, может быть, мы пойдём?

— С удовольствием, — отвечаю я, в моей груди расцветает новая идея.

Голубая Кровь теперь ненавидит Виндзора; Виндзор ненавидит Голубую Кровь.

Это могло бы сработать.

— Это ошибка, о которой ты пожалеешь, — предупреждает Тристан, когда мы проходим мимо, но его голос горит от гнева, а его тёмный взгляд совершенно ясно сфокусирован на Харпер. Хорошо. Мой план с самого начала состоял в том, чтобы позволить их собственным слабостям, ошибкам и грехам выжечь их изнутри. То, как Тристан обращался с Харпер в лимузине, стало моим первым намёком на то, что их отношения не так прекрасны, как Харпер хочет, чтобы они были.

— Я думаю, что это смелый шаг, который принесёт мне часы развлечений. — Виндзор размашисто достаёт своё расписание и передаёт его мне, и мы идём дальше по коридору, оставляя Идолов и их Ближайшее окружение в безопасности позади нас.

— Я так сильно люблю тебя! Если бы меня привлекали мальчики, я бы запала на тебя, — шепчет Миранда резким голосом, глаза наполняются счастливыми слезами. Виндзор ухмыляется и убирает ладонью выбившиеся волосы со лба. Они торчат прямо спереди, как маленький хохолок или что-то в этом роде. — Серьёзно, я целую вечность следила за тобой в новостях. И когда я услышала, что ты приезжаешь в Америку, я поняла. Я просто знала, что ты приедешь в Бёрберри.

— Сегодня я получил довольно неоднозначные приветствия, — говорит он с улыбкой, протягивая руку, чтобы взъерошить мои волосы. Я настолько ошеломлена происходящим, что просто стою там. Зак прищуривает глаза и скрещивает руки на широкой груди, разглядывая принца так, словно он не особенно впечатлён. — Те парни у входной двери, — продолжает он, указывая большим пальцем в направлении внутреннего двора. — Они твои бывшие бойфренды или что-то в этом роде?

— Хм? — я задыхаюсь, и обе, Джесси и Миранда, смеются. — Что? Нет. Нет. Фу. Нет. — Но также, возможно, отчасти, отчасти... Виндзор склоняет голову набок и изучает меня, прежде чем небрежно пожать плечами, что говорит о том, что ему насрать, и в основном ему было просто любопытно. — А что?

— Они все смотрят на тебя с определённым... скажем так «*je ne sais quoi*» (*прим. — я не знаю, что и думать*). — Он смеётся и качает головой. — Обычно я обладаю сверхъестественной способностью угадывать, когда двое людей переспали вместе. Я получил противоречивые сообщения между тобой и теми парнями. — Он снова делает паузу, а затем поднимает ладони вверх, поясняя. — Но не все, только три лидера ринга: сероглазый, ленивый и музыкант.

— Я никогда с ними не спала, — пишу я, когда Зак и Эндрю оба смотрят на меня так, словно пытаются понять, правда это или нет. — Я девственница.

Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить, а затем я стону, прижимая руку к глазам как раз перед тем, как брови Зака в шоке взлетают вверх.

— Зачем я только что это сказала?

— У меня есть привычка вытягивать из людей честность, — объясняет Виндзор, явно настолько самоуверенный, что я ожидаю, что павлиньи перья в любой момент выскочат у него из задницы. Конечно, он очень высокого мнения о себе. — Это особый дар.

Виндзор оглядывает студенческую гостиную — место, где я никогда не тусуюсь, но которое необходимо для любого студенческого тура, — и тянется поправить галстук. У него на плечах пиджака эполеты, которых я никогда не видела ни на чьей другой форме академии, но да ладно.

— Значит, ты уже встретился с Голубокровными? — спрашивает Зак, и Виндзор переводит свой карий взгляд на моего нового друга-футболиста. Он изучает его с полной незаинтересованностью, но не с полным отсутствием теплоты, как могли бы сделать Крид или Тристан.

— Голубокровные? — спрашивает Виндзор, а потом смеётся. Это такой яркий, воздушный звук, что он поражает меня. — Как странно. Да, я встречался с ними. Они сразу же меня невзлюбили. Не могу дождаться, когда переверну их миры с ног на голову. Придурки. — Он морщит нос. — По крайней мере, я знаю, с какими девушками не стоит трахаться. Что не так с этой психичкой, у которой не хватает пряди волос?

Я смеюсь и зажимаю рот рукой, когда группа четверокурсниц вальсирует мимо, а затем останавливается, разинув рты. Виндзор осматривает их всех, кокетливо подмигивает, а затем снова поворачивается ко мне, в его глазах светится любопытство.

— В прошлом году она остригла все мои волосы и покрасила их в ярко-красный цвет, — объясняю я. — Ну, она и Харпер — брюнетка, которая пыталась за тобой приударить.

Виндзор кивает, скрещивая одну руку на груди и подпирая подбородок ладонью другой руки. От него пахнет нарциссами и кремом для обуви, и мне это вроде как нравится.

— Понимаю, понимаю. Так почему же у той до сих пор сохранились все её волосы?

— Я не смогла подобраться к ней достаточно близко, чтобы сделать это, — выпаливаю я, а затем пинаю себя за то, что познакомилась с этим парнем всего две секунды назад, и уже раскрываю все свои секреты. Иисус. Он опасен как ад; мне нужно быть поосторожнее с принцем.

— Имеет смысл, — отвечает он, и тогда Миранда снова начинает изливаться. Я позволяю ей, пока мы продолжаем экскурсию, направляясь из гостиной в столовую. Остальная часть нашей маленькой группы уходит, когда начинается первое занятие этого дня, но у нас с Виндзором есть свободные пропуска на прогулку по кампусу академии. Выбор обширен, и мы заканчиваем примерно в то время, когда в столовой начинают подавать меню на ужин.

Виндзор очарователен, красив, представителен... но мне совершенно ясно, что в то время как некоторые другие, вроде Крида, притворяются, что им наплевать, Виндзору Йорку на самом деле, на самом деле нет.

Он улыбается мне через обеденный стол, и я улыбаюсь в ответ.

Но это всё, на что способны наши отношения.

К сожалению, сразу после этой улыбки он подкалывает меня до тех пор, пока я не начинаю рассказывать правду о том, что произошло в прошлом году. Не то чтобы это имело значение: он всё равно должен был узнать, так что, по крайней мере, сначала он узнает историю от меня.

— С другой стороны, — начинает он, поигрывая вилкой в тонких пальцах, — когда я

потом всё им испорчу, мне не придётся испытывать ни капли угрызений совести. — Виндзор улыбается мне, подмигивает и затем принимается за свой десерт.

На следующий день я заворачиваю за угол здания часовни и обнаруживаю Харпер и её подружек с одной стороны. Виндзора Йорка, напротив, флиртующего с какими-то третьекурсницами. Как только он видит меня, он поднимает два пальца в знак приветствия, прощается со своим хихикающим фан-клубом и направляется в мою сторону. Проходя мимо Харпер Дюпон, он достаёт что-то из кармана, подходит прямо к ней и срезает её конский хвост у основания.

Её друзья визжат, когда она протягивает руки, чтобы дотронуться до своего затылка. Её визг птеродактиля эхом разносится по коридорам, когда Виндзор неторопливо подходит ко мне и бросает в мою сторону конский хвост.

— В знак нашей дружбы, — говорит он, подмигивая мне, когда я, разинув рот, перевожу взгляд с него на группу девушек из Внутреннего круга, порхающих над своим плачущим Идолом. — У нас один и тот же урок, верно? Прогуляешься со мной?

Виндзор предлагает мне руку, и тогда я решаю, что он хороший парень. Действительно чертовски хороший человек.

Когда наступает пятница этой недели, я трачу каждую свободную секунду, которая у меня есть — а это не так уж много, — на поиск новостей о нём в Интернете. Причина, по которой он здесь, в Америке, и в Бёрберри, не из приятных: Миранда была права, когда упомянула, что он врезался на лодке в гавань и серьёзно ранил нескольких завсегдатаев вечеринок.

Кроме того, неудивительно: он главный лотарио. Он уже переспал с десятками известных женщин, а ему всего шестнадцать. Очевидно, он — крупный скандал для короны. Таким образом, хотя технически у него есть собственное состояние, его мать по-прежнему юридически отвечает за него, пока ему не исполнится восемнадцать. Очаровательно.

В те выходные сплетни о вечеринке в лесу распространились со скоростью лесного пожара. Это не клубная вечеринка, но её спонсируют Идолы. Удивительно, но в субботу утром я открываю свою дверь на стук и обнаруживаю, что меня ждёт Виндзор Йорк. Он одет в свободную синюю рубашку с V-образным вырезом, джинсы и что-то похожее на коричневые сапоги для верховой езды.

— Доброе утро, *ma chère*, (прим. — моя дорогая) — говорит он, но на меня это не производит впечатления. Я слышала, как он называл ещё шесть девушек «*ma chère*». Хотя я должна сказать, что его французский безупречен. — Ты получила мои сообщения прошлой ночью? — я киваю и изо всех сил стараюсь не улыбаться. Виндзор присылал мне всевозможные потрясающие статьи с идеями пранков, которые я могла бы использовать против Идолов. На мой вкус, они немного экстремальны — помните: *пусть они повесятся на собственной верёвке*, — но я ценю его усилия. Принц, похоже, с удовольствием взялся за всю эту затею с мстостью. — И ты получила моё голосовое сообщение сегодня утром? Невежливо приглашать даму на свидание с помощью смс, поэтому я сымпровизировал и просто отправил запись своего голоса.

— Как... любезно с твоей стороны, — задыхаюсь я, но всё равно улыбаюсь. — Нет, я не проверяла свои сообщения. Куда именно ты меня приглашаешь?

Его глаза сверкают, когда он выпрямляется и приподнимает бровь, глядя на приоткрытую дверь моей спальни. Со вздохом я отступаю назад и впускаю его. Он окидывает комнату одним взглядом, прежде чем снова повернуться ко мне. Его рыжие волосы красивые и чистые, спереди они торчат торчком. Хотя я не уверена, как это сделано, потому что я не вижу никакого геля. Думаю, это просто его случайная причуда.

— Всякий раз, когда я меняю школу — а я часто меняю школы, — я всегда забочусь о том, чтобы попасть на первую вечеринку года подряд. Я слышал, в лесу будет таковая? Не совсем моя обычная сцена, но я приму и это. — Я улыбаюсь, направляясь на кухню, чтобы приготовить чай. Виндзор наблюдает, как я опускаю пакетик чая Липтон в чашку с тёплой водой и бросаю его в микроволновку.

Он выглядит так, словно его сейчас вырвет.

— Большинству Голубокровных запрещено покидать территорию кампуса до конца года, — объясняю я, нажимая кнопки на микроволновке. Не сбиваясь с ритма, Виндзор тянется через моё плечо и хватается меня за руку, мягко отводя назад. Затем он достаёт чайник из одного из шкафчиков, наполняет его водой и ставит на плиту с одной конфоркой. — Что ты делаешь?

— Завариваю тебе чашку настоящего чая. — Он скрещивает руки на груди и качает головой. — Я не был бы настоящим англичанином, если бы позволил, — он указывает на микроволновку и усмехается, — употреблять это в моём присутствии. Неужели вы, глупые американцы, не знаете, как правильно заваривать чай?

— Есть ли какие-то правила? — спрашиваю я, и он стонет, закрывая лицо руками. Он похож на карикатуру на принца, весь такой нарядный, отвечает широкие поклоны, говорит по-французски. Это почти чересчур. И всё же, мне это всё равно вроде как нравится. — Что ж, извини меня. Я выросла в заброшенном вагоне поезда, питаюсь лапшой быстрого приготовления рамэн и сэндвичами. Моя мама бросила нас с папой, когда я была

ребёнком, и мы делали все, что могли.

Виндзор медленно разводит руки, чтобы посмотреть на меня, и я понимаю, что только что сделала это снова: выложила перед ним все свои чёртовы карты.

Чёрт.

— Л-л-л-ладно, — протягивает он, сильно растягивая букву «Л» в этом слове, — даже если ты совершила злодеяние против короны и королевства своим ужасным чаем, похоже, с тобой всё в порядке. Большинство людей присасываются к денежным членам, как будто они сами придут к ним в рот и сделают их богатыми. Ты же кажешься... не раздосадованной, а скорее испытывающей отвращение к ним. Мне это очень нравится.

— Денежный член? — спрашиваю я, когда чайник начинает закипать, и Виндзор снимает его с плиты с помощью прихватки, которой я никогда не пользуюсь. Он роется в моих шкафчиках и находит рассыпной листовой чай «Английский завтрак», который папа подарил мне на Рождество. К нему даже прилагалось металлическое ситечко и специальная кружка, которой я ещё не пользовалась. Я наблюдаю, как Виндзор готовит для меня чашку. — Это... очень креативная метафора.

— Сравнение: Я употребил слово «будто». — Он ухмыляется и пренебрежительно машет рукой. Он не такой высокий, как Зак, но хорошо сложен, и от него исходит заразительная уверенность. Его волосы почти малинового цвета, но я также уверена, что они натуральные, и изгиб его верхней губы привлекает моё внимание. — Марни Рид, не окажете ли вы мне честь сопроводить меня на сегодняшнюю вечеринку? — он протягивает ко мне ладони. — Не как свидание: ты очень чётко изложила свои мысли о свиданиях. Кроме того, я уже нашёл трёх или четырёх девушек, которые мне нравятся. Я просто надеялся, что мы могли бы пойти как друзья. — Он протягивает мне кружку, и наши пальцы переплетаются. У меня перехватывает дыхание, но Виндзор, похоже, этого не замечает, не так, как Зейд, Крид или Зак. Тристан... к чёрту Тристана.

— Да, конечно, почему бы и нет? — отвечаю я, делая глоток чая. Мои брови взлетают вверх, и Виндзор усмехается, запечатлевая поцелуй на моей щеке. Я говорю себе, что это просто европейская привычка, но то место, к которому прикоснулись его губы, безумно покалывает.

— Увидимся в пять, красавица. — А потом он исчезает, позволяя моей двери захлопнуться за ним.

Зак не рад видеть Виндзора в моей комнате, когда появляется позже с букетом диких зимних цветов в руке. Когда он отдаёт их мне, я заливаюсь тёмно-красным румянцем и трижды запинаясь, пытаюсь произнести слово *спасибо*.

— Вы двое — пара? — спрашивает Виндзор, теперь одетый в свободную шелковистую кремовую рубашку, расстёгнутую почти до пупка. Он засовывает пальцы в передние карманы своих чёрных брюк и, прищурившись, переводит взгляд с меня на Зака. — Ты уверена, что ты девственница? Я могу поклясться, что вы двое переспали.

— Да, но, может быть, твоя интуиция не так удивительна, как ты утверждаешь, — парирую я, но теперь, когда Виндзор заговорил о сексе и Заке в одном предложении, я не могу перестать думать о наших поцелуях. Блин. Я не должна была влюбляться в своего мучителя. В этом нет ничего крутого, феминистского или прогрессивного. Если я слишком усердно думаю об этом, меня тошнит.

И всё же... Зак был очень добр ко мне. Люди могут совершать ошибки, если они признают их и извлекают уроки из своего опыта, верно? Верно? Я так хочу, чтобы Зак Брукс

был оправдан.

Мы выходим через восточную дверь часовни, встречаемся с Мирандой, Джесси и Эндрю, затем направляемся к озеру. Примерно на полпути мы находим костёр, пиво и драку.

О, точно.

Я почти забыла о том электронном письме, которое отправила вчера вечером. Или обо всех изменениях, которые я внесла в свой список.

Месть: Голубая Кровь Подготовительной Академии Бёрберри

Список, составленный Мирандой Кэбот Марни Рид

Идолы (парни): Тристан Вандербильт(первый второй курс) , Зейд Кайзер(первый второй курс) и Крид Кэбот(первый второй курс)

Идолы (девушки): Харпер Дюпон (первый второй курс), Бекки Платтер (первый второй курс) и Джинна Уитли (четвертый курс) (выпустилась), Илеана Тайтингер (первый курс)

Внутренний круг: Эндрю Пейсон, Анна Киркпатрик, Майрон Тэлбот, Эбони Питерсон, Грегори Ван Хорн, Эбигейл Фаннинг, Джон Ганнибал, Валентина Питт, Сай Патель, Мэйлин Чжан, Джален Доннер... и, думаю, я! Киара Сяо, Бен Трешер

Плебеи: все остальные, извините. ХОХО

Зак Брукс

Лиззи Уолтон

Сай Патель занимается этим с Эбигейл Фаннинг, которая, как предполагается, встречается с Грегори Ван Хорном; я отправила доказательства по электронной почте на суд всем Голубокровным. И поскольку я так сильно ненавижу Грега, я удвоила усилия и отправила видео с его издевательствами нам Эндрю Криду. Я уже вычеркнула имена его и Джона, потому что, ну, они не продержатся всю ночь.

Они почти слишком упростили для меня задачу.

— А я-то ожидал, что сегодняшний вечер будет скучным, — заявляет Виндзор, его улыбка такая яркая, что она выделяется в темноте белым пятном. Горит костёр, люди пьют и танцуют, но большая часть внимания падает на Грега, Сая и Эбигейл. Там много плача, просьб, умаливаний, и так далее, и тому подобное. На самом деле всё выглядит довольно скучно, после того, что случилось с Джален, Эбони и Тристаном. Кроме того, однажды обманувший остаётся мошенником навсегда. Честно говоря, я шокирована тем, что Грег принял Эбигейл обратно после того, как Тристан разоблачил её за то, что она переспала с ним в прошлом году.

— Что это? — спрашивает Крид, подходя к нам и протягивая свой телефон. Его взгляд из-под полуприкрытых век падает на Виндзора, когда ухмылка принца исчезает, и её место занимает нечто гораздо более хищное. — Пейсон?

— Я больше не отчитываюсь перед тобой, — устало говорит Эндрю, тяжело выдыхая. Но он знает, что я отправила видео. Я позаботилась спросить, потому что, знаете ли, никакого дружественного огня. — Но на что это похоже, чувак?

— Они и тебя беспокоят? — спрашивает Крид, поворачиваясь к своей сестре. Мне неприятно это признавать, но он выглядит чертовски сексуально в чёрной рубашке на пуговицах и джинсах. Его наряд помят ровно настолько, чтобы выдавать его беззаботность.

Миранда задирает нос к своему брату, берёт Джесси за руку и тащит её сквозь толпу к бочонку. Когда Крид поворачивается ко мне, Зак делает шаг вперёд и слегка толкает меня себе за спину. Это защитное движение в некотором роде очаровательное, но в то же время... Я могу сама о себе позаботиться. Я подхожу к нему, когда Виндзор насвистывает себе под нос.

— Отвали, Брукс, — говорит Крид, его голос такой резкий, что у меня мурашки бегут по коже. Сегодня вечером он *не* в настроении для этого дерьма. Он оглядывается на меня, в его льдисто-голубых глазах отражается оранжевый свет от огня. Когда он откидывает со лба прядь своих белокурых волос, моё сердце делает сальто, и я довольно твёрдо говорю ему сидеть спокойно и забыть о Криде Кэботе. — Они что, издеваются над моей сестрой? — требует он, но я просто скрещиваю руки на груди.

— Разве это имеет значение? Ты сказал им прекратить нести свою гомофобную чушь, а они продолжают это делать. Разве это не подрывает твой авторитет Идола? — я небрежно пожимаю плечами, но потом напоминаю себе: самая важная часть твоего плана начинается здесь. Делая шаг вперёд, я кладу руку Криду на плечо, и всё его тело напрягается.

Наши глаза встречаются, и мне приходится трижды сглотнуть, прежде чем я вспоминаю, как говорить. На долю секунды мне хочется закрыть глаза и перенестись назад во времени, на зимний бал.

— Это «да» или «нет»? — говорит он таким жизнерадостно-пресыщенным голосом, что моё сердце на самом деле трепещет. Несмотря на то, что его глаза едва открыты, а тело выглядит бескостным и измученным от скуки, он также выглядит так, словно убьёт кого-то. Это видно по тому, как его длинные пальцы сжимают телефон. Поскольку люди, которых он собирается убить, — это Джон и Грег, я полностью за это.

— *Я больше никогда не предаю доверие твоей сестры*, Крид, — отвечаю я, но это в значительной степени уклончивый ответ, потому что, когда Эндрю впервые показал нам видео, лицо Миранды напряглось, и она посмотрела на Джесси так, словно отдала бы всё, чтобы защитить её. Издеваются не над Мирандой, а над её девушкой.

Он энергично кивает подбородком, как будто хоть немного уважает мой ответ.

Когда он поворачивается и направляется к месту драки, Сай истекает кровью, Эбигейл исчезла в лесу с Эбони — думаю, изменщики собираются в стаю, — а я занимаю позицию на поваленном бревне, чтобы наблюдать за шоу.

— Это невероятно интересно, — шепчет Виндзор, проходя мимо меня, его аромат нарцисса и полироли витает в воздухе, когда он останавливается рядом со столиком с напитками и начинает смешивать коктейли, как чёртов бармен. Когда он предлагает мне один из них, я отказываюсь.

— Мой отец — выздоравливающий алкоголик, — объясняю я, и Виндзор пожимает плечами.

— То же самое и с моим, только сейчас он мёртв, так что, я думаю, он не может выздоравливать. Выпей один глоточек, это тебя не убьёт. — Зак рычит на него почти в буквальном смысле, и двое мужчин вступают в странное небольшое противостояние. Они только что познакомились, и мне не нравится их напряжённость. — Тогда поступай как знаешь, — отвечает Винд, опрокидывая сначала один стакан, а затем следующий.

— Ты ему нравишься, — произносит Зак, когда Виндзор уходит, чтобы приготовить ещё один напиток. Я отчаянно пытаюсь понаблюдать за ситуацией с Кридом, Грегом и Джоном, но сильная нотка ревности в голосе Зака привлекает моё внимание. Я вопросительно смотрю на него, а он смотрит на меня в ответ со своим мрачным, непроницаемым выражением лица.

— Он только что познакомился со мной, — отвечаю я, но Зак уже качает головой.

— Я парень, Марни. То, как он смотрит на тебя... ему интересно. — Я пожимаю плечами, но в моём животе разгорается маленький тёплый огонёк, который я отчаянно пытаюсь потушить. Я не хочу, чтобы Виндзор интересовался мной. У меня и так хватает проблем с парнями.

— Он интересуется практически каждой девушкой в школе, — отвечаю я, и это правда. Даже если Зак прав, и Виндзор заинтересован, это поверхностно, небрежно. Он игрок, а не подходящий партнёр. Если бы я хотела быстро, гм, *потрахать*, то он был бы тем парнем, который мне нужен. Если бы я хотела парня... Моё внимание переключается с Крида на Зака.

— Он, вероятно, убьёт их прямо здесь, — говорит Зейд, заставляя меня подпрыгнуть, когда он появляется из тени. — Вы только что подписали им смертный приговор. — Он курит гвоздичную сигарету, запах которой так хорош, что не передать словами, но которую я отчаянно хочу вырвать из его испачканных чернилами пальцев. Эти штуки в десять раз хуже обычных сигарет. О, да ладно тебе, Зейд Кайзер...

— Они это заслужили, — отвечаю я, и он взывает от смеха, опрокидывая красную кружку, наполненную пивом.

— Да, конечно, может оно и так. И всё же Крид, блядь, убьёт их. — Он садится на бревно рядом со мной, пока Зак свирепо смотрит на него, а Виндзор флиртует с какой-то случайной цыпочкой за столиком с напитками. Я игнорирую всё это и возвращаюсь к борьбе.

— Я, блядь, покончил с вами обоими, — говорит Крид, когда Грег и Джон обмениваются взглядами. Не похоже, что они его особенно боятся. Хотя так и должно быть. Они действительно должны быть такими. — Я же говорил тебе, чтобы ты отвязался от Эндрю и Миранды.

— Мы никогда не прикасались к Миранде, — говорит Джон, с важным видом выступая вперёд.

О-о-о.

Его карие глаза горят вызовом, когда он засовывает пальцы в передние карманы и вздёргивает подбородок.

— Хотя, возможно, если бы мы это сделали, она бы больше не была грёбаной лесбиянкой. — Наступает момент, когда всё стихает, если не считать потрескивания костра и шума ветра в деревьях. Когда Крид двигается, его беззаботная непроницаемость исчезает, и он превращается в машину для убийств. Он вонзает Джону в горло такой удар, что тот падает обратно в объятия своего друга.

Вот тогда-то и начинают проявляться трещины, и все мои планы воплощаются в великолепный момент.

— Какого хрена, чувак? — Грег рычит, на его губах кровь от драки с Саем. — Ты думаешь, мы все не читали о том дерьмовом пари, которое ты заключил с нашей собственной сестрой, в дневнике этой шлюхи? Ты лицемерный мудака. Отвали.

Крид хватает Джона за рубашку, дёргает его вперёд и швыряет в грязь, прежде чем броситься на Грега. На этот раз мне даже не нужно это снимать, потому что все остальные уже это делают. Кроме того, мне больше не нужны проклятые кадры с Кридом. Как бы то ни было, это не входит в его список вещей, за которые я хочу, чтобы он заплатил. Я не оправдываю насилие, но это почти достойно восхищения.

— Что, чёрт возьми, происходит? — как только я слышу визг птеродактиля, я знаю, кто это. Харпер Дюпон появляется из-за деревьев, одетая в Лабутены и какое-то модное дизайнерское платье, которое так высоко задирается на её бёдрах, что я вижу под ним кружевные белые трусики. Она стремительно пересекает поляну и встаёт перед Кридом, как раз после того, как он сбивает Грега с ног ударом в живот. — Оставь их в покое, — шипит она, и толпа дружно вздыхает.

Идол против Идола.

Я вроде как надеялась, что это может случиться.

У Харпер всегда были свои люди; у Тристана всегда были свои.

Что он сказал в тот день в лимузине?

«Если ты продолжишь болтать, я вышвырну тебя прямо из этого лимузина, и тогда мы выясним, кто больше нравится Плебеям — их королева... или их король. Не испытывай меня, Харпер.»

На коже этого двора давно были трещины, и из них текла голубая кровь задолго до того, как я обратила на них своё внимание.

Мгновение спустя появляется Тристан, проводя рукой по лицу. На секунду я представляю, что они с Харпер занимались сексом в лесу, и меня подташнивает. Но потом я понимаю, что они, вероятнее всего, ссорились. Она слишком взвинчена, он слишком взбешён.

— Крид отдал этим придуркам приказ, и они его нарушили, — огрызается Тристан, обходя небольшую группу, как лев в клетке, встряхивающий гривой. — Оставь его в покое, пусть сам вершит правосудие.

— С каких это пор ты так заботишься о Кэботе? — Харпер рычит на него в ответ, её тёмные волосы коротко подстрижены и пушатся. Это довольно удивительное зрелище, не буду врать. Она ещё не заметила, что я или Виндзор здесь; я думаю, когда она это заметит, с ней снова случится припадок. — Что? Вы двое теперь тоже стали геями?

Штормовой взгляд серых глаз Тристана оживает с утончённой жестокостью, намёк на злобу балансирует на тонкой, как лезвие, грани его взгляда. Он прекрасно выглядит в своей голубой рубашке, сером шерстяном пальто и чёрных брюках, как модель, направляющаяся на съёмку. Его волосы цвета воронова крыла сияют в свете костра, отбирая все тонкие голубые блики.

Он делает круг и в конце концов оказывается рядом со мной. В отличие от Харпер, он не упустил из виду ни меня, ни принца, стоящего там, в тени. Его челюсть сжимается, и он отворачивается, возвращаясь к своей невесте.

— Если ты подрываешь авторитет Крида, ты подрываешь и мой авторитет. Ты знаешь правила: ты контролируешь девушек, а я контролирую парней. Не порти всё это из-за того, что ты злишься из-за своих волос. — Слова Тристана холодны, жестоки и точны, как удар ножом в живот.

Глаза Харпер расширяются, и она впервые смотрит мимо него на меня и Виндзора, прежде чем снова перевести взгляд на Тристана.

— По крайней мере, Джон и Грег всегда на моей стороне, — говорит она, пока двое парней помогают друг другу подняться, истекая кровью и постанывая. Крид выглядит невозмутимым, почти скучающим.

— Так ли это? — спрашивает Тристан, подходя и становясь перед Харпер. — Они всегда на твоей стороне? Потому что в прошлый раз, когда мы тусовались, всё, что они делали, это несли чушь о твоей маме и сетовали на то, что мы теперь вместе, поэтому они больше не могут с тобой спать.

Кто-то театральнo ахает, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть Бекки с кружкой в одной руке, а другую она поднесла к горлу, словно в шоке. Она всегда была королевой драмы. Как с Кридом и Тристаном, её, должно быть, убивает то, что не она королева школы. Поскольку я ещё не приступила к своей мести девушкам, я делаю мысленную пометку воспользоваться этой слабостью.

— Правда? — огрызается Харпер, одёргивая платье спереди и на мгновение закрывая глаза. Когда она открывает их, они пылают яростью. — Потому что всё, о чём я слышу от девчонок, — это то, что ты перестал трахаться с ними задолго до начала второго курса. Ты перестал трахаться с ними вскоре после того, как заключил то дурацкое пари с Кридом и Зейдом. Если бы я не знала тебя лучше, я бы сказала, что ты равнодушен к Работяжке. Может, мне позвонить твоему отцу и рассказать ему об этом? — она раздражённо отворачивается, и половина Голубокровок уходит вместе с ней, включая Грега и Джона.

Как только они уходят, наступает момент тишины. Никто не двигается, никто не говорит. Я не вижу лица Тристана, но его плечи так напряжены, что кажется, будто ему больно.

Наконец, Крид делает первый шаг, направляясь к столику с напитками и наливая себе неразбавленную водку. Он опрокидывает её, усмехается и прикрывает рот рукой. Снова заиграла музыка, и Виндзор подошёл и встал рядом со мной. Кажется, его не волнует, что Зейд сидит прямо рядом со мной.

— Должен сказать, я только что приехал в Бёрберри, но совершенно очевидно... — Виндзор протягивает руку и убирает прядь волос с моего лба, заставляя меня вздрогнуть, когда наши глаза встречаются в свете камина. — Что те, кто думает, что они главные, на самом деле выполняют чьи-то невысказанные приказы. — Он подмигивает мне, прежде чем протянуть руку и пригласить на танец.

Я обмениваюсь взглядом с Заком и обнаруживаю, что его лицо — непроницаемая каменная стена. Моя рука, кажется, тянется сама по себе. Пальцы Виндзора обвиваются вокруг моих, и он поднимает меня на ноги. Зейд бормочет что-то себе под нос, чего я не расслышала, и когда Виндзор тащит меня в толпу, я ловлю на себе его зелёные глаза, наблюдающие за нами с завистью.

«Никто не будет танцевать с тобой так, как это делал я» — говорит выражение его лица. *«Никто не может приспособить твоё тело к своему так, как это могу я».*

Я отворачиваюсь и сосредотачиваюсь на карих глазах Виндзора, когда он кружит меня в королевском вальсе. Нет, он танцует не так, как Зейд, но, тем не менее, обладает впечатляющими навыками. После нескольких песен за дело берётся Миранда, затем Зак.

Может, он и не такой грациозный, как Виндзор, не такой проворный, как Миранда, и не такой чувственный, как Зейд, но он большой, тёплый, и он держит меня так крепко, что мне кажется, я никогда не смогу упасть, если он будет держать меня.

Мы не прекращаем танцевать до тех пор, пока рассвет не поднимет свои яркие

маленькие пальчики над краем горизонта.

— В этой истории есть нечто большее, чем ты рассказываешь, — говорит Виндзор, сидя на краю одного из многочисленных школьных кашпо.

Часть моих занятий по биологии в этом году включает в себя помощь в саду академии. Предполагается, что я должна показывать Виндзору, что делать, но вместо этого он каким-то образом оказывается сидящим и болтающим, пока я выполняю всю работу. Я откидываюсь на спинку стула, вытираю руки о колени комбинезона и пристально смотрю на него. Мы находимся в теплице, так что здесь достаточно жарко, чтобы я вспотела. Я провожу рукой по лбу.

— Конечно, в этой истории есть что-то ещё, — отвечаю я, вытаскивая морковку и для убедительности помахивая перед ним оранжевой частью. — Но мы только что встретились. Я не собираюсь раскрывать тебе все свои секреты, несмотря на то, что ты можешь подумать.

Виндзор ухмыляется мне до тех пор, пока я не роняю морковку ему на колени, пачкая грязью его безупречный комбинезон. Он морщит нос, но бросает овощ в корзину, прежде чем вытащить ещё несколько. Я предполагаю, что это самая масштабная работа в саду, которую принц когда-либо проводил.

— Я собрал воедино довольно много информации о твоих выходках из академических сплетен, и я видел, как твои усилия отражались на вечеринке. — Виндзор бросает свою четвертую морковку в корзину, прежде чем встать и провести ладонями по переду комбинезона. — Я хочу помочь. — Я скептически смотрю на него, и он смущённо улыбается мне сверху вниз. — В конце концов, они угрожали мне с того момент, как я переступил порог. Я же не могу просто оставить это, не так ли?

Я фыркаю, вытаскиваю из грязи последнюю морковку и кладу её в корзину, прежде чем встать и повернуться лицом к Виндзору.

— Не притворяйся, что это всё ради меня, — говорю я ему, поднимая корзину и направляясь к большой промышленной раковине в углу. Я осторожно перекладываю корзинку с морковью в таз из нержавеющей стали и включаю съёмный кран, чтобы ополоснуть её. После этого мы отнесём их на кухню, и остаток дня у нас будет свободным. — Я копала под тебя: а Миранда практически эксперт по твоей жизни. — Грязь стекает в канализацию, когда я смотрю на красивое лицо принца. Он действительно выглядит как член королевской семьи, почти слишком совершенный, чтобы быть реальным, как будто он должен существовать на картине или скульптуре, а не в реальной жизни. — У тебя репутация человека... Как бы это сказать, хулигана, которому нравится издеваться над хулиганами. — Я выдыхаю. Это глупо, но это правда.

Виндзор не делает вид, что отрицает это, но он тянется к раковине, хватая морковку и откусывает кончик. Когда он протягивает руку и проводит испачканным грязью большим пальцем по моей нижней губе, мои колени серьёзно слабеют, и мне приходится ухватиться за край раковины, чтобы не пошатнуться.

Этот парень неисправимо флиртует со всеми, и хотя я это знаю, это не мешает мне любить его поступки.

— Мне нравится ловить крупную добычу, — говорит он с ухмылкой, — это правда. Мне нравится бросать вызов, Марни. Позволь мне помочь тебе так, как не могут твои друзья.

Виндзор подходит ко мне и обхватывает моё лицо своими грязными ладонями.

— Они все были здесь в прошлом году. Были ли они соучастниками или нет, все они связаны между собой. Но не я. Я новичок, никаких обязательств, никаких скрытых мотивов. Я просто нахожу забавным унижать тех, кто думает, что они слишком высоко залезли, чтобы упасть. — Он внезапно отпускает меня и отступает назад, прислоняясь к стене под окном. Холодное зимнее солнце проникает внутрь и делает его волосы похожими на кровь. То, как его карие глаза изучают меня, создаёт ощущение, что он раздевает меня догола. — В этом нет ничего плохого, не так ли? Кроме того, что плохого в том, чтобы иметь лишнюю пару глаз, прикрывающих твою спину?

Я вздыхаю, но ничего ему не отвечаю. Мы познакомились неделю назад. Что я могу сказать, я не доверяю этому парню.

Однако к концу этой недели... происходит кое-что, что заставляет меня начать.

Нет ничего, что я ненавижу так же сильно, как плавание; не из-за самого занятия, а потому, что оно оставляет меня одинокой и уязвимой перед каждой девочкой в этой школе, которая меня ненавидит.

Теперь, когда я в команде поддержки, мне не нужно много этим заниматься, но Бёрберри — старомодная академия, которая по-прежнему требует, чтобы ученики научились плавать, прежде чем им разрешат завершить учёбу. Миранда жаловалась на это всю неделю, громко заявляя, что государственные школы больше так не делают, и что это несправедливо и непрактично.

— Какое отношение плавание имеет к выживанию в современном обществе? — спрашивает она любого, кто готов слушать, но это не имеет значения. В пятницу ученики группами переодеваются и по очереди плавают в бассейне для тренера Ханны.

Я вхожу в последнюю группу этого дня, в которую входят такие люди, как Харпер, Бекки и Айлин. Поговорим о сырой сделке.

Мы переодеваемся, и я подвергаюсь чрезмерному количеству щелчков оттянутого бюстгалтера со стороны других девушек. К тому времени, как мы действительно выходим из раздевалки и направляемся к бассейну, моя спина розовеет и болит от того, что мой купальник дёргали и щелкали на мне. Это приводит в бешенство, но я уже однажды нарушила своё правило *без насилия* и больше так низко опускаться не буду. Пусть они придираются ко мне: у меня запланированы вещи получше.

Мы все залезаем в бассейн для разминки, растяжки и следуем за тренером Ханной, когда она выполняет упражнение на суше. Примерно на полпути ей звонит её дочь, которой осталось всего несколько дней до рождения ребёнка. Она коротко извиняется, и я вздыхаю, покачиваясь в воде, желая, чтобы этот день поскорее закончился. Я знаю, что умею плавать, не только благодаря прошлогодним занятиям физкультурой, но и потому, что провела лето, тренируясь.

Чего я не понимаю, пока не становится слишком поздно, так это того, что девушки медленно образуют вокруг меня круг. Харпер ухмыляется мне, когда я, наконец, замечаю тот факт, что меня окружают как представители Голубой Крови, так и Плебеи.

Я осторожно вздыхаю и провожу ладонью по своим мокрым волосам.

— Чего ты хочешь, Харпер?

— Чего я хочу? — спрашивает она, шокировано расширяя глаза, как будто я только что лично оскорбила её или что-то в этом роде. — Я хочу вернуть свои грёбанные волосы назад.

— Ага, мы все этого хотим, — раздражённо отвечаю я, уставшая, переутомлённая и готовая лечь спать. — И что с того?

Харпер насмехается надо мной — выражение, к которому я уже давно привыкла. Я не возражаю, когда она это делает, потому что чего она не знает, так это того, что она не красива, когда так хмурится.

— Я не знаю, что ты сделала, чтобы так быстро привлечь принца на свою сторону, возможно, раздвинула ноги или что-то в этом роде, но мне это не нравится. Ты настроила его против нас, когда он должен был быть на нашей стороне; честно говоря, мы должны выгнать Зейда или Крида, а Виндзор должен стать новым Идолом. — Харпер подплывает ближе ко мне, и я отступаю, но деваться некуда. — Я преподам тебе небольшой урок о том, как не надо портить моё настроение во время моих вечеринок. Дамы. — Она делает жест подбородком, и все девочки подплывают ближе, хватая меня за плечи, за руки, даже вырывая пряди моих волос.

Прежде чем я успеваю осознать, что происходит, они толкают меня вниз.

Я так потрясена, что случайно делаю вдох, хлорированная вода врывается в мои лёгкие, перехватывая дыхание. Я начинаю задыхаться, но от этого становится только хуже, потому что теперь я вдыхаю воду огромными глотками. Мои руки и ноги дёргаются, а ногти царапают кожу ближайших ко мне девушек, но это ни к чему хорошему не приводит. Их так много, что они удерживают меня под контролем без особых усилий.

Время, кажется, замедляется до ползания, так что я воспринимаю каждую секунду как целую минуту. Я вижу их ноги, танцующие под водой, изгибы тёмно-синих купальников, выданных академией, на бёдрах. Мой взгляд, кажется, зацепляется за чёрную цифру четыре на стенке бассейна, указывающую глубину воды.

Неужели это происходит на самом деле? Я думаю, что сила и скорость моей борьбы резко замедляются. Я действительно утону в ёбанных четырёх футах воды? (прим. — 4 фута = 122 см)

Моё зрение начинает темнеть по краям, в то время как в центре мерцают маленькие белые звездочки. Как только это начинает происходить, всё, о чём я могу думать, — это мой папа и то, как сильно я буду по нему скучать. Мои следующие мысли... не имеют большого смысла.

Я думаю о Заке, о Тристане, Криде и Зейде. Будет ли кто-нибудь из них скучать по мне? Будет ли кому-нибудь из них небезразлично, что я умру? Я знаю, что Миранда будет скучать, и Эндрю, вероятно, тоже.

Но вскоре и эти мысли исчезают, и меня начинает клонить в сон.

Следующее, что я помню, — огромный всплеск, который укачивает меня и ослабляет хватку девушек, держащих меня. Сильные руки обхватывают меня за талию и вытаскивают из воды, прежде чем поднять на край и уложить плашмя на край бассейна.

Кто-то склоняется надо мной, но я не могу разглядеть, кто это. Моё зрение слишком рассеянно, и я чувствую, что моё сознание то приходит, то уходит. Мой таинственный спаситель накрывает мои губы своими и вдыхает в меня жизнь.

Это последнее, что я помню перед тем, как проснуться в кабинете медсестры.

Официальная версия такова, что я вышла из бассейна, чтобы воспользоваться туалетом, споткнулась, упала и ударилась головой, прежде чем упасть в бассейн.

Заманчиво выдать девушек, но есть пятнадцать противоречивых историй, которые могут соперничать с моей, поэтому я ничего не говорю. Вызывают Чарли, но медсестра настаивает, что ему незачем ехать сюда, и у него всё равно есть работа... Но я, конечно, хотела бы его увидеть.

Это было чертовски страшно. Я чуть не умерла. Никогда бы я не поверила, что девушки действительно будут так сильно давить на меня.

Оказывается, Виндзор Йорк — это тот, кто спас меня.

Зак выглядит ужасно из-за чувства вины и остаётся рядом со мной весь день, пока медсестра не выпишет меня. Миранда, Джесси и Эндрю тоже приходят навестить меня, но только вернувшись в своё общежитие, я обнаруживаю, что Виндзор ждёт меня. Зак слегка напрягается, но двое мужчин, по крайней мере, вежливы друг с другом, когда мы приближаемся, и Виндзор отталкивается от стены.

— Ах, миледи, — говорит он, беря меня за руку и прикладывая костяшки моих пальцев к своим губам. — Она жива.

— Благодаря тебе, — говорю я, чувствуя, как меня охватывает холодная, испуганная тошнота. Месть была сладкой... пока не перестала быть таковой. Теперь я в ужасе. Я понятия не имела, что это превращается в противостояние жизни и смерти. Слова Крида эхом отдаются в моей голове: *«Девочки хотят тебя убить. Остерегайся их»*.

— Мм-м-м. — Виндзор отпускает мою руку и изучает меня с очень серьёзным выражением лица. Позади меня мои друзья расходятся веером, как отряд телохранителей. Интересно, может, мне стоит позвонить Кэтлин Кэбот и попросить вернуть этого Кайла? Я не видела его в кампусе несколько недель, так что, полагаю, он уехал. Хотя я знаю, что она без колебаний послала бы его или кого-нибудь ещё присматривать за мной. — Если быть до конца честным с тобой, я направлялся в бассейн только для того, чтобы полюбоваться тобой в купальнике. Мои действия были не совсем благородными. — Он отступает от меня и вздыхает, и, если бы он был кем угодно, только не новеньким, переведённым в академию, я бы подумала, что он в этом замешан, как будто он подстроил утопление только для того, чтобы спасти меня.

— Ну, всё равно спасибо, — говорю я, и мы стоим, уставившись друг на друга, ещё несколько мгновений, пока Зак не откашливается. Всё, о чём я могу думать, нащупывая ключ в кармане халата, — это о том, что губы Виндзора были на моих губах, а я была слишком не в себе, чтобы помнить. Каким-то образом сосредоточенность на том, что это не совсем поцелуй, мешает мне осознать, насколько глубоко заходит это дерьмо.

Клуб Бесконечность жаждет моей крови.

Буквально.

Я вхожу внутрь... и все следуют за мной.

Вместо того, чтобы бороться с этим, я принимаю тот факт, что я не одна, позволяя Заку уложить меня в постель, прежде чем Миранда забирается поверх одеяла и обнимает меня. Джесси свирепо смотрит на меня, и это забавно, потому что, к сожалению, моя ориентация «прямая» как стрела. Если бы ориентация была выбором, я бы на сто процентов выбрала быть лесбиянкой. Жизнь была бы не только проще, но я чертовски уверена, что Миранда — гораздо более безопасный выбор для свиданий, чем кто-либо другой в Бёрберри.

Виндзор уходит, чтобы захватить свой — приготовьтесь — личный чайник, чашки, блюдца и произвольный ассортимент своего любимого листового чая, чтобы приготовить нам настоящий послеобеденный чай в комплекте с бутербродами, которые он стащил с кухни.

Парень находится в Бёрберри всего две недели, и ему удалось завоевать сердца библиотекарей, кухонного персонала и обслуживающего персонала кампуса. Буквально вчера я вышла на улицу и увидела, как он ведёт девушку в здание, где хранятся все

газонокосилки и прочее.

Извращенец.

После того, как мы поели, Миранда ставит *Не очередной подростковый фильм*, который заставляет всех в комнате стонать.

— Это любимый фильм моей мамы, — говорит Зак, но в итоге мы всё равно расслабляемся и смотрим его. Он всё ещё забавный, даже если и старый.

— В следующем году я пойду на Хэллоуин в образе Джейни Бриггс, — заявляет Миранда, собирая свои светлые волосы в конский хвост, чтобы подражать печально известному образу главной героини «очки, конский хвост и комбинезон, покрытый краской». Я бросаю на неё взгляд, потому что мы все знаем, что она ни за что так не поступит. Она не наденет на Хэллоуин ничего, что не было бы милым и, хотя бы немного откровенным. Она говорит, что не придерживается правила «коротко и распутно», но это так, и ей это нравится. Хотя в этом нет ничего плохого.

— Вы, Американцы, и ваш Хэллоуин, — растягивает слова Виндзор, сидя в кресле в углу. Он единственный, кого нет в постели, и меня это устраивает. Мне и так трудно вспомнить, как дышать, когда Зак сидит так близко ко мне, его огромное тело практически поглощает моё.

— Ты хоть понимаешь, что даже когда я редко бываю рядом с тобой, ты начинаешь по крайней мере половину своих предложений со слов «Вы, Американцы», — язвительно замечаю я, делая пальцами маленькие кавычки. Я опускаю руки обратно на колени, прежде чем понимаю, что они всё ещё дрожат. Почти уверена, что я устала, но в то же время мне страшно ложиться спать. Как только я это сделаю, мне придётся вспомнить ту темноту, которая надвигается на меня, воду, душащую меня, жгучую боль в моих лёжих...

— Над вами просто восхитительно весело подшучивать, — говорит он, пожимая плечами и снова надевая куртку. Я предполагаю, что он получил специальное разрешение добавить эти чёртовы эполеты. Они выглядят чертовски нелепо, но я полагаю, что если рок-звезда может получить специальное разрешение на татуировки и пирсинг, то принц мог бы получить разрешение на золотые наплечники в стиле восьмидесятых.

— Так уж получилось, что я считаю британцев смешными, — язвительно замечает Миранда в ответ, и Виндзор ухмыляется, поднимая свою чашку с чаем и затем делая большой, медленный глоток. — Ты что, серьёзно там, потягиваешь чай? — спрашивает она, швыряя в него подушкой. Просто уточню: Миранда узнала фразу «потягивая чай», наблюдая за дрег-рейсом Рупола. Это означает, например, говорить правду каким-то окольным путём или слушать сплетни других людей.

Эндрю ухмыляется, наслаждаясь обменом репликами, но я вижу, как его глаза изучают Виндзора. Он по уши влюблён в принца. Чёрт возьми, Миранда тоже, а она лесбиянка. Почти уверена, что вся подготовительная академия Бёрберри влюблена в принца.

— Почему у тебя нет телохранителей? — спрашиваю я его, когда он встаёт и начинает убирать пустые чайные чашки. — Я чувствую, что, вероятно, есть много людей, которые хотели бы тебя убить: иностранные правительства, преступники, ищущие кого-то для выкупа, отцы девушек, с которыми ты спал.

Виндзор пожимает плечами и моет посуду, аккуратно складывая её в коробку, которую он использовал, чтобы принести её сюда. Довольно круто видеть принца-миллиардера, выполняющего домашние обязанности. Я смещаюсь и случайно оказываюсь прижатой к Заку. Точнее, прижатой к нему между ног. Моя спина прижата к нему спереди, и когда я

снова шевелюсь, я слышу, как он резко выдыхает.

— Не люблю, когда за мной всё время следят. Чертовски раздражает. Я думаю, если в меня выстрелят, я, вероятно, это заслужил. — Он влажной ладонью убирает рыжие волосы со лба, и они остаются там, где и были: торчат торчком.

Руки Зака скользят вокруг меня, и я дрожу, накрывая его руки своими, когда он кладёт их мне на живот. Я прекрасно понимаю, что Джесси, Миранда и Эндрю пристально смотрят на нас, но я едва могу что-либо расслышать из-за стука своего сердца.

— Я должен был быть там и помочь, — шепчет он с болью в голосе. Я закрываю глаза, но понятия не имею, что сказать. Весь этот день был просто... проёбан. Я не часто ругаюсь, но в английском языке не так много других слов, которые могли бы описать то, через что я только что прошла. — Мне жаль, Марни.

Наступает короткая пауза, прежде чем Виндзор начинает ополаскивать чайник.

Мои друзья начинают подниматься с моей кровати, потягиваясь и зевая. Скоро я останусь здесь совсем одна, уставившись в стену и переосмысливая этот сценарий снова и снова. О Боже. Нет, спасибо. Я облизываю губы, отчаянно желая попросить кого-нибудь остаться со мной.

Очевидный выбор — Зак, но... Я снова прижимаюсь к нему, и мне так нравится то, как он ощущается, что это пугает. Если он останется здесь на ночь, то я...

Раздаётся стук в дверь, и мы все подпрыгиваем.

Мы с Мирандой обмениваемся взглядами, но Виндзор уже бросился открывать, широко распахивая дверь и давая нам ещё раз ощутить его эксцентричную личность. Я думаю, что это метафора реального мира: он не боится, не робеет и настолько бесстыден, что готов открыть дверь во всё, не задумываясь.

У меня отвисает челюсть, когда я вижу, кто ждёт снаружи.

Парни-Идолы у меня на пороге.

Тристан Вандербильт. Зейд Кайзер. Крид Кэбот.

Они втроём стоят там, одетые в одинаковую, но так-по-разному-носимую униформу. У Тристана она начищена до блеска, с остро-выглаженными стрелками; у Зейда мятая, растрёпанная и расстёгнутая от шеи до пупка; у Крида чистая и свежая, но слегка взъерошенная, как будто он только что проснулся ото сна.

У меня пересыхает в горле, когда Тристан скрещивает руки на груди.

— Что случилось сегодня? Мы не можем получить прямого ответа от девочек. Я хочу услышать это из первых уст.

— Сегодня твоя невеста и её подружки чуть *не убили* эти первые уста, — огрызаюсь я, начиная дрожать. Что-то в том, чтобы видеть их всех троих вместе вот так... Я чувствую одновременно ярость и меланхолию. Ярость, потому что я чувствую, что никакой мести никогда не будет достаточно. Я хочу большего. Я хочу сносить их и ломать до тех пор, пока они не приползут ко мне на четвереньках, умоляя об освобождении. И всё же... Я по ним скучаю. Ужасно.

Жизнь запутанна, и это отстой.

Тристан делает шаг вперёд, но Виндзор выставляет ногу, преграждая ему путь. Это ещё одна вещь, которую я заметила: Виндзор Йорк — единственный парень в этой школе, который носит ботинки вместо мокасин с униформой.

— Вы не можете войти без разрешения леди, — говорит Виндзор, и в его голосе слышится угроза. — Это её пространство, а не твоё.

Король школы ошетиливается и ухмыляется, но с ним происходит что-то ещё, чего я не могу понять. Он практически дрожит.

— Мы хотим поговорить с Марни *наедине*. — Тристан смотрит на Виндзора сверху вниз, но вместо того, чтобы согнуться, как это делает большинство людей, принц просто улыбается.

— Это зависит от неё. Попроси вежливо, и, может быть, она скажет *да*.

— Эй, братан, ты, типа, кто такой, чёрт возьми? — огрызается Зейд, отталкивая Тристана с дороги и останавливаясь в дверях. Он бросает на меня взгляд, и, честно говоря, выглядит дерьмово. На самом деле он выглядит так, словно его сейчас стошнит на дорогие ковры, которые Кэтлин Кэбот купила для пола в моей комнате в общежитии. У меня здесь больше денег, чем у моего отца в фонде для колледжа. — Ты только что переехал сюда и думаешь, что знаешь о всей той хрени, что тут происходит?

— Я знаю, что Клуб Бесконечность владеет этой школой, — начинает Виндзор, ставя галочки у себя на руке. — Я знаю, что они отчаянно хотят заполучить меня в члены клуба, но я отказывался более дюжины раз. Я знаю, что вы все являетесь частью Клуба и что вы использовали бедняжку Марни в качестве пешки в одном из своих дурацких пари. — Он пожимает плечами, в то время как почти все присутствующие в комнате таращатся на него.

Я имею в виду... конечно, богатый, красивый принц знает о Клубе Бесконечности. Но в то же время, вау. Вау.

— Марни, мы можем войти? — Крид невозмутимо стоит, прислонившись плечом к дверному косяку, его голубые глаза сосредоточены на мне. С Мирандой здесь он будет вести себя наилучшим образом, так что, по крайней мере, это так.

Я вздыхаю и провожу пальцами по волосам.

— Да, почему бы и нет? — говорю я, и Зак ошетиливается у меня за спиной. Три пары одинаковых взглядов, которые бросают на него Идолы, когда входят, не помогают. Клянусь богом, он даже *рычит* на них.

— Нам стоит выйти? — спрашивает Эндрю, оглядываясь на Миранду и Джесси. Он поворачивается ко мне и вздёргивает подбородок, как будто он полон решимости быть здесь, если мне это нужно, но также готов уйти, если это то, чего я хочу.

— Все могут остаться, — громко говорю я, когда Виндзор закрывает дверь и запирает её на ключ. Умный человек.

Джесси, однако, выглядит чертовски напуганной и вежливо извиняется. Никто больше не делает ни малейшего движения, чтобы уйти, и Виндзор снова запирает дверь за ней собой.

Идолы рассаживаются веером в изножье моей кровати. Зейду, похоже, стыдно даже за то, что он стоит здесь, его взгляд блуждает по комнате. Интересно, помнит ли он, как спрятал здесь камеру, чтобы заснять, как мы целуемся, а потом поделился этим перед всей грёбаной школой? Я надеюсь, что это так.

Мы все просто смотрим друг на друга, и это чертовски неловко. Если мне придётся посмотреть эти видео позже, я столкнусь со смущением из вторых рук. По крайней мере, я знаю, что мои камеры всё ещё работают. Если Идолы скажут или сделают что-нибудь компрометирующее, я засниму это.

— Я говорил тебе опасаться девочек, — произносит Крид со вздохом, как будто он так устал, что мог бы просто плюхнуться на мою кровать и прижаться ко мне и Заку. В этой мысли есть что-то такое, что возбуждает меня, но это невозможность из далёкой галактики,

которая *никогда не произойдёт*, поэтому я отбрасываю её в сторону. — Я говорил тебе, что они идут за тобой.

Тристан раздражённо смотрит в его сторону, прежде чем перевести свои серебристые глаза на меня. От его внимания мне хочется неловко передвинуться, что просто заставляет меня потереться о Зака, а затем это заставляет Зака... Что ж, у него снова встал. Прижался прямо к моей спине. «*Помоги мне, РуПол*», — я молюсь, потому что на самом деле я не настолько религиозна и не уверен, к кому обратиться за советом.

— Что произошло сегодня? — спрашивает Тристан, его голос холодный и властный. Все в этой комнате оживляются, чтобы послушать... кроме Виндзора. Он зевает и снова плюхается в кресло, перекидывая одну ногу через подлокотник, чтобы наблюдать.

Делая глубокий вдох, — воздух никогда не был таким вкусным — я быстро переживаю эту историю заново. Только тёплые, мускулистые руки Зака удерживают меня, когда я рассказываю о тех нескольких ужасных моментах. Они показались мне долбаными часами, хотя, судя по моему уровню сознания в конце, я знаю, что, вероятно, прошло максимум две или три минуты.

Идолы слушают, а затем обмениваются взглядами.

Зейд заговорил первым.

— Господи ёбаный Иисусе, мать твою, Марни. — Он садится на край моей кровати, отказываясь признавать какую-либо светскую любезность или какие-либо границы между нами. Он смотрит на меня своими изумрудно-зелёными глазами. — Какого чёрта ты вернулась сюда?

— Вы продолжаете задавать мне этот чёртов вопрос! — кричу я, и слова выходят гораздо сильнее и резче, чем я намеревалась. Я задыхаюсь, когда закрываю глаза и заставляю себя дышать. — Как ты думаешь, зачем я вернулась сюда? Я заработала стипендию для обучения в лучшей подготовительной академии в стране. *Почему бы мне не вернуться?* — я открываю глаза и пристально смотрю на них. — Несмотря на то, что могут подумать ваши богатые идиотские задницы, бедные люди *не хотят быть бедными*. Каждый мечтает о том, чтобы иметь возможность накормить и одеть свою семью, жить, не беспокоясь о том, что электричество отключат или что их дебетовая карта не сработает, когда они попытаются купить продукты. Зачем я вернулась сюда? Потому что я хочу окончить академию, поступить в колледж и найти хорошую работу. Я хочу заботиться о своём отце, и я хочу вести такую жизнь, в которой я могла бы иметь детей и тоже заботиться о них. — Я делаю паузу в своей тираде и замечаю, что вся комната погрузилась в тишину. Даже Миранда смотрит на меня с новым чувством понимания.

Это шокирует, какой уровень привилегий есть у этих людей, а они даже не подозревают об этом.

— Я вернулась сюда, чтобы отомстить вам за то, что вы сделали со мной, — добавляю я, а затем просто сдаюсь и расслабляюсь рядом с Заком. Даже если его член впивается мне в спину, мне всё равно. Он явно делает это не нарочно. — Так что, пожалуйста, перестаньте задавать мне этот вопрос. Это невежественно и глупо, и это вас ни к чему не приведёт.

— Марни, — говорит Зейд, взъерошивая свои бледно-голубые волосы пальцами в татуировках. Он бросает взгляд на Крида и Тристана, прежде чем снова повернуться ко мне. — Здесь так... чертовски много всего. Я даже не знаю, с чего начать и как рассказать тебе, не нарушая всевозможных клубных правил, но...

— Девочки заключили пари, — говорит Тристан очень буднично. Он засовывает

пальцы в карманы брюк и натянуто, несчастно улыбается. — Они хотят посмотреть, смогут ли они закончить то, что не смогли Зак и Лиззи. — Клянусь, моё сердце перестаёт биться там на целую минуту. Как будто его заменили кубиком льда.

— Они вели себя не так, как будто пытались заставить меня покончить с собой: они вели себя так, как будто *хотели* убить меня голыми руками. — Тристан выдыхает, но отвечает Крид, его взгляд скользит от меня к Миранде и снова ко мне.

— Что ж, это определённо ставка. Клуб Бесконечности — это всё для тех, кто обладает властью, меняющей мир одним движением пальца. Если девочки не могут заставить тебя — среднестатистического простолюдина — покончить с собой или уйти из академии, то, очевидно, они не готовы встать на место своих соответствующих семейных бизнесменов. — Крид звучит так, будто он обсуждает погоду, а не отвратительно коррумпированный и тайный клуб миллиардеров без морали и с ещё более тупым названием. — Во всяком случае, в этом суть.

— Фантастика, — произношу я, внезапно чувствуя себя измотанной. Но потом в меня начинает закрадываться подозрение. — Зачем вы мне это рассказываете?

— Несмотря на то, что ты можешь подумать, — огрызается Тристан, — мы никогда не хотели твоей *смерти*. — Он разворачивается на каблуках и направляется к двери, захлопывая её за собой.

— Ты должна просто уйти, пока тебе не причинили боль, — говорит Зейд, делает паузу, а затем добавляет: — Ещё раз.

— Я никуда не собираюсь, — огрызаюсь я, оглядываясь и ловя взгляд Виндзора. Он подмигивает мне своими красивыми карими глазами.

— Нет ни одного члена клуба, у которого не было бы средств похоронить тебя, Марни, — протягивает Крид, прислоняясь спиной к моему шкафу. — Посмотри правде в глаза: ты в меньшинстве, все выше тебя по рангу, и тебя могут перекупить в любой момент.

— Не обязательно, — мурлычет Виндзор, вставая и направляясь к двери. Он широко открывает её и протягивает руку, показывая двум оставшимся Идолам, что пора уходить. Неохотно они оба соглашаются. Я смотрю им вслед, чувствуя, как моё сердце бешено колотится в груди. «*Это бред; это абсолютное безумие*», — думаю я. Я слышала, что старшая школа — это ад... но я не ожидала такого. — Пока я буду рядом, Марни не придётся беспокоиться о таких глупостях, как деньги.

Зейд и Крид оба удивлённо оглядываются, но Виндзор уже захлопывает дверь у них перед носом.

Думаю, они удивлены, что я заполучила принца в друзья.

Наверное, мне повезло, что он помешанный на мести главный хулиган из хулиганов.

Мне чертовски повезло.

После утопления произошёл определённый сдвиг в развитие событий. Крид перестал флиртовать с Илеаной, и я редко вижу Тристана и Харпер в одной комнате. Однако она всё ещё носит своё кольцо, и я не могу перестать думать об Уильяме Вандербильте и о том, как он ударил ладонью по лицу своего сына. Несмотря ни на что, Тристан не бросит Харпер. Нет, если только... я не вовлеку Лиззи в это дело.

Я пока отложила этот план в сторону. Я не могу свести Тристана с Лиззи, пока не выиграю пари с Харпер в конце года. Я никак не могу соперничать с Лиззи Уолтон за любовь Тристана, так что даже пытаться не собираюсь. Вместо этого я сосредотачиваюсь на том, чтобы случайно попадать в ситуации, в которых, я знаю, будут присутствовать парни. Они такие же замкнутые и странные, какими были весь прошлый год... поначалу.

Но чем больше я стараюсь, тем легче всё становится.

Мы и близко не подошли к тому уровню непринуждённости и дружеских отношений, который был у нас раньше, но я добиваюсь прогресса. Конечно, с моей стороны, у нас больше никогда не будет такой связи. Зак, с другой стороны, действительно испытывает угрызения совести. Или, по крайней мере, он убедил меня, что это так. Я почти уверена, что Идолы до сих пор не сожалеют о том, что они сделали со мной.

— Я всё ещё не понимаю, почему они рассказали мне, — говорю я Миранде, пока она листает яой-мангу — японский комикс «мальчик на мальчике». Рисунки, гм, очень откровенные, и самое смешное, что ей это нравится даже больше, чем Эндрю. Когда она показала ему это, он сморщил нос, пожал плечами и сказал: *«Я думаю, что это больше... предназначено для женщин?»* А затем исчез в глубинах библиотеки.

— Потому что они социопаты-манипуляторы, — отвечает она, закрывая обложку книги и поднимая на меня взгляд. Она развалилась на мешках в «Тихом уголке», куда на самом деле все ходили целоваться до того, как библиотекари передвинули полку с новыми изданиями в твёрдых обложках и открыли угол для боковой двери. Это уже не так приватно. — Прости, я знаю, что Крид — мой близнец, но я ни хрена ему не доверяю. Я сказала ему об этом прошлой ночью. — Она приподнимается из своего положения на животе и устраивается поудобнее в блестящем белом мешке. — Он клялся вдоль и поперёк и по всему аду, что они говорят правду, только правду и ничего, кроме правды. Но дело в том, Марни, — продолжает она, заправляя прядь своих мерцающих светлых волос за ухо, — что они все являются частью этого чёртового клуба. Там всё настолько строго, что люди страдают, когда не следуют правилам. Так что, возможно, Крид лжёт тебе, или мне, или нам обоим, чтобы защитить себя. Это был бы не первый раз, когда всё так обернулось.

Она скрещивает ноги в коленях, откидываясь назад так далеко, что я могу видеть её подвязки. В прошлом году я предположила, что она надела их, чтобы произвести впечатление на возлюбленного. Теперь я почти уверена, что она носит их просто потому, что это сексуально. Они даже входят в школьный дресс-код: *чулки, выданные Академией, можно носить с подвязками*. Конечно, там также сказано: *подвязки должны быть не видны в любое время, даже когда руки подняты*, но это не мешает нам всем закатывать пояса наших юбок.

— У меня есть свои причины снова пытаться сблизиться с ними, — бормочу я, но очевидно, что я говорю чертовски загадочно, и Миранда вздыхает.

— Так я и думала. Просто... будь осторожна, ладно? Твоя месть — это прекрасно, но не

позволяй ей лишиться тебя природной сладости. — Она наклоняется, чтобы убрать распущенные волосы с моего лба, и улыбается.

— Я не сладкая, — отвечаю я, закатывая глаза, и она смеётся.

— Ты что, шутишь? Ты такая сладкая, что практически превратилась в сироп. — Миранда внезапно замолкает и отводит взгляд, прикусив нижнюю губу. Я поднимаю брови, потому что могу сказать, что сейчас произойдёт что-то важное. — Эй, Марни...

— Да? — я хватаю её заброшенную *яой*-мангу и открываю её на случайной странице. Там на всю страницу нарисованы два парня на кровати, и я думаю... Оу. Судя по следующей картинке, мне не нужно *думать* о том, что они делают: Я знаю. Мои щёки розовеют, пока я продолжаю листать.

— Мы с Джесси расстались. — Она выпаливает это в спешке, а затем смотрит на меня из-под светлых бровей. Я сложила два мешка друг на друга, чтобы получился стул, возвышаясь над ней на несколько дюймов. Лучше быть здесь, чем снова в своей комнате, в полном одиночестве. Последние полторы недели я умоляла Миранду остаться со мной, потому что не могу выносить тишину. Как только я ложусь, и лампочка на прикроватном столике гаснет, я начинаю вспоминать воду, наполняющую мои лёгкие.

— Подожди, это ведь не из-за меня? — спрашиваю я, и Миранда краснеет ещё ярче, чем я, посмотрев на рисунки *яой*. Чёрт. Теперь я чувствую себя полным дерьмом. Я знала, что мне не следовало столько раз приглашать её переночевать у меня.

— Я была нужна тебе: ты перенесла травму, — начинает она, а затем резко отводит взгляд и выдыхает, её взгляд так целенаправленно сосредоточен на экземпляре книги о морских черепахах, что я знаю, её мысли за миллион миль отсюда. Когда она оглядывается, я вижу, что она собирается сказать что-то важное, но её перебивает Крид.

— Любовь мальчиков? — спрашивает он, появляясь из ниоткуда и выхватывая мангу у меня из рук, прежде чем я успеваю его остановить. — Как бестактно. Я сказал Миранде, чтобы она не тратила своё время на чтение этих вещей: по сути, это порно в форме комикса.

— Как насчёт того, чтобы тебя трахнули? — Миранда огрызается на свою близняшку, и я поднимаю брови. — Если бы Марни волновало, что ты думаешь, она бы спросила. — Крид прищуривает свои льдисто-голубые глаза, и в них появляется эпический взгляд сверху-вниз, который под силу только паре близнецов. Пламя практически потрескивает в воздухе между ними.

Однако меня это не беспокоит, потому что единственная достойная восхищения черта Крида — это братская забота. Он бы убил за свою сестру, я знаю, что он бы это сделал.

— Извините, — бормочу я, вставая и выскальзывая из комнаты.

В итоге я натыкаюсь — в буквальном смысле — на Зака в соседнем проходе. Он действительно выглядит удивлённым, увидев меня с открытой книгой стихов в одной руке, его планшет, выданный академией, лежит на столе рядом с ним. Оу, он действительно учится. Зак ни в коем случае не лучший в классе, но с начала учебного года он поднялся с двадцати процентов самых низших до пятидесяти лучших. Огромное улучшение.

— Тебе нужна какая-нибудь помощь? — спрашиваю я, заглядывая на обложку, чтобы увидеть, на что он смотрит. — А, Эмили Дикинсон. Знаешь ли ты, что многие из её стихотворений до сих пор защищены авторским правом? Она классика, легенда, и её давно нет в живых. Ты хочешь знать, насколько запутанным на самом деле стало законодательство об авторском праве? Раньше это было орудием народа, а теперь его используют против народа корпо...

Зак прикладывает палец к моим губам, чтобы утихомирить моё бормотание, а затем внезапно наклоняется, заменяя палец своим ртом.

Книга стихов падает на пол между нами, и вскоре я стою, прислонившись спиной к стене из литературы, в то время как Зак исследует мой рот своим языком. Его большие руки обнимают меня, наполняя чувством защищённости. Когда это произошло? Когда я перешла от ненависти к Заку к... *симпатии* к нему?

Мы отрываемся друг от друга с тихим вздохом, его тёмные глаза смотрят в мои, горящие желанием.

— Ты можешь рассказывать мне об Эмили Дикинсон, или законе об авторском праве, или случайных исторических фактах, когда захочешь, Марни. По-моему, это сексуально.

— Мне не терпится рассказать тебе, что библиотечное крыло было пристроено к Бёрберри в начале девятнадцатого века на грант семьи Вандербильт, — я задыхаюсь, и Зак ухмыляется. Он снова целует меня, и у меня так сильно кружится голова, что, если бы его рук не было рядом, я бы упала.

— Так чертовски сексуально. За исключением фамилии Вандербильт. Давай просто опустим эту часть. — Он двигается, чтобы поцеловать меня снова, когда драматическое прочищение горла разрывает нас, внезапно между нашими телами появляется расстояние в фут, когда мы поворачиваемся и видим Виндзора Йорка... развалившегося на книжном шкафу?

— Как ты туда забрался? — я задыхаюсь, и он пожимает плечами. Он весь растянулся на дереве, как будто это гамак или что-то в этом роде. — Тебя отстранят от занятий, — предупреждаю я, когда он смотрит на нас сверху вниз своими сверкающими карими глазами.

— Не останавливайся из-за меня. Иногда я устаю трахаться, и мне нравится просто смотреть. — Я морщусь нос, и Зак хмурится, поднимая свою книгу с пола. Виндзору, похоже, всё равно, он садится и свешивает ноги со шкафа. Он спрыгивает на пол рядом с нами. — Итак. — Он опирается предплечьем на полку надо мной и драматично наклоняется. — Я тут подумал: у тебя в списке есть несколько имён, которые не вычеркнуты. Сначала, мелкая рыбка. Мы должны вычеркнуть их, а затем уже сосредоточиться на девушках.

— Я показала тебе этот список, чтобы ты мог предлагать варианты, а не брать над ними верх, — говорю я, закатывая глаза. Виндзор поднимает брови и выдаёт самодовольную ухмылку, которую я не смогла бы выдавить изо рта, даже если бы попыталась. Однажды я встала перед зеркалом, чтобы посмотреть, смогу ли я придать своему лицу такое же надменное выражение, как у Идолов, и потерпела сокрушительную неудачу. — Я прокладываю себе путь к девочкам. Они самые трудные.

— А ещё, по-моему, не слишком скромному мнению, ты стала слишком мягка с парнями-Идолами, — продолжает он, и я ныряю под его руку, чтобы вернуться к Заку. Жар всё ещё разливается по мне, безудержный, раскалённый добела, заразительный. Теперь, когда я попробовала его на вкус, я просто хочу большего. Гораздо большего. Я легко могла представить, что однажды буду встречаться с ним...

Однажды.

Но Идолы уже думают, что я встречаюсь с ним, и мне нужно, чтобы парни думали, что я достаточно доступна, чтобы они могли пригласить меня на выпускной. К сожалению, сейчас мне, возможно, придётся немного дистанцироваться от Зака.

— Виндзор, я рассказала тебе свою историю, да, но это не значит, что ты знаешь всё. — *Рассказала тебе свою историю, ха, да конечно. По сути, ты каждый день сидел напротив*

меня в столовой и творил свою королевскую магию, пока я не раскрыла все свои секреты. — Забудь пока о парнях. Девочки пытаются убить меня, помнишь? Мы можем сосредоточиться на этом?

Он вздыхает и пожимает плечами, поводя ими, когда проводит пальцами по корешкам нескольких поэтических томов, а затем выбирает один наугад. Он открывает его, смотрит на стихи внутри и вздыхает.

— Я выучил все их наизусть, — говорит он, перелистывая страницы. — Нет ничего более очаровательного, чем мужчина, который может декламировать стихи от чистого сердца. Ты бы так не сказал, приятель? — он поднимает взгляд и улыбается Заку, но на Зака это не производит впечатления. Единственное, что ему нравится в принце, так это то, что принц ненавидит Голубую Кровь так же сильно, как и мы. Что он там сказал? «Они всего лишь играют в королевскую семью». Почти уверена, что он находит их такими же забавными, как хомячков на колесе.

— Знаешь, всё, что у меня есть, тоже в твоём распоряжении... — начинает Зак, проводя ладонью по своим шоколадно-каштановым волосам. Они немного подросли с тех пор, как его выгнали из футбольной команды, но всё ещё короткие. Я тоже сопротивляюсь желанию прикоснуться к нему.

— Мы не обязаны с ним мириться, — усмехается Виндзор и, захлопнув книгу, ставит её обратно на полку. — Все ваши деньги, *Monsieur (прим. — месье) Брукс*, сосредоточены в тощих старых руках вашего дедушки. Разве не поэтому ты присоединился к Клубу Бесконечности? Чтобы вернуть их? — лицо Зака бледнеет, когда я смотрю на него. Святое... дерьмо.

— Ты присоединился к клубу, чтобы вернуть свои деньги? — спрашиваю я, и все кусочки начинают складываться воедино. По крайней мере, у меня есть «почему», которое объясняет, почему Зак заключил это пари с Лиззи. Становится ли от этого легче? Не совсем так. Но приятно знать. Кстати, о Лиззи: я снова начинаю с нетерпением ждать пятницы, чтобы написать ей. Она знает всё о том, что девушки-Идолы Бёрберри сделали со мной, и она жаждет крови. Почти уверена, что у меня также есть её помощь и ресурсы.

— Прости, Марни, — шепчет Зак, и в итоге мы так долго смотрим друг на друга, что, когда я моргаю и прихожу в себя, Виндзор исчез. — Мне так жаль. — Мне нечего сказать, поэтому я просто натянуто улыбаюсь, и мы вообще оставляем эту тему. Зак собирает свои вещи, и мы направляемся к выходу, где находятся Крид и Миранда, всё ещё увлечённые спором, очень похожим на спор близнецов. Они похожи на светловолосых голубоглазых клонов.

Они замолкают и почти в унисон поворачиваются, чтобы посмотреть на меня.

Мои щёки краснеют под их пристальным взглядом, но Крид делает вид, что не замечает, поворачивается и неторопливо уходит в холл. Миранда встаёт справа от меня и начинает громко жаловаться на идиотизм своего брата. На выходе мы проходим прямо мимо Илеаны, Бекки и Харпер. Крид уже сделал паузу, и я слышу, как он бормочет низким, напряжённым голосом.

Миранда, не колеблясь, вмешивается.

— Держись, блядь, подальше от моего брата, — шипит она, толкая Илеану в плечо. Первокурсница спотыкается и поворачивается к ней с прищуренными глазами. Харпер и Бекки просто стоят там, ухмыляясь. Когда я вижу их всех вместе вот так, эти воспоминания с рёвом всплывают на поверхность, и меня тошнит. Мне кажется, я покачиваюсь на ногах, но

Зак кладёт руку мне на локоть и поддерживает меня. — Может, он и хочет, чтобы доброе имя сочеталось с нашим состоянием, но ты не увидишь ни цента из денег Кэботов. Ты недостаточно хороша, чтобы быть его парикмахером, не говоря уже о его девушке или будущей невесте.

Крид не спорит. На самом деле, мне кажется, я вижу, как уголок его рта подёргивается в едва сдерживаемой улыбке.

— Этот разговор тебя не касается, лесбиянка, — рычит Илеана, и лицо Крида каменеет. Илеана резко оборачивается к нему, но слишком поздно: о чём бы они ни говорили, всё кончено. Хотелось надеяться, что они не делали ничего большего, чем расставались или обменивались колкостями. Я имею в виду, что девчонка, чёрт возьми, пыталась меня утопить.

Я бросаю взгляд на Крида, но его ледяной взгляд сосредоточен на Идолах.

— Она сказала, что тебя следует выгнать, — внезапно выпаливаю я, кивая подбородком в сторону Харпер. — Это сделала Харпер. Она считает, что Идолом должен быть Виндзор, а не ты.

— Да, ну, это было до того, как я поняла, что он тоже был клиентом Борделя, как и все остальные. — Харпер хватает Илеану за руку и тянет её назад. — Забудь о Кэботе. Есть другие, лучшие парни, из которых можно выбирать.

— Хотя и не такие богатые, — протягивает Крид, засовывая руки в карманы и позволяя ленивой ухмылке расплыться на его лице. — Наслаждайся своим иссякающим состоянием. Быть «старым деньгами» приятно, но только тогда, когда у тебя действительно есть деньги.

— Пошёл ты, Кэбот, — огрызается Илеана, перекидывая свои длинные волосы через плечо. Может быть, со временем я отрежу и у неё тоже. — Здесь ты совершаешь огромную ошибку. Чертовски огромную. Тебя никогда не будут уважать в Клубе. Ты всегда будешь новичком, чья мамочка купила ему дорогу сюда.

— И ты всегда будешь девушкой с чипом на плече, потому что я охотно трахнул бы Работяжку, прежде чем дотронулся бы до тебя. — Крид разворачивается на каблуках и неторопливо уходит, когда мои глаза расширяются, а рот Илеаны опускается на пол. Взгляд, который она бросает на меня, — это чистая ненависть.

— В следующий раз, — огрызается она, когда Харпер и Бекки окружают её. с флангов, — рядом не будет никакого принца, чтобы спасти тебя.

Я втайне боялась Дня святого Валентина с тех пор, как... ну, начался учебный год. Прошлый год был достаточно насыщен событиями. Этот год... Я не уверена, что мне следует делать. Я решаю, что, как бы мне это ни было больно, я должна послать парням-Идолам розы. Если я хочу обыграть их так, как они сделали со мной, почему бы не использовать те же приёмы?

Итак, я заказываю по розе для Тристана, Зейда и Крида, а также для Зака, Миранды Эндрю... и Виндзора. Почему бы и нет? В последнюю минуту я даже заказываю одну для Джесси. Может, она больше и не встречается с Мирандой, но Близкий круг всё ещё придирается к ней, и я чувствую, что это, по крайней мере частично, моя вина.

— Какая странная маленькая традиция, — говорит Виндзор, останавливаясь рядом с киоском продавца, чтобы понюхать выставленный на витрине букет. В этом и заключается его характер: он очень любит остановиться и понюхать розы. — Но у меня слишком много подруг, чтобы посылать розы. Если бы я попытался, то, вероятно, забыл бы добрых полдюжины, а это было бы неприятно, не так ли?

Я бросаю на него взгляд, полный отвращения, и он улыбается мне, наклоняясь, чтобы подписать бланк, в то время как я хмурюсь.

— Ты только что сказал, что не посылаешь цветы? Что ты делаешь?

Виндзор лезет в карман и достаёт пятидолларовую купюру, бросает её на стол и отступает назад.

— Ты не хочешь цветочек? На самом деле, это самое меньшее, что я мог сделать для своего нового друга. Ты действительно единственный человек, который разговаривает со мной и которому не нужны деньги, секс или сплетни. — Винд пожимает плечами, а затем замолкает, когда Тристан подходит к столу и останавливается рядом со мной, его аромат мяты и корицы ошеломляет, и я резко втягиваю воздух.

Я вроде как забыла, как это внушало благоговейный трепет — стоять так близко к нему. Тот момент на параходе, когда он схватил меня за руки и поцеловал крепко и быстро. *«Просто помни, что Крид не единственный, кто заинтересован»*. Моё сердце растаяло, когда он это сказал. Даже осознание того, что сейчас всё это ложь, не избавляет от этого чувства.

— К чёрту эти дурацкие розы, — говорит он, его голос подобен острому лезвию ножа. Со мной всё в порядке там, где я сейчас стою, но одно неверное движение, и меня порежут. Я истеку кровью. — Я внёс себя в список *«Не отправлять»*.

Тристан... разговаривает со мной? Я глупо моргаю, глядя на него.

— Существует список *«Не отправлять»*? — спрашиваю я, и он кивает.

Виндзор издаёт какой-то шум позади нас.

— Это потрясающая идея... запишите меня. Или, скорее, отмените мою подписку.

Мы с Тристаном оба игнорируем его.

— Ты слышала о поездке на весенние каникулы для отличников? — его голос так трудно разобрать; мне невозможно понять, о чём он думает.

— В Париж? — спрашиваю я, и он коротко кивает. Конечно, я слышала об этой поездке. Начиная с первой недели сентября, это было как приз в каждом школьном информационном бюллетене, особое удовольствие, которым можно похвастаться перед учениками, чтобы

заставить всех работать усерднее. Дело в том, что я слышала, как Плебеи говорили: *это всего лишь Париж, кого это волнует?* Почти уверена, что единственный человек здесь, кто не был во Франции — это я. — Я не позволяла себе думать об этом. Я была так занята, что мои оценки упали...

— Ты по-прежнему первая в классе, — говорит он, его серые глаза такие тёмные, что сейчас они больше похожи на уголь, чем на серебро. Интересно, думает ли он об этом тесте и эссе, о том, что он, вероятно, был бы самым успешным учеником в школе, если бы я не саботировала его. Или, скорее, если бы я не обратила его саботаж против него самого. — В этом путешествии будем только мы с тобой. Никто другой и близко не подходит.

— Я... — *Понятия не имела.* Тристан поднимает голову, встречается взглядом с Виндзором и ухмыляется, прежде чем уйти по коридору, даже не попрощавшись. Интересно.

— Солнечный, жизнерадостный парень, ага? — спрашивает Виндзор, подходя и становясь рядом со мной, засунув руки в карманы. — И, кстати, я попросил их сделать исключение: ты единственная, кому разрешено посылать мне розы. — Он наклоняется и дарит мне ещё один из тех быстрых европейских поцелуев в щеку. Моё глупое американское сердце принимает это слишком близко к сердцу, и мне приходится сдерживать тихий вздох. Мои пальцы касаются моей щеки, и я отворачиваюсь, чтобы направиться по коридору, стараясь избегать парней до конца дня.

Поскольку Тристан и Виндзор оба находятся в списке «*Не отправлять*», большая часть внимания в День Святого Валентина уделяется девушкам. Всех девушек-Идолов осыпают розами, то же самое касается Валентины и Эбигейл. Если не ошибаюсь, Плебеи привыкли называть их Ёбаной Четвёркой. Должно быть, теперь это Ёбаная-Пиздец-Пятёрка, когда в их ряды добавилась эта ужасная сучка Илеана.

Что касается меня, то я получаю розы от Миранды, Эндрю, Виндзора и Зака.

Все они написали очень милые маленькие открытки, и я даже получила крошечный подарок от Зака, завернутый в мерцающую опалесцирующую бумагу. Он застенчиво улыбается, когда позже доставляет его ко мне в общежитие.

— Это подойдёт к тому, что я подарил тебе на день рождения, — говорит он мне, и я вздрагиваю, осознав, что так его и не открыла. Я извиняюсь под предлогом того, что мне нужно пописать, и беру развёрнутый пакет из ящика своего гардероба, заскакывая в туалет, чтобы немного уединиться.

На упаковке так много скотча, что мне приходится использовать кусачки для ногтей, чтобы разрезать его.

Внутри пара абонементов на симфонический оркестр Сан-Франциско, прикрепленных к маленькому прямоугольнику картона. У меня отвисает челюсть, и я чувствую себя ужасно из-за того, что так долго оставляла подарок в стороне. Честно говоря, я совсем забыла о нём. Полагаю, это моя потеря, поскольку я могла бы воспользоваться ими во время зимних каникул, чтобы поехать с отцом.

Когда я выхожу из ванной, Зак ждёт меня на краю кровати с другим подарком. Я протягиваю билеты, и он улыбается, не так, как будто он расстроен или что-то в этом роде, но скорее, как будто он тоже не удивлён.

— Я так и думал, что ты его не открывала, — говорит он, и я съёживаюсь. — Всё в порядке. По крайней мере, теперь они у тебя есть. — Я сажусь рядом с ним и осторожно разворачиваю новую упаковку, нахожу ещё один билет, такой же, как первые два. — Знаешь, на случай, если ты захочешь взять Миранду или что-то в этом роде... — добавляет он, но я

знаю, что мы оба думаем о том, не пойти ли нам с ним вместе. Мы сидим так близко, что я чувствую тепло его тела, и мне приходится закрыть глаза, чтобы не испытывать любопытства по поводу того, что произойдёт, если я сдамся ему.

— Спасибо тебе за это. Ты всегда делаешь такие продуманные подарки. — Мои руки дрожат, а сердце бешено колотится. Почти уверена, что это единственные слова, которые я смогу произнести. Теперь мне нравится Зак, правда нравится. Часть меня хотела бы, чтобы он действительно был моим парнем. Может быть, позже он сможет им стать. Только не прямо сейчас.

— Ты идёшь на вечеринку в саду? — тихо спрашивает Зак, но я уже качаю головой. Мне нужно сделать несколько посылок: небольшие наборы для ухода для каждого из парней-Идолов с приложенной запиской, написанной от руки. *Я скучаю по тебе.* Это лучшее, что я могу сделать. Я доставлю их, пока они все будут на вечеринке, так что мне не нужно видеть их лица, когда они это прочтут. Если бы кто-нибудь из них сразу же отверг меня... Я не могу думать об этом: благополучие моего отца, чёрт возьми, на кону.

Этот День Святого Валентина так отличается от предыдущего. Всё, о чём я могу думать, — это Зак и то, как сильно я хочу пойти и потанцевать с ним. Тем не менее, я заключила пари с Харпер, и мне нужно, чтобы парни-Идолы не слишком часто видели меня с ним.

Как я уже говорила Виндзору: я сейчас не собираюсь ни с кем встречаться.

Всё это так запутанно.

Я выдыхаю, и Зак встаёт, оборачиваясь, чтобы посмотреть на меня с лёгкой улыбкой.

— Эй, всё хорошо. Я понимаю. — Он знает о пари — он один — поэтому я смотрю на него с извиняющимся выражением лица, которое, я надеюсь, он понимает. — Отдохни немного, и увидимся завтра.

— Спасибо, — повторяю я снова, яростно краснея, когда он наклоняется и горячо целует меня в губы. Зак поворачивается и уходит, а я сворачиваюсь калачиком на своей кровати со своими розами, билетами и шоколадками, которые подарила мне Миранда.

Будет лучше, если я оставлю парней одних в такой романтический день.

Я и так уже достаточно запуталась.

На следующей неделе в утренних объявлениях персонал признаёт нас с Тристаном почётными студентами, отобранными для весенней поездки в Париж. Часть меня хочет отказаться, чтобы я могла поехать домой и побыть со своим отцом, но он уверяет меня, что чувствует себя намного лучше и что я должна поехать. Я чувствую себя чертовски эгоистичной, но я знаю, что поездка даст мне хорошую возможность сблизиться с Тристаном. С ним труднее всего найти время наедине из всех Идолов. Он всегда окружён поклонницами... или Харпер. Хотя я не видела, чтобы они прикасались друг к другу после инцидента с утоплением.

— Тебе не интересно, когда девушки заключили это пари? — спрашивает меня Виндзор, сопровождая меня на тренировку группы поддержки. Я пожимаю плечами. Эта мысль приходила мне в голову, но какое это имеет значение? Я больше никогда не причиню себе такой боли. Идолы могут сделать всё, что в их силах. К концу этого года я обеспечу лечение своего отца, парни извлекут ценный урок, а затем в следующем году... Возможно, мне придётся использовать следующий год, чтобы сосредоточить своё внимание на мести девочкам.

— А что? — он пожимает плечами, как будто это не имеет значения, но на его лице

появляется озорная улыбка, которая пугает меня. — Не бери в голову, никаких идей. С такими деликатными планами, как мои, нельзя торопиться.

— Конечно, можно, — говорит он, открывая передо мной дверь в спортзал. — Ты просто слишком... в этом есть что-то высококлассное. Не жди, пока они дадут тебе патроны. Сделай их сама.

— Нет. — Я смотрю ему прямо в лицо. — Если мне потребуется весь остаток моего времени в Бёрберри, чтобы вычеркнуть всех из этого список, прекрасно. Я не собираюсь ворошить дерьмо там, где его нет. У каждого из Голубокровных есть грязь, которая рано или поздно всплывёт на поверхность.

Виндзор смотрит скептически, но поскольку мы уже в спортзале, разговор окончен. Его больше не пускают после того, как девочки так отвлеклись на него во время последней тренировки, что уронили первокурсницу во время нашего трюкового номера. С ней всё в порядке, но её вывихнутая лодыжка размером с баклажан. И того же цвета.

— Как скажете, миледи, — говорит он, отвешивая драматический поклон перед тем, как дверь закрывается.

Вздыхнув, я направляюсь внутрь и пытаюсь сосредоточиться на том, чтобы не вывихнуть собственную лодыжку. Когда голова слишком забита мыслями о парнях, это отвлекает.

По крайней мере, к тому времени, как наступает пятница, Тристан снова начинает появляться на репетициях моего оркестра. В первый раз, когда он это делает, наши взгляды встречаются с другого конца комнаты, и это как будто та связь между нами, которая была ущемлена и разрушена, открывается, и кровь снова начинает течь рекой.

Он улыбается мне с заднего ряда, и, хотя это далеко и плохо видно, я почти думаю, что это может быть искренней улыбкой.

Может быть.

Конечно, в остальное время он всё такой же засранец.

— Виндзору Йорку нечего делать с нами в этой поездке, — огрызается он, когда мисс Фелтон поднимает бровь и возвращает нам обоим наши паспорта. У меня бы вообще не было паспорта, если бы академия не требовала его для поступления. Я сделала его в прошлом году, убрала в ящик стола и решила, что не буду им пользоваться, пока мне не исполнится тридцать.

Похоже, я ошиблась на этот счёт.

— Нечего делать в этой поездке? — Виндзор надувает губки. — Ну что вы, мистер Вандербильт, мне чертовски больно. Разве ты не знаешь, что я много лет прожил в Париже? — Тристан выглядит раздражённым, но ничего не говорит, вместо этого сосредоточив своё внимание на нашем учителе. Она сидит за столом в своём кабинете на верхнем этаже башни номер один, переводит взгляд с одного парня на другого и вздыхает.

— Вы знаете, мистер Вандербильт, что каждый год должен быть студенческий гид, и в этом году очередь академии Бёрберри предоставить его студентам. Здесь нет никого, кроме вас, у кого был бы его уровень опыта. Мне жаль, что у вас двоих, похоже, возникли проблемы друг с другом, но поскольку ваши действия в конце прошлого года были не слишком приятными, я думаю, вам следует просто поблагодарить счастливое стечение обстоятельств, что вы вообще студент академии.

Челюсть Тристана сжимается от разочарования, и он бросает взгляд в мою сторону, прежде чем снова обратить свой пристальный взгляд на Виндзора. Принц просто улыбается в ответ, счастливый, как моллюск. Он слишком сильно наслаждается этим моментом.

— Итак, мисс Рид, я спрашивала вас об этом наедине и собираюсь спросить вас снова: вы уверены, что вам удобно ехать в эту поездку с мистером Вандербильтом? Если нет, то он будет заменён учеником, занявшим третье место в вашем классе, и ему будет предоставлена альтернативная организация поездки. — Наступает долгий, напряжённый момент, когда Тристан, Виндзор и мисс Фелтон пристально смотрят на меня.

Если бы я была на своём обычном пути мести, я бы, вероятно, воспользовалась этой возможностью, чтобы выгнать Тристана из туристической группы. Дело в том, что он уже бывал в Париже и может позволить себе поехать туда, когда захочет. Для него это не было бы таким уж большим ударом. Но увидеть его лицо на выпускном вечере, когда я расскажу о своём пари с Харпер? Это звучит намного лучше.

Моё сердце болит и трепещет, но я не обращаю на это внимания. Мои чувства к парням-Идолам чертовски запутанны, но я не могу позволить им сбить меня с толку. В прошлом году я уделяла слишком много внимания своему сердцу и гормонам, и это плохо закончилось.

— Всё в порядке, — говорю я ей, и она кивает, встаёт из-за стола и провожает нас к двери.

Виндзор быстро исчезает, но Тристан удивляет меня, следуя за мной в столовую. Он даже садится за мой обычный столик, занимает место Миранды и пристально смотрит на меня.

— Часы всё ещё у тебя? — спрашивает он, и я киваю. — А ожерелье?

— А что? — шепчу я, и он вздыхает, внезапно выглядя усталым.

— Могу я получить их обратно? Я заплачу тебе за них. Я просто... не думаю, что это хорошая идея, если Харпер или мой отец увидят их снова. — Он смотрит прямо на меня, и в его серых глазах такая абсолютная искренность, которой я никогда раньше не видела. Мои мысли немедленно возвращаются к тому моменту в библиотеке, где он мог пойти дальше, сделать больше, прикоснуться ко мне в более интимных местах... но он не сделал этого. Знал ли он, что нас снимают? Трудно сказать, но я думаю, что да. — Вообще-то, мне вообще не следовало сидеть здесь с тобой.

— Потому что Плебеи могут засунуть твою голову на гильотину, если увидят тебя с Работяжкой? — предполагается, что это шутка, но Тристан, похоже, не находит это смешным. Он просто сидит и смотрит на меня, его волосы цвета воронова крыла падают ему на лоб, он проводит языком по нижней губе, когда отводит взгляд.

— Не могла бы ты принести часы и ожерелье в понедельник? У меня есть наличные.

— Мне не нужны твои наличные, Тристан, — шепчу я, но у меня всё ещё есть дебетовая карта, которую он мне оформил, так что, полагаю, это не совсем правда. — Но да, ты можешь забрать их обратно.

Он на мгновение замолкает, и мы оба замираем, когда подходит официант и мы делаем наш заказ. Никто из нас ничего не говорит, пока мы сидим и ждём свою еду, но, когда его нога задевает мою под столом, наши взгляды встречаются. Как будто между нами протянулась ниточка, которая сближает нас, в то время как каждая рациональная часть меня говорит, что я должна держать нас порознь.

«*Это все ради пари*», — говорю я себе, но даже это ложь. Интересно, чувствовали ли ребята когда-нибудь нечто подобное, когда были со мной в прошлом году? Боролись ли они когда-нибудь с какими-нибудь настоящими эмоциями?

— Почему ты выбрала его? — внезапно спрашивает Тристан, но я замечаю, что он не

отодвигает ногу. Мы продолжаем соприкасаться. — Почему ты выбрала Зейда?

Я прикусываю нижнюю губу и отвожу взгляд, но у меня нет ответа на этот вопрос. *Я не хотела выбирать; я ненавидела этот выбор. Но это реальный мир, и я не смогла бы заполучить всех троих. Правильного выбора не было, и каким-то образом я знала, что независимо от того, чьё платье я надену, оно будет неправильным.*

— Это сложно, — шепчу я, но Тристан хмуро смотрит на меня. — Что? Я испытывала чувства к вам. Разве не в этом был смысл пари? Чтобы заставить меня... думать, что я, возможно, влюблена в вас? Вы все преуспели, вот и всё. Если тебе нужны ещё трофеи, я закажу их для тебя. — Он снова обращает своё внимание на меня, и его руки на столе сжимаются в кулаки.

— Ты думаешь, тебе было тяжело? — спрашивает он, и в его голосе слышится нотка беспомощности в сочетании со сталью, которую я не понимаю, которую не могу истолковать. Его серые глаза полны ярости и затуманены разочарованием. — *Я не умею любить. Я никогда не узнаю, действительно ли кто-то любит меня, или им нужно моё имя или мои деньги. И мой отец... ты видела моего отца, когда он подарил мне часы. Кроме того, я не дурак: я знаю, что это была ты возле VIP-комнаты на лыжной базе. Он не любит меня: я принадлежу ему. Я всего лишь пешка в его дерьме.*

Я с трудом сплываю, моё сердце бешено колотится. Мой первый ответ — протяжно произнести: *ах, бедный маленький богатый мальчик.* Я должна. Я должна была сказать это и увидеть, как на его лице бы промелькнула обида. Но есть спор... и ещё, есть моя человечность. Я не могу заставить себя сказать это.

— Если ты действительно этого хочешь, однажды ты сможешь это найти, — шепчу я, и Тристан пристально смотрит на меня поверх стола.

— Найти что? — рычит он, протягивая руку, чтобы взъерошить свои тёмные волосы.

— Любовь. Это реально полюбить тебя, за то, что ты — это ты, Тристан. Поверь мне, я знаю: я уже любила.

Он опускает руку и смотрит на меня так, словно увидел привидение.

В следующее мгновение он встаёт и сталкивает тарелки, чашки и столовое серебро на пол. Они с грохотом бьются, когда он наклоняется и хватается за галстук, дёргая вперёд, прикрывая поверхность стола своим телом. Его рот прижимается к моему, и я ломаюсь и сгораю миллионом разных способов.

Язык Тристана скользит по моей нижней губе, втягивает её между зубами, а затем овладевает мной целиком и полностью, так, как я всегда мечтала. Мои руки поднимаются, чтобы схватить его за рубашку, но он хватается оба запястья в свои и удерживает их на месте между нами, создавая впечатление, что я умоляю его о большем. Может быть, так оно и есть, я не могу сказать.

Он целует меня до тех пор, пока дверь на кухню не открывается и не появляется наш официант.

Когда он отпускает меня, внезапный разрыв между нами будто погружает меня в лёд, и я откидываюсь на спинку стула.

Тристан выбегает из столовой, хлопает дверью и оставляет меня с салатом, колотящимся сердцем и целым торнадо эмоций, которые разрушают меня изнутри.

Чёрт.

Месть лучше подавать холодной, верно? Она же кажется обжигающе горячей, и я не уверена, ненавижу я это... или люблю.

Во время моих занятий с Кридом я стараюсь, чтобы мы поговорили о чём-то другом, кроме учёбы. Я даже принимаю несколько приглашений от Миранды потусоваться в их квартире. Постепенно Крид начинает приходить в себя, и, хотя он игнорирует меня в коридорах, он очень близок к тому парню, которого я помню по прошлому году, когда мы были наедине.

Мы вернулись к просмотру фильмов на его диване, и это не редкость, когда я прихожу и застаю его в одних спортивных штанах, с полотенцем на шее, со стаканом воды в руке, когда он окидывает меня взглядом своих холодных голубых глаз.

Как ни странно, труднее всего мне уговорить Зейда поговорить со мной.

Через неделю после весенних каникул мне это надоедает, и я выслеживаю его в музыкальной комнате, когда он играет на гитаре. Он не замечает меня, пока я не оказываюсь прямо рядом с ним, напевая себе под нос какую-то песню, которая, к моему удивлению, мне действительно нравится. Я никогда особо не увлекалась современной музыкой, так что для меня это очень важно.

— Эй, Черити, что ты здесь делаешь? — спрашивает он, моргая своими зелёными глазами и выглядя почти застенчивым из-за того, что его застукали с инструментом в руках. Я скрещиваю руки на груди и наблюдаю за ним, когда он откладывает гитару в сторону и поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Он выглядит слишком уставшим, чтобы изображать из себя придурка рок-звезду по полной программе.

— Я здесь, потому что ты избегаешь меня. — Ноздри Зейда раздуваются, но ему негде спрятаться, поэтому он вынужден сидеть там и разбираться со мной. — Почему? Ты рассказал мне о плане Тристана с эссе и тестом, а потом пришёл ко мне в комнату, чтобы рассказать о пари, которое заключили девочки. Тебе, должно быть, не всё равно, иначе ты бы не беспокоился. Кроме того, для парней, которые утверждают, что ненавидят меня до глубины души, Крид и Тристан, похоже, готовы потусоваться со мной.

Плечи Зейда напрягаются, и он стискивает зубы. Он проводит татуированной рукой по другой, не менее татуированной руке. Его рукава закатаны, красный галстук полностью развязан и свисает поверх почти расстёгнутой рубашки.

— Отвали, Черити, — говорит он, но пыла в нём уже не осталось.

Интересно, что ещё происходит за кулисами с парнями, о чём я не знаю.

— Тебе не следовало возвращаться сюда, понимаешь? Разве мы не дали понять, что тебе здесь не место?

— Почему? — я бросаю вызов, делая шаг вперёд и занимая его место. Мой пульс колотится так быстро, что у меня начинает кружиться голова. — Потому что я бедная? Или потому, что ты не хочешь, чтобы мне было больно?

— Оба варианта? Ни то, ни другое? Я, блядь, не знаю. — Он встаёт, и я вынуждена сделать небольшой шаг назад, чтобы мы не соприкоснулись. Я и забыла, какой он высокий, какой красивый, его волосы только что выкрашены в тот же прошлогодний цвет морской волны. Трудно отвести взгляд от колец на его губах, когда он начинает дразнить их языком. — Послушай, ты уже отняла у меня мою музыкальную карьеру. Чего ещё ты хочешь?

— Я хочу, чтобы мы снова стали друзьями, — выпаливаю я, сама того не желая. Я на самом деле начинаю задаваться вопросом, не отклоняюсь ли я здесь от выбранного пути, не

происходит ли между нами чего-то большего, чем просто месть и гормоны.

— Ага, ну, мы никогда и не были друзьями, — говорит он, но когда он пытается уйти, я хватаю его за руку и сжимаю её. Наши глаза встречаются, и я отказываюсь отводить взгляд первой.

— Ты не должен быть так строг к своему писателю-призраку, — говорю я, и он смущённо моргает, глядя на меня. — Эта песня, которую ты так сильно ненавидишь, над которой смеялись твои друзья... Мне она понравилась. Очень. Так что не сбивай с толку того, кому звукозаписывающая компания заплатила за её написание, ладно?

Зейд смотрит на меня дольше, чем следовало бы, прежде чем вырвать свою руку из моей хватки, взлететь по ступенькам музыкальной комнаты и выйти за дверь. Несколько мгновений после этого я чувствую себя слишком тяжёлой, чтобы двигаться, поэтому опускаюсь на стол, где сидел Зейд, и просто пытаюсь вспомнить, как дышать.

— Bravo! — говорит Виндзор, удивляя меня, когда появляется из темноты кабинета мистера Картера. — Ты реально пристаёшь к ним.

— Оставь меня в покое, Винд, — стону я, но он игнорирует меня и садится в кресло с чёрным футляром для инструментов в руке. Когда он достаёт флейту, я приподнимаю бровь. — Как я уже сказала, ты не знаешь всего. Просто... помоги мне с девочками, ладно? Мне бы сейчас действительно не помешал друг. — Я убираю прядь волос со лба.

Виндзор мгновение наблюдает за мной, а затем поднимает свой инструмент.

— Сыграешь со мной дуэтом? — спрашивает он, и я удивлённо моргаю. Я понятия не имела, что он умеет играть на флейте. Конечно, он принц, поэтому я уверена, что он играет на дюжине инструментов, о которых я и не знаю. Он протягивает мне несколько нот. — Ты можешь сыграть по ним, да?

Я киваю, и он ухмыляется, указывая подбородком в сторону педальной арфы.

Несмотря на то, что я устала и мне действительно не помешал бы сон, я сажусь, настраиваю музыку и жду, когда он начнёт играть.

Виндзор хорош, почти слишком хорош. То, как он играет, заставляет моё сердце трепетать с каждой нотой, эта жизнерадостная, но интроспективная коллекция звуков, которые, кажется, притягивают мои пальцы к струнам, как по волшебству. Как только эта песня закончена, мы играем другую. И ещё одну. Мы играем так долго, что у меня начинает сводить руки, и в конце концов приходит один из охранников и выгоняет нас вон.

Принц с неторопливой непринуждённостью провожает меня обратно в мою комнату, а когда доводит до двери, наклоняется, чтобы ещё раз поцеловать в щеку. Я всё порчу, поворачивая голову, и наши губы соприкасаются на самое короткое мгновение. Это короткий, сладкий, случайный поцелуй, но от него у меня сводит пальцы на ногах, а из горла вырывается тихий, странный звук.

То, как Винд смотрит на меня... Я чувствую всевозможный трепет внутри. Наверное, я влюблена в этого чёртова принца так же сильно, как и все остальные. Он улыбается, как будто знает, о чём я думаю.

— Как я уже сказал, самая красивая девочка в академии. Если ты захочешь попробовать встретаться, милая, просто дай мне знать. Я не могу обещать, что это продлится долго, но держу пари, мы могли бы немного повеселиться вместе. — Он выпрямляется, откидывая со лба свои рыжие волосы, чтобы они встали дыбом. Его карие глаза долго смотрят на меня, прежде чем он кивает, прощается со мной и исчезает в коридоре, направляясь ко двору и башням.

Что касается меня, то я убегаю в свою комнату в общежитии, запираю её за собой и почти час сижу на полу, погружённая в свои мысли.

Жизнь в академии Бёрберри никогда не бывает скучной, да?

Поездка в аэропорт проходит напряжённо. Виндзор и Тристан — как масло и вода, а я застряла посередине. Я делаю всё возможное, чтобы игнорировать это и сохранять нейтралитет между ними, но они не облегчают мне задачу.

К счастью, мы летим бизнес-классом. Предполагаю, что это означает, что я получаю в своё распоряжение целый миниатюрный дворец. Моё кресло превращается в кровать, у меня есть огромный экран для просмотра фильмов, и стюардесса даже останавливается, чтобы дать мне тёплое полотенце, чтобы вытереть руки. Это довольно... роскошно.

— Никогда раньше не сидела в бизнес-классе? — догадывается Виндзор, перегибаясь через спинку моего сиденья. — Я тоже. Конечно, это потому, что, когда я летаю, я обычно летаю на частном самолёте моей семьи. Но я полагаю, что и так сойдёт.

— Ты высокомерный мудак, — ворчу я, всё ещё очарованная обстановкой. Он смеётся надо мной, но я просто в восторге от того, что вообще отправляюсь в путешествие, на частном самолёте или без него. Я бы с радостью просидела на унитазе всё это время, просто ради чести иметь возможность путешествовать. Я летала на самолёте всего один раз, и то только для того, чтобы слетать повидаться со своим дедушкой, прежде чем он скончался. Это было совсем не похоже на это.

После того, как мы взлетаем, Виндзор расстёгивает ремень безопасности и проводит половину полёта, выбирая со мной фильмы и давая свои необычные комментарии. Направляясь в уборную, я мельком вижу лицо Тристана, напряжённое от раздражения. Его глаза находят мои, но мы не разговаривали с тех пор, как он поцеловал меня, так что я не совсем уверена, что сказать.

Вместо этого я так быстро, как только могу, бегу в уборную и возвращаюсь на своё место, надевая наушники, чтобы не слышать принца до конца поездки.

Как только мы приземляемся, проходим таможенную и, наконец, добираемся до нашего отеля, я чувствую себя измотанной. Мисс Фелтон даёт каждому из нас ключи от наших комнат — привилегии избалованного богатого ребёнка, я полагаю, — и я плюхаюсь на кровать только для того, чтобы сразу после этого отключиться. Утром мы все завтракаем в гостиной на верхнем этаже с потрясающим видом на город и Эйфелеву башню.

Оба парня смотрят на меня так, словно никогда раньше не видели, так же очарованные моей реакцией, как и я сама достопримечательностями.

— Это всё равно, что увидеть всё в первый раз заново, правда? — в какой-то момент Виндзор перешёптывается, но затем нас объединяют в большую группу, нацепляют именные бирки и выводят посмотреть город. Единственное правило, которое у нас есть, заключается в том, что мы ни по какой причине не можем покинуть нашего партнёра.

И под партнёром, конечно же, наш гид имеет в виду Тристана. Каждая подготовительная школа отправила двух своих лучших учеников переодеться в форму и представлять свою академию во время нашей экскурсии по городу. Как студенческий гид, Виндзор бежит повсюду, и я его почти не вижу.

Несколько лет назад Собор Парижской Богоматери сгорел, но, судя по тому, что я прочитала в Интернете, ему вернули большую часть его бывшего великолепия.

Именно отсюда мы начинаем нашу экскурсию по городу ранним утром.

Пока мы пробираемся сквозь толпу внутри Собора Парижской Богоматери, священники

поют свои призрачные гимны, я чувствую, как дикое возбуждение разливается в моей груди. Я не только в Париже, чёртовом *Париже*, но и нахожусь в здании, которому почти тысяча лет. Страсть к истории во мне берёт верх, и прежде чем я осознаю, что делаю, я обнимаю Тристана за плечи и сжимаю.

На секунду он напрягается, но это ненадолго, а затем расслабляется и позволяет мне вцепиться в накрахмаленный белый рукав его академического пиджака.

— Ты видишь то же, что и я? — шепчу я, стараясь относиться с уважением к происходящему богослужению. Я ни в коей мере не религиозна, но я бы предпочла не быть грубой. Я смотрю на Тристана, и он поднимает брови. В моём животе начинается лёгкое трепетание, но я подавляю его. Последнее, что мне нужно испытывать к этому парню — это... трепет. Но остаток поездки мы проведём в паре, и я полна решимости хорошо провести время. Кроме того, если я не буду держаться за его руку, меня унесёт в толпу. Это случилось уже несколько раз.

— Я видел всё это и раньше, — говорит он, как будто ему безумно скучно. Его серый пристальный взгляд скользит по мне, а затем отводится в сторону, к стене с резьбой и табличкой, объясняющей их происхождение. По-видимому, раньше ими была покрыта вся церковь, но это единственный сохранившийся фрагмент. У меня практически текут слюнки. — Но ты выглядишь так, словно вот-вот испытываешь оргазм.

Он произносит последнее слово так громко, что несколько человек оборачиваются, чтобы посмотреть на нас, и я краснею.

— Не произноси *оргазм* так громко в церкви, — выдыхаю я, и Тристан смеётся. Вполне возможно, что это самый искренний звук, который я когда-либо слышала, слетающий с его полных, чувственных губ. *О, нет. Нет. Нет. Ты снова это делаешь, Марни, ты забываешь, что он сделал с тобой.* В моём воображении возникает образ прошлогоднего лица Тристана, жестокое звучание его слов. *«И знаешь, что? Единственным призом... был этот трофей. Мы сделали это ради забавы».* Бабочки в моём животе приземляются и отказываются снова взлетать.

— Ты же знаешь, — продолжает Тристан, его голос гораздо приятнее, чем эхо в моей голове, — что оргазм — это не плохое слово. — Он поворачивается ко мне, наши руки всё ещё переплетены. Почему-то так становится интимнее — находиться с ним лицом к лицу, сплетя наши руки.

— Я никогда этого и не говорила, — шепчу я, когда священники прекращают петь и начинается проповедь. Она по-французски, так что я не понимаю ни слова. Хотя звучит это достаточно красиво.

Тристан наклоняется и прижимает большой палец к моей нижней губе. Половина меня подумывает откусить от него кусок, в то время как другая половина... не хочет признавать, насколько это чертовски приятно.

— Страстное соединение мужчины и женщины, это не грех, это Божье благословение в спальне. — Он наклоняется ближе, как будто собирается поцеловать меня, но я отстраняюсь, выдёргивая свою руку из его. Он соблазнительно улыбается, это отработанное движение, которое, держу пари, он использовал на десятках девушек.

«*Не думай о Киаре Сяо*», — говорю я себе, но мои мысли всё равно возвращаются туда, и я дрожу. Она была для меня всего лишь ночным кошмаром, и она только что стала Голубокровной.

— Ты не производишь впечатления религиозного человека, — отвечаю я, и Тристан

пожимает плечами, засовывая руки в карманы своих белых брюк. Мимо проталкивается огромная группа туристов, и меня толкают. Тристан оказывается рядом за долю секунды, встаёт между ними и мной и кладёт руки мне на плечи, чтобы поддержать. Он окидывает толпу свирепым взглядом, который мгновенно создаёт вокруг нас космический пузырь, а затем встаёт надо мной, собственнически сжимая пальцы, чего я не понимаю. Для того, кто ненавидит меня так сильно, как утверждает, ему определенно нравится прикасаться ко мне.

— Я не религиозен, — отвечает Тристан, наконец-то отпуская меня. Он возвращается к длинному ряду резных изображений, изображающих королей, епископов и самого Иисуса, выполненных в мельчайших деталях. — Меня всё это не интересует.

— Но это история, — говорю я, протягивая руку, чтобы указать на церковь, моё сердце бешено колотится. Серьёзно, это самый долгий разговор, который у нас был за весь год. Это заставляет мой пульс биться как сумасшедший. — Мы можем многому научиться из прошлого. — Я подхожу ближе к бархатной верёвке и обхватываю её пальцами, жалея, что не могу подойти ещё немного ближе. — Люди совершают ошибки, Тристан, и, если они не извлекают из них уроков, ничего не меняется. — Я бросаю на него взгляд, который он возвращает с непоколебимой лёгкостью. Через мгновение он подходит ближе и протягивает мне локоть. Я беру его, замечая, как напрягается его тело, когда я запускаю пальцы в его пиджак.

— Мой отец ненавидит тебя, ты же знаешь. Он считает тебя воплощением дьявола. — Он говорит это небрежно, но с твёрдостью в голосе, которая говорит о том, что он по какой-то причине хочет, чтобы я это знала, как будто это очень важно. Я принимаю это к сведению и записываю в файл, но не позволяю мыслям об Уильяме Вандербильте испортить мой день.

Остаток дня мы проводим в Латинском квартале, прогуливаясь мимо баров, где пил Эрнест Хемингуэй, и останавливаясь у уличных торговцев, продающих картины маслом с видами города. Кофе в Париже ужасный, выпечка фантастическая, а моя компания... не так уж плоха, как я думала.

Весенние каникулы могут длиться две недели, но у нас в Париже всего пять дней, поэтому мы максимально насыщаем их мероприятиями, используя наш второй день для посещения Диснейленда.

Тристан позволяет мне цепляться за его руку и изливать свои эмоции, пока мы переходим от одной горки к другой. Несмотря на его чопорный характер и в целом плохое отношение, он неплохой приятель для парка аттракционов. Он не уклоняется ни от одной горки, даже от такой глупости, как чайные чашки. Он делает со мной селфи перед розовым замком Диснея и даже обедает со мной в ресторане «Пираты Карибского моря». К концу дня мне вроде как нравится разгуливать по парку в нашей одинаковой белой форме, наблюдая, как глаза девушек с безудержной ревностью следят за нашими движениями.

По дороге в поезде обратно в отель я засыпаю, положив голову Тристану на плечо, и какая-то странная, тихая часть меня представляет, как он гладит пальцами мои волосы.

В наш последний день в Париже мы посетили Эйфелеву башню, но там слишкомлюдно, чтобы получить удовольствие, поэтому мы, извинившись, отправились в парк через дорогу, чтобы сфотографироваться. Всё кажется нормальным, пока Тристан резко не останавливается.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, моргая и глядя на него.

— Марни, — начинает Тристан, поворачиваясь ко мне лицом. То, как он смотрит на моё лицо сверху-вниз, его серые глаза смягчаются, его рот слегка приоткрывается, я ожидаю

чего-то стоящего. Моё сердце бешено колотится, и я чувствую, как у меня перехватывает горло. Никакие слова не подойдут. Вместо этого я жду его ответа. — Есть так много вещей... Ты не можешь оставаться в академии. Клуб Бесконечность — это...

— Не вини в своих действиях Клуб, — говорю я ему, наконец-то снова обретая дар речи. Моё дыхание вырывается короткими, резкими вздохами. — Не делай этого. Если тебе есть что мне сказать, то говори. Но не стой там и не прячься за Клубом.

Тристан хмурится, но затем качает головой, его волосы цвета воронова крыла развеваются на ветру. Если я слегка наклоню голову, то смогу увидеть Эйфелеву башню, гордо возвышающуюся на фоне бледно-голубого послеполуденного неба. Он делает ещё один шаг ближе ко мне, а затем поднимает руки к моим плечам, нежно кладя на них ладони. Моё тело покалывает от этого прикосновения.

— Марни, — начинает он, и его голос звучит совсем не так, как обычно, почти нетерпеливо, почти... извиняясь. — Я...

— Ну и ну, не думал, что вы двое были так близки, — раздаётся голос Виндзора, и я клянусь, во взгляде Тристана внезапно вспыхивает ярость, прежде чем стена сокрушает его эмоции. Я с отчаянной грустью наблюдаю, как он запирает в себе всё, что собирался сказать, и опускает руки по швам, прежде чем повернуться и свирепо посмотреть на принца. — О, не обращайтесь на меня внимания. Я довольствуюсь тем, что стою здесь и наблюдаю. — Виндзор улыбается, но это не очень приятная улыбка. Прямо сейчас он явно что-то замышляет. Как бы сильно он мне ни нравился, я всегда должна помнить, что хожу по лезвию ножа. Он так же опасен, как и все остальные.

— Что ты вообще здесь делаешь? — Тристан рычит и выдаёт, что на мгновение он утратил контроль над собой. — И я не имею в виду Эйфелеву башню: я имею в виду эту поездку, точка.

Виндзор пожимает плечами, ладонями вверх и наружу, в беспомощном жесте — *кто я?* — что-то вроде такой позы. Он засовывает руки в карманы, пинает случайный камешек и неторопливо направляется к нам, его поза кричит о беззаботности. Дело в том, что я знаю его уже несколько месяцев, и я вижу напряжённость вокруг его рта, которой обычно там нет.

— Ну, я живу исключительно ради того, чтобы завоевать досуг и удовольствия. А что такое Париж, если не город излишеств? — улыбка Виндзора исчезает, когда ветер треплет его рыжие волосы. Его карие глаза устремлены только на Тристана; он едва смотрит на меня. Мгновение спустя его настроение меняется, и он снова улыбается. — Кроме того, я студенческий гид, помнишь? Я прожил в Париже три года. Это, и ещё я проводил здесь каждое лето с тех пор, как мне исполнилось три года.

Парни стоят по обе стороны от меня, оба значительно выше, оба красивы, но совершенно по-разному. Мой взгляд перебегает с одного на другого, и мой пульс учащается. Я почти чувствую головокружение, оказавшись в ловушке между двумя мирами. Американская королевская семья и британская королевская семья. Это противостояние на века, это точно.

Внезапно и без предупреждения оба парня хватают меня за запястья, сжимая почти слишком сильно. Виндзор справа от меня, а Тристан слева. Я остаюсь тупо моргать и гадать, почему они цепляются за меня изо всех сил.

Серые глаза Тристана сужаются до щёлочек, а Виндзор улыбается мило и широко, но пугающе. Первый говорит что-то по-французски, слова, которые на языке любви слетают с языка так же легко, как и на английском. Виндзор слушает, переводит взгляд в мою сторону,

а затем снова смотрит на Тристана. Его ответ столь же прекрасен, он легко слетает с его языка. Я улавливаю несколько слов и фраз: *la petite amie, belle* и *elle est à moi* (*прим. — подруга, красавица и она моя*). Или... Я думаю, это то, что я слышу. Но на этом всё. Я даже не знаю, что всё это значит.

— Марни, выбирай, — заявляет Тристан, высоко подняв подбородок, его тёмные волосы, растрёпанные на ветру, закрывают брови. — Выбери одного из нас, чтобы пойти с ним. Прямо сейчас.

Я изумляюсь, и мой рот приоткрывается от удивления. Выбирать? Между моим врагом, ставшим пари, и моим новым другом? Конечно, Тристан не настолько эгоистичен, чтобы думать, что я выберу его. Кроме того, однажды я уже сделала «выбор», и он не совсем удачно закончился для меня. Прежде чем я успеваю осмыслить эту мысль, хватка Тристана усиливается, но Виндзора ослабевает, и он внезапно отпускает меня, оставляя прохладное пространство там, где секундой ранее покоилась его рука.

Он говорит что-то ещё по-французски, и глаза Тристана торжествующе вспыхивают, но затем Виндзор засовывает руки в карманы и наклоняется, чтобы приблизить губы к моему уху. Когда он говорит, его губы касаются мочки моего уха, и я вздрагиваю.

— Я не буду заставлять тебя выбирать, красавица, не сегодня. — Он хихикает, и я вздрагиваю. — Но, если ты действительно хочешь отомстить, положи это ему в карман, когда у тебя будет такая возможность. — Я чувствую лёгкую тяжесть в правом кармане пиджака и удивлённо моргаю, когда Виндзор пятится, кивает Тристану и подмигивает мне. Он разворачивается на каблуках и уходит в направлении Эйфелевой башни.

Из-за чего... что это за чушь? Моя правая рука незаметно ныряет в карман, и я нащупываю маленький предмет, завернутый в пластик. Посмотрев вниз, я вижу белый порошок, и моё лицо бледнеет. Это... то, о чём я думаю?! Виндзор только что положил мне в карман кокаин.

О мой Бог.

Тристан слегка расслабляется и искоса смотрит на меня. Что бы он ни собирался сказать раньше, все исчезло, начисто стёрто с его лица. Он выглядит таким же холодным и непоколебимым, как всегда. Его рука убирается с моего запястья, и он делает небольшой шаг назад. Мы обмениваемся долгим взглядом, и мой желудок переворачивается от нервозности.

Он заставил меня думать, что я ему небезразлична.

Я больше не позволю, чтобы мне лгали.

Но... Мне нужно, чтобы он пошёл со мной на выпускной бал. Поскольку он помолвлен с Харпер, он гораздо более сложная мишень, чем Зейд и Крид.

— Куда теперь? — спрашиваю я, и он отводит взгляд в сторону парка слева от нас, засовывая руки в карманы брюк. Как только у меня появляется свободная минутка, я выбрасываю пакетик в мусорное ведро. *Заставь их повиситься на собственной верёвке.* Насколько я знаю, Тристан не употребляет кокаин. Я не собираюсь так с ним поступать. Однажды я нарушила свои правила, чтобы ударить Харпер; больше я этого не сделаю.

— Возвращаемся в отель. Нам нужно рано утром отправляться в аэропорт. — Он снова бросает быстрый взгляд в мою сторону. — Ты знаешь, у моего отца есть виноградник в Реймсе, и моя семья производит шампанское. Однажды я отвезу тебя туда. — А потом он поворачивается и уходит, оставляя меня в замешательстве и приподнятом настроении.

Это пари вполне может привести к моей смерти.

Остаток весенних каникул я провожу, украшая свою новую комнату, нежась в ванне (мы никогда не принимали ванну в вагоне поезда) и исследуя модный район Гренадин-Хайтс, с которым наша новая арендованная квартира *едва* граничит. Но, технически, мы *находимся* в границах Гренадин-Хайтс; это чертовски круто.

Но папа может позволить себе это только потому, что получил работу по сварке от друзей Робин на Рождество. Им так понравилась его работа, что их друзья наняли его и друзья их друзей. Я просто надеюсь, что в один прекрасный день работа не закончится и мы снова не окажемся в вагоне поезда. Технически, мы владеем этим участком бесплатно и без ограничений и арендуем его за некоторую номинальную сумму. На данный момент он по-прежнему принадлежит семейству Рид.

Меня так раздражает Виндзор, что я игнорирую его сообщения в течение трёх дней, прежде чем ответить.

«С кокаином было чересчур», — говорю я ему, и он отправляет в ответ эмодзи, пожимая плечами. Когда я не нахожу это особенно забавным, он пишет мне снова.

«Ты права. Это твоя игра, а не моя. Я к этому не привык».

Он ждёт несколько минут, пока я сижу голая в ванне и смотрю на свой телефон, а затем снова начинает печатать. Вероятно, в какой-то момент я уроню свой телефон в воду, и тогда мы действительно узнаем, водонепроницаемый он или нет. Моя кожа вся морщинистая и напоминает чернослив, но я ещё не готова выходить.

«Что я пытаюсь сказать, миледи, так это то, что я сожалею».

Я со вздохом читаю следующее сообщение Винда, а затем отправляю ему ответное сообщение: *«Ты прощён. Просто не делай этого снова»*.

Я собираюсь отложить телефон в сторону, когда приходит ещё одно сообщение, но на этот раз оно не от Виндзора. Нет, на этот раз это от Зейда.

«Весенние каникулы в турне с папой — отстой. ХХХ»

Бабочки порхают у меня в животе, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не завизжать. Ни за что. На самом деле я не так уж взволнована, просто... пари и всё такое. Теперь, когда истекают последние дни марта, я поняла, что на самом деле у меня есть только апрель и май, чтобы заставить парней влюбиться в меня.

Два месяца — это не так уж много времени, и июнь едва ли считается, поскольку наш последний день — и день выпускного бала — четырнадцатое.

«Здесь тоже ничего не происходит. Есть какие-нибудь симпатичные поклонницы на концертах?»

Понятия не имею, почему я спросила об этом, и я съёживаюсь сразу после нажатия кнопки отправить. Зейд начинает печатать, и я получаю в ответ несколько смеющихся смайликов, которые напоминают мне о его воющем смехе.

«Им всем, наверное, за пятьдесят, — отвечает он, и потом: — это пытка. Папина музыка тоже отстой».

Я смеюсь и погружаюсь чуть ниже в пузырьки. Мы продолжаем переписываться, и к тому времени, как я осознаю, сколько времени пролежала в ванне, вода уже холодная, а папа вернулся с работы. Я посылаю Зейду последнее сообщение и вылезаю, вытираюсь полотенцем и натягиваю джинсы и футболку.

Как бы то ни было, Зак уехал навестить своего дедушку, и я осталась совсем одна в Круз-Бей, и мне не с кем было потусоваться. Я не уверена, благословение это или проклятие. Я наслаждаюсь отдыхом и общением с папой, но я почти уверена, что он тайком выбирался ночью, чтобы повидаться с Дженнифер. Мы не говорили об этом, но я просто так рада, что его анализы показали оптимистичные результаты, что не настаиваю на этом.

Только после ужина в тот вечер.

— Дженнифер хотела бы пригласить тебя провести с ней лето, — говорит папа, перекрикивая звуки музыки в стиле кантри. Мы сидим в стейк-хаусе, за который я заплатила своими деньгами от ставки. Я рассказала папе правду: я выиграла деньги, играя в покер. Он не спросил, сколько, и это хорошо, потому что я отказываюсь лгать, но я также воздерживаюсь сообщать ему об этом. Если он узнает, что я замешана в странностях Клуба Бесконечности, он, вероятно, заберёт меня из академии с криками и пинками.

— Ты всё ещё встречаешься с ней? — спрашиваю я, ковыряя вилкой печёную картошку. Папа вздыхает и потягивает своё пиво, не торопясь, прежде чем ответить мне.

— Не то чтобы это тебя касалось, — он окидывает меня критическим взглядом, — но да.

— Но она не собирается бросать своего мужа ради тебя? — папа ничего не говорит. — И тебя не беспокоит, что ты замешан в её измене? — на этот раз он злится и откладывает вилку. Он смотрит на меня с глубоко посаженной хмуростью на лице, которая мне не нравится. Чарли никогда так не хмурится на меня; я виню Дженнифер. — Она бросила нас, и она оставила меня на остановке, потому что я была *неудобна*. Пап, это отстой.

— Марни, достаточно.

Поджав губы, я откладываю вилку, откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди.

— Честно говоря, я бы хотела никогда больше её не видеть. Я отклоню её летнее приглашение. *Если только* её приглашение не означает, что я смогу встретиться со своей сестрой, тогда я подумаю об этом. — Судя по тому, как папа смотрит на меня, я предполагаю, что — это нет. — Тогда ответ — нет. Эта женщина — трусиха, которая отказала мне в отношениях с единственным братом или сестрой, которые у меня когда-либо будут.

Чарли морщится.

— Тогда ладно, Марни, не езжай. Но я взрослый мужчина, и если я хочу иметь отношения с твоей матерью...

— Дженнифер, — поправляю я, и он вздыхает.

— *С Дженнифер*, тогда я так и сделаю. И тебе это не обязательно должно нравиться, но ты можешь, по крайней мере, относиться к этому с уважением.

Никто из нас не разговаривает до конца ужина, и когда возвращаюсь домой, я запираюсь в своей комнате и играю на арфе до восхода солнца.

К чёрту Дженнифер.

Она не хотела быть моей мамой, когда я нуждалась в ней, так что сейчас я не заинтересована в том, чтобы она была рядом.

После этого в доме царит такое напряжение, что я почти испытываю облегчение, когда Эндрю заезжает за мной на своём лимузине, и мы возвращаемся в Бёрберри.

Вернувшись, я сразу же приступаю к работе, погружаясь в учёбу и следя за тем, чтобы мои оценки оставались на высоком уровне. Я также прилагаю дополнительные усилия к

тому, чтобы проводить каждую свободную минуту с одним из парней-Идолов. Тристан... сложный человек. Мы отлично провели время в Париже, и я чувствовала, что мы действительно добиваемся прогресса, но теперь, когда мы вернулись в кампус, он стал замкнутым и странным.

С Кридом и Зейдом гораздо проще, и, хотя я думаю, что они немного шокированы, увидев меня открытой и всепрощающей, они тоже начинают неохотно искать моей компании. В конце недели, когда я пишу Лиззи и рассказываю ей о Тристане, она странно молчалива. Она даёт мне несколько коротких, отрывистых ответов, но на этом всё. Её чувства к нему, кажется, так же сильны, как и всегда, и по какой-то причине это меня беспокоит. Я не знаю почему, но так оно и есть, и мне это не нравится.

Миранда тоже ведёт себя немного странно, задаёт мне всевозможные вопросы о том, что я делаю с парнями. Она не настолько глупа, чтобы думать, что я действительно простила их, но, к её чести, я думаю, что она, возможно, немного беспокоится о том, что я могу сделать с её близнецом. Я даю ей самые лучшие ответы, на которые только способна, и надеюсь, что она сможет простить меня, когда придёт время.

На следующих выходных Миранда говорит мне, что Крид украл ключ от легкоатлетического центра, чтобы он мог пользоваться гидромассажным джакузи. Технически, это только для студентов-спортсменов, которым нужно тепло, чтобы размять больные мышцы, и его использование должно быть одобрено школьной медсестрой.

Когда я нахожу его там, он просто нежится в пузырях с закрытыми глазами. Я ничего не говорю, бросаю полотенце на ступеньки и забираюсь внутрь. Он слышит плеск моей ноги, ударяющейся о воду, и стонет.

— Миранда, я сказал, что ты можешь воспользоваться ей позже. Какая часть... — он замолкает, когда открывает глаза и видит меня там, погружённую по колени и стоящую на круглом сиденье скамьи. Я погружаюсь в тепло, в то время как веки Крида опускаются до своего обычного полуопущенного состояния. — Ну, привет. — Этот парень звучит так непринуждённо и бесцеремонно, как будто ему наплевать на всё на свете. Я бы хотела, чтобы моя жизнь была такой. Почти уверена, что его тоже не такая, но, по крайней мере, он хорошо притворяется.

— Ты же не возражаешь, если я присоединюсь к тебе, верно? — Крид пожимает своими бледными плечами, и я не могу оторвать взгляда от изящных линий его груди. У него действительно красивое тело. — Ты ведь сейчас ни с кем не встречаешься, не так ли?

— А тебе-то какое дело? — отвечает он мягко, без жестокости. Именно такой он и есть — беззаботный, ленивый и надменный.

— Просто любопытно, не будет ли преследовать меня какая-нибудь сердитая девушка из Голубой Крови за то, что я нахожусь полуголой в джакузи с её парнем, — говорю я, и одна из бровей Крида приподнимается.

— Полуголой? — говорит он, сузив глаза до щёлочек. — Если ты думаешь, что я только наполовину обнажён под всеми этими пузырями, то ты даже более наивна, чем я думал.

Мой рот приоткрывается, когда Крид ухмыляется мне, и я тут же опускаю глаза, пытаясь хоть мельком увидеть... Полагаю, он решает, что туманных намёков недостаточно, и встаёт, демонстрируя мне всю свою, гм, красоту.

«Святое ёбаное дерьмо», — думаю я, когда Крид обходит скамейку, чтобы сесть поближе ко мне. Мы не совсем соприкасаемся, но мне кажется, что так оно и есть, особенно зная, что на нём вообще ничего нет.

— А если тебя застукает здесь сотрудник? — я задыхаюсь, пытаюсь не думать о приятной, твёрдой длине его члена... Нет. Нет, нет, нет. Я с усилием вытаскиваю свой разум из этой сточной канавы.

— Тогда я встану, покажу им всё, и им будет так некомфортно видеть член студента, что они отпустят меня с одним-двумя замечаниями. — Он так уверен в себе, что мне хочется понаблюдать за ним. Но я здесь не для этого. Я пытаюсь восстановить отношения, которые были у нас в прошлом году. — Что я хочу знать, так это почему ты здесь, а твой парень нет.

— Парень? — спрашиваю я и думаю о Виндзоре на долю секунды раньше, чем о Заке. Почему и как это происходит, я не уверена, но это выводит меня из себя. — У меня нет парня.

— Ты целуешься с Заком Бруксом просто ради забавы?

— Я поцеловала тебя ради забавы в прошлом году, — отвечаю я, и это неподходящая тема для обсуждения, потому что Крид немедленно замолкает. Мы сидим там вместе, среди жары и пузырьков, оба уставившись в разные стороны. Когда он снова смотрит на меня, то подпирает пальцами подбородок и смотрит на меня сверху-вниз, как будто допрашивает.

— И вообще, почему ты со мной разговариваешь? Ты сказала, что скучала по мне. Отлично. Но не притворяйся, что ты переживаешь из-за того, что произошло.

— Я наказала тебя, — говорю я ему, и он съёживается. Он знает, что я говорю о дневнике и об электронном письме его матери. — Теперь мы квиты. Я хочу двигаться дальше, Крид. Твоя сестра — моя лучшая подруга, а твоя мама — мой спонсор, и... нам было очень весело вместе, так ведь? — он ничего не говорит, просто пристально смотрит на меня. — Что я пытаюсь выяснить, так это когда это изменилось для вас троих. Сначала я могла бы сказать, что ты действительно ненавидел меня за то, кем я была и за что выступала. Но я думаю, что после того, как ты заключил это пари и начал проводить со мной время, всё изменилось. Теперь мне интересно, не отталкиваете ли вы трое меня в этом году, чтобы защитить.

Крид фыркает, но не отвечает, и я внезапно чувствую себя взвинченной, как будто я что-то заподозрила.

— Вот почему ты такой замкнутый, странный и подлый, но также и поэтому ты не набросился на меня со всем, что у тебя есть. Какая-то часть тебя, даже если она спрятана глубоко внутри... может быть, не ненавидит меня так сильно, как тебе хотелось бы?

Он игнорирует меня, но я внезапно начинаю дрожать и покрываюсь потом. Это правда, не так ли? Как бы тяжело мне ни было изображать интерес, не испытывая истинных чувств, у них была такая же проблема в прошлом году. Это, блядь, отстой. Если бы здоровье моего отца не было поставлено на карту, если бы моя учёба в Бёрберри не была... остановила бы я пари с Харпером прямо сейчас? Внезапно это кажется излишеством. Я почти рада, что нет возможности отказаться от него. Этим парням нужен урок, чтобы пройти полный круг.

— Девочки не остановятся, пока тебе не будет нанесён непоправимый ущерб, — говорит Крид, вздыхая. Он смотрит на меня, и его веки приоткрываются больше, чем обычно, обнажая его великолепные голубые глаза. Он оценивающе смотрит на меня. — Ты привлекла внимание клуба Бесконечности, Марни. — *О боже, он только что назвал меня Марни.* — Уходи и перестань мучить нас.

Нас.

Он только что сказал «нас».

— Мучить вас, каким образом? — спрашиваю я, и затем Крид действует с

молниеносной скоростью, отбрасывая роль ленивого принца ради непреодолимого кошмара, которым он является, когда защищает Миранду. Он сажает меня к себе на колени, и я внезапно оказываюсь просто осёдланной у его твёрдости, обвивая руками его шею, его руки на моих бёдрах.

Наш поцелуй внезапен и яростен, и это заставляет меня забыть, что прошло какое-то время с того момента, как его губы в последний раз были на моих. Я забываю о розыгрышах, пари и пытках, и я просто прижимаюсь к нему и целую, тихие стоны вырываются у нас обоих.

Крид — тот, кто отталкивает меня назад, его голубые глаза сверкают. На этот раз его взгляд из-под тяжёлых век совсем не ленивый. Всё, что это говорит мне, — это секс.

— Как далеко ты хочешь, чтобы это зашло? — спрашивает он резким от желания голосом. Я тяжело сглатываю и выдыхаю, обхватывая пальцами его мускулистые плечи. Мы прижимаемся лбами друг к другу, и я чувствую, что могу умереть. Несмотря ни на что, я скучала по этому куску дерьма. Всё, чего я хочу, это... и *мне жаль*.

— Ты снимаешь это на этот раз? — шепчу я, и Крид напрягается подо мной. Я имею в виду, жёсткий в других отношениях, менее хороших.

— Нет.

— Ты... — я поднимаю на него глаза и не могу не думать о Заке. Это в чём-то похоже на предательство. Я сказала ему, что мы не встречаемся, что я никогда не смогу быть с ним, но... — Тебе доставляет удовольствие то, что ты сделал со мной?

Крид обнимает меня и притягивает к себе.

«Пожалуйста, скажи это», — я думаю. *«Пожалуйста»*.

— Если ты думаешь, что я собираюсь кому-нибудь рассказать об этом, то я этого не сделаю. — Он выдыхает, и это первая искренняя эмоция, которую я вижу у него за долгое время. — Тебе нужно уйти из академии, пока не стало слишком поздно.

— Я не боюсь Харпер и её подружек-сук, — огрызаюсь я, и Крид скрипит зубами.

— Может быть стоит. — Я сильнее насаживаюсь на его промежность, и он стонет. — Господи, Марни.

— Ты уничтожил меня, — выдыхаю я. Я не хотела этого, но слова просто слетают с моих губ. Моё тело всё ещё горячо пульсирует, соски затвердели, губы болят от наших поцелуев. — Почему? Почему, Крид? Было весело?

— Мне пиздец как жаль! — рычит он, и это настолько выходит за рамки его обычного самовыражения, что я вне себя от шока. — Мне жаль, что я это сделал. Но почему ты выбрала его, а не меня? Какого хрена, Марни? — Крид хватается за затылок и целует с таким жаром и желанием, что у меня кружится голова. *Всё это может быть ловушкой. Насколько я знаю, Валентина или Илеана прячутся за углом и снимают нас.*

Моё тело движется само по себе, раскачиваясь на коленях Крида, в то время как наши поцелуи достигают крещендо. Он вздрагивает подо мной, постанывая, его мышцы напрягаются, бёдра приподнимаются навстречу моим. Мне требуется мгновение, чтобы осознать, что только что произошло, а затем я отшатываюсь, щёки пылают, во рту покалывает.

— Ты только что...

— Ты тёрлась о мою голую промежность, — шепчет Крид в ответ, закрыв глаза и тяжело дыша. Его правая рука скользит вниз по моей спине, чтобы обхватить мою задницу, и я почти уверена, что он хочет увидеть, что у меня под купальником...

Я отпрыгиваю назад, перебираясь на противоположную сторону джакузи.

Примерно в это время появляются Миранда, Эндрю... Зак и Виндзор.

— О. — говорит Виндзор, и его голос звучит слишком самоуверенно для того напряжения, которое царит в комнате. Понятия не имею, как я выгляжу, но я ловлю тёмный взгляд Зака и вижу в нём ярость. Он выглядит так, словно может убить Крида. — Мы чему-то помешали? Теперь у тебя определённно был секс, не так ли?

— Нет, — выпаливаю я, но, полагаю, это было настолько близко к сексу, как я никогда не была ранее... — Нет, мы... нет.

Миранда выглядит так, словно её сейчас стошнит. Я немного удивлена, учитывая, что я думала, она хотела, чтобы мы с Кридом снова стали друзьями.

— Я пойду, — говорит Зак, поворачивается и широкими шагами уходит, его полотенце брошено на мускулистые плечи, шорты низко сидят на бёдрах. Я не могу смотреть на Крида, а довольная ухмылка Виндзора приводит меня в бешенство, поэтому я встаю и вылезая из джакузи, хватая полотенце, проходя мимо Эндрю. Он просто выглядит смущённым и сбитым с толку. Наверное, я бы тоже так поступила, если бы думала, что моя подруга жаждет мести и в итоге довела своего мучителя до оргазма в джакузи.

— Зак, подожди, — зову я, ковыляя за ним, щёки красные, тело покраснелось. Он выбегает на улицу прежде, чем я хватаю его за руку и заставляю развернуться ко мне.

— Ты что, только что трахнулась с ним? — кричит он, но я качаю головой, а затем закрываю лицо руками. — Я думал, ты не веришь в эти дурацкие ставки в Клубе Бесконечности? Я понимаю, что ты пытаешься сделать, но заходить так далеко? Трахаться с парнем, которого ненавидишь? Как ты могла, Марни?

— Он... мы просто целовались, и он... — я понятия не имею, что сказать, и в конце концов опускаю руки по швам.

Зак просто смотрит на меня и тяжело сглатывает. Когда он целует меня, я позволяю ему это. Я позволяю ему прижать моё мокрое тело к его, и мне так нравится быть в его объятиях, что я... сбита с толку.

Изменяла ли я Заку с Кридом? Или я изменяю Криду с Заком? Изменяла ли я кому-нибудь из них, когда целовалась с Тристаном? О Боже. Я не изменщица. Я ненавижу изменщиков. Дженнифер — изменница. Я не могу быть такой.

«Как ты собираешься выбрать?»

Миранда задала мне этот вопрос в прошлом году. Тогда я его возненавидела. Теперь я ненавижу его ещё больше.

Я отталкиваю Зака от себя, накидываю полотенце на плечи и бегу обратно в общежитие.

Глава 21

— Что бы ты ни сделала, — говорит Миранда, пока я ем свою еду так быстро, как только могу. Я просто хочу закончить свою трапезу и убраться из столовой до того, как появятся Тристан, Зейд, Крид, Зак или Виндзор. Разве я прошу слишком многого? — Крид теперь одержим тобой. — Я давлюсь помидором черри, но не могу проигнорировать лёгкое обвинение в её словах.

— С тобой всё в порядке? — спрашиваю я, и она вздыхает, кладёт локти на стол и подпирает подбородок ладонями.

— Ты, должно быть, что-то задумала. Ты ни за что не простишь моего брата так легко. — Я накальваю ещё один лист салата и подношу его к губам. — Я верю тебе, когда ты говоришь, что не спала с ним, но что бы ни случилось... Я не думаю, что ты даже сама поняла. Ты уверена, что знаешь, что делаешь?

— Я же говорила тебе, — шепчу я, понизив голос. С нами в ресторане едят и другие студенты, но все они Плебеи. Мы в относительной безопасности, но я не сомневаюсь, что любой подслушанный разговор дойдёт до Харпер. — Он просто... *кончил*. — Миранда морщит нос и смотрит на меня с ужасом.

— Пожалуйста, перестань это говорить. Это так чертовски мерзко. Это мой *брат*. Мой *близнец*. Я не хочу слышать о его... фу. Просто нет. — Она вздыхает и садится прямо, замирая, когда открывается дверь и... входит Зак. О, фантастика. Он сразу замечает меня и направляется прямоком к нашему столику. Было бы неправильно, если бы я просто встала и побежала?

Он садится рядом со мной, и воцаряется неловкое молчание.

— Мы можем побыть немного наедине? — спрашивает Зак, и Миранда закатывает глаза.

— Да, конечно. Детка, найди меня позже, и мы все посмотрим «РуПола» в комнате Эндрю, хорошо? — я киваю, и она уходит. Я уставилась на свой салат, ожидая, когда Зак заговорит.

— Ты злишься на меня? — спрашивает он, и моя голова дёргается вверх и по сторонам. Мои брови хмурятся, и я настолько сбита с толку, что не совсем знаю, что сказать.

— А ты на меня не злишься? — спрашиваю я, и он вздыхает, стискивая челюсти и отводя взгляд. — Я... была с Кридом, и...

— Я уже говорил тебе, мы не можем быть вместе. Я, блядь, не заслуживаю тебя, Марни. С моей стороны было неправильно так реагировать. Я знаю, что у нас нет будущего. — Моё сердце замирает, и мне хочется кричать. *У нас могло бы быть будущее, идиот! Сражайся за меня.* Но в то же время я чувствую себя изменщицей, которая не заслуживает Зака. Я чувствую себя как моя мама.

— Я изменила тебе, — выдыхаю я, и он поворачивается ко мне лицом с широко раскрытыми глазами.

— Изменила? Ты не можешь изменять тому, с кем ты не вместе. — Он смотрит на меня с такой тоской, что моё сердце начинает бешено колотиться, и я чувствую, что вот-вот потеряю сознание. Ситуация становится только хуже, когда в комнату заходят парни-Идолы и замечают нас там, в углу.

Ноздри Тристана раздуваются при виде Зака, Крид немедленно направляется ко мне, а

Зейд мило машет рукой.

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

Я вскакиваю со стула, сердце бешено колотится, когда Крид кладёт руки по обе стороны от меня и прижимает к стене.

— Избегание меня не принесёт тебе ничего хорошего, — говорит он, и мне кажется, что я на минуту забываю своё собственное имя.

— Я не избегала тебя, — шепчу я, гадая, как много он рассказал Тристану и Зейду. Честно говоря, двое других выглядят немного растерянными. — Я просто... У меня много дел, ясно?

Крид прищуривается, глядя на меня, а затем смотрит на Зака, как на мусор.

— Почему бы тебе не исчезнуть, чтобы мы с Марни могли поговорить?

— Мы с Марни разговаривали, так как насчёт того, чтобы это ты отъебался? — рычит Зак. Тристан делает вид, что ему насрать, и направляется напрямиком к столику Идолов. В конце концов, он помолвлен, и я делаю мысленную пометку надавить на него сильнее. Апрель уже подходит к концу, а чего я добилась за этот месяц, кроме того, что... провела время в джакузи с Кридом?

Положив ладонь на грудь Крида, я отталкиваю его на шаг назад и отодвигаюсь от двух парней. Зейд внимательно наблюдает за мной, засовывая испачканные чернилами пальцы в передние карманы. Он явно заинтересован в том, что происходит между нами.

— Что, чёрт возьми, происходит? — спрашивает он, когда Крид и Зак смотрят друг на друга так, словно вот-вот подерутся. Как будто мой день недостаточно дерьмовый, Виндзор выбирает именно этот момент, чтобы войти. Он подходит прямо ко мне, хватая меня за руку и одаривает других парней одной из своих фантастических улыбок.

— Ты не возражаешь если я позаимствую Марни на минутку? Обязанности наставника и всё такое. — Он тащит меня прочь, и я вздыхаю с облегчением, как только выхожу из комнаты, наклоняясь и кладя ладони на колени для поддержки. Виндзор поглаживает мою спину нежными круговыми движениями. — Ну, ну, всё хорошо. Я знаю, каково это — жонглировать несколькими подружками одновременно. Я узнаю панику на твоём лице.

— Не сравнивай меня с собой, — шепчу я, заставляя себя встать. — У меня нет нескольких бойфрендов. Я просто... противопоставляю свои собственные интересы... другим вещам. — Виндзор долго смотрит на меня озорными карими глазами.

— Другим вещам? — застенчиво спрашивает он, и я чувствую, как правда вертится у меня на языке. Я не уверена, что именно в нём заставляет меня хотеть выложить всё начистоту. Честно говоря, это приводит в бешенство. — Ты имеешь в виду что-то вроде таинственной мести, о которой ты не хочешь говорить?

— Послушай, я... — я смотрю на Виндзора, и меня переполняют такие эмоции, что хочется задохнуться. — Мне нужно уговорить Идолов пойти со мной на выпускной. — Это всё, что я должна сказать, и тут у него в голове что-то щёлкает. Я вижу это в ту же секунду, как это происходит. — Они поспорили, что смогут заставить меня влюбиться, так что... — в тот момент из моих уст это звучит довольно неубедительно.

— Понятно, — протягивает Виндзор, постукивая себя по подбородку, как будто все кусочки мозаики складываются воедино. — Ты бросаешься на этих идиотов чтобы выиграть пари? — я киваю, и мне становится стыдно. Я больше не чувствую себя крутой задирой, жаждущей мести. Я чувствую себя Марни Рид, девушкой, которая вляпалась по уши. На самом деле мне *нравится* Зак. И мне нравится Крид. Мне также нравится Зейд. И Тристан

Они пытались защитить меня от девочек весь год; теперь я это вижу. Это не делает их поведение правильным, но это заставляет меня хотеть знать больше. Больше о них, об их чувствах, больше о том, что могло бы произойти, если бы я проводила с ними больше времени.

— Мне нужно заставить их влюбиться... — я начинаю, и задача кажется мне настолько монументальной, что я даже не знаю, с чего начать. У меня мало времени, и на кону будущее моего отца.

— О, любовь моя, — говорит Виндзор со смешком. Он откидывает свои рыжие волосы со лба. — Помнишь, как я впервые подумал, что ты трахалась с ними? — я осторожно киваю, и подтверждаю. — Я думал, что это то, что я почувствовал, но ошибался.

— Верно, потому что я никогда... ни с кем из них не спала. — *«Я только заставила Крида кончить в джакузи»*, — думаю я, и мне хочется задохнуться, а потом исчезнуть в дыре в земле. — И что с того?

— Ты уже выиграла, глупая шалунишка, — говорит Виндзор, качая головой. — Если ты попросишь, они пойдут с тобой на вечеринку. Это так чертовски очевидно, что практически написано на их лбах. — Я таращусь на него, разинув рот, но он кажется таким чертовски уверенным в этом, что трудно не... волноваться и чувствовать удовлетворение одновременно.

— Они меня не любят, — говорю я, и Виндзор пожимает плечами, эполеты на его пиджаке сминаются от этого движения.

— Ты им достаточно нравишься, что они придут. Просто спроси, Марни. Возьми их, сокруши, выиграй своё пари, а затем выясни, действительно ли прощение — это то, в чём ты заинтересована. — Он на мгновение хмурится. — Хотя я с нетерпением ждал возможности съесть их живьём. Однако ты позволишь мне помочь с остальными твоими друзьями Голубой Крови, не так ли?

Я киваю, но молчу, потому что не знаю, что сказать.

Виндзор ухмыляется, обнимает меня за плечи и уводит прочь от этого беспорядка.

— Пойдём, принесу тебе чего-нибудь выпить: тебе явно не помешало бы. — Я следую за ним, хотя у меня нет никакого намерения употреблять алкоголь. Думаю, мне не стоило беспокоиться: как только мы добираемся до его комнаты в общежитии, Виндзор заваривает мне чашку чая с молоком и двумя кусочками сахара. И он прав: после того, как я выпиваю его, всё кажется мне намного яснее.

Это прекрасный баланс, позволяющий поддерживать все мои отношения. И я имею в виду не только те, что с парнями, с Мирандой, Эндрю и Лиззи тоже. В конце года академическая нагрузка очень велика, и я обнаруживаю, что провожу большую часть своего времени, просто пытаюсь не отставать от своих занятий, не говоря уже о дружбе и моих... других затруднениях.

Крид — первый, кого я спрашиваю, входя прямо в его квартиру после того, как Миранда открывает дверь, и останавливаясь рядом с ним, пока он разваливается на диване. Моё лицо ярко-красное, но ко мне вернулась часть моей уверенности. Что бы ни случилось с парнями позже, *сейчас* они должны усвоить урок. Я отведу их на вечеринку и посмотрю, как они отреагируют. В конце концов, я пережила это. Они тоже смогут.

— Пойдёшь на выпускной в качестве моей пары? — спрашиваю я, и Крид лениво поднимает на меня взгляд. Он настолько великолепен, что трудно поверить в то, что на самом деле произошло между нами. — Я имею в виду вечеринку в Ройял Пойнт. Пойдём со

мной, официально.

— Харпер это не понравится, — отвечает Крид, и в итоге я хмурюсь. Его брови удивлённо приподнимаются.

— Меня не волнует, что понравится Харпер. Я ей не принадлежу. А ты принадлежишь ей? — на этот раз насмехается Крид. Он проводит языком по нижней губе, а затем резко кивает.

— Тогда ладно. — Он делает паузу. — Наденешь моё платье?

Я мгновение обдумываю это, а затем пожимаю плечами.

Я сделала выбор один раз, и мне это не понравилось. Это своего рода противоположный сценарий, но я всё равно не буду выбирать. Либо все трое парней-Идолов пойдут со мной, либо вообще никто.

На следующий день я обязательно разыскиваю Тристана, пока он отдельно от Харпер, он стоит, прислонившись к своему шкафчику одним плечом и закрыв глаза. Он, кажется, удивлён, увидев меня, когда наконец открывает их.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он, как будто мы не тусовались целую неделю в Париже и не целовались в столовой. Я вернула ему его драгоценности, как он и просил. Он едва сказал мне «спасибо». Я начинаю задаваться вопросом, не было ли ошибкой последовать совету Виндзора. Я чувствую, что Тристан и близко не готов сказать «да». Он выглядит так неприступно великолепно, что я не знаю, что делать.

— Ты... ты помолвлен с Харпер? — спрашиваю я, и его лоб хмурится, а рот кривится в хмурой гримасе. — Даже после того, как она пыталась утопить меня?

— Я тебе это объяснял, — говорит он, но в его голосе слышится дрожь, которая напоминает мне о загнанном животном, отчаянно ищущем выхода. — Мой отец не допустит этого.

— Она тебе вообще нравится? — спрашиваю я, а он просто смотрит на меня сверху-вниз своим холодным серебристым взглядом.

— Она перестала мне нравиться, когда я узнал, что она избилла тебя. — Это всё, что он говорит, и слова достаточно холодны, но смысл, стоящий за ними, заставляет моё сердце трепетать.

— Тогда, ты можешь оказать мне услугу? — моё сердце сейчас колотится так быстро, что я чувствую его в своих ладонях.

— Какую? — только это одно слово. Тристан, похоже, сейчас тоже на взводе.

— Будь моей парой на вечеринке в доме у озера в Роял Поинт. — Он вздыхает и проводит ладонью по лицу, как будто внезапно устал. Я подхожу вперёд и хватаю его за ворот академического пиджака, и он замирает, как будто ему дали пощёчину. — Я тебе нравлюсь, Тристан? — спрашиваю я и понимаю, что задаю так много вопросов этим единственным предложением. Я спрашиваю его, сожалеет ли он, готов ли он внести раскол в Голубую Кровь, может ли он доказать мне, что он знает, что поступки девочек были неправильными. В бассейне, за кулисами на концерте они зашли слишком далеко. Слишком, слишком, слишком далеко.

Он наклоняется и берёт мои руки в свои, тепло его кожи ошеломляет меня. Его аромат мяты и корицы окружает нас, и он наклоняется, дыша мне в волосы. Но он не целует меня, не так, как я бы этого хотела. Его руки сжимают мои чуть сильнее, прежде чем он мягко отстраняет их. Лёгкая гримаса недовольства появляется на его губах, но я почти уверена, что это предназначено не мне.

— Я пойду с тобой на вечеринку, — говорит он, его голос такой мягкий, что кажется шёлковым, — но после этого... больше ничего. Марни, ты не можешь оставаться здесь, и я не могу быть твоим. — Тристан отталкивает меня и быстро поворачивается, двигаясь по коридору так быстро, что к тому времени, как я решаю, что хочу пойти за ним, он уже исчез. Даже когда я выглядываю из-за угла, его нигде нет.

У меня сводит желудок, и я не могу решить, было ли это победой... или поражением.

Зейд — последний из Идоллов, которого я ищу. Может быть, потому, что я чувствую, что между нами действительно что-то было, и его предательство ранит сильнее всего? Я не знаю. По какой-то причине он отделился от меня даже больше, чем Тристан. смс помогают, но всякий раз, когда я обращаюсь к нему лично, он, кажется, находит причину сбежать.

Мы в середине долгого текстового общения, когда я нахожу его загорающим на улице на столе для пикника. «Бу», — это последнее, что я отправляю, прежде чем ткнуть его в плечо и заставить подпрыгнуть.

— Ты избегаешь меня, — говорю я вслух, и он садится, скрещивая ноги и поднимая на меня свою проколотую бровь.

— Эм, нет? Я просто сижу здесь, — говорит он, одаривая меня дерзкой, глупой улыбочкой, которая на сто процентов фальшивая. — Если бы я избегал, Черити, ты бы знала, потому что увидела бы, как моя упругая задница мчится по полю. — Он ухмыляется, когда я забираюсь на стол, чтобы сесть рядом с ним.

— Трофей всё ещё у тебя? — спрашиваю я, и, клянусь, он давится собственной слюной. Он пытается скрыть это движение, доставая сигарету и зажигалку и оглядываясь по сторонам, чтобы проверить, нет ли кого-нибудь из персонала, прежде чем начать курить.

— Может быть, а что? — тихо отвечает он, и я чувствую это, пропасть между нами снова увеличивается.

— Не мог бы ты привезти его в Роял Поинт? — спрашиваю я, и он смотрит на меня, как на сумасшедшую. — Для меня это было бы катарсисом. — Я смотрю на него из-под водопада золотисто-розовых волос. — Будь моей парой на вечеринке.

Зейд усмехается.

— Почему ты хочешь пойти со мной? Черити, ты действительно жаждешь наказаний? — я смотрю на него, кладу руку ему на колено, а затем наклоняюсь вперёд, как будто собираюсь поцеловать его. Удивительно, но он отталкивает меня назад. — Нет. Нет, я этого делать не буду.

— Почему нет? — спрашиваю я и чувствую, как все эти ужасные эмоции бурлят внутри меня. Зейд вздыхает и отводит взгляд, куря сигарету, его волосы цвета морской волны взъерошены ветром. Через мгновение он стряхивает пепел с сигареты о край стола, и горящие угольки осыпаются на сиденье скамьи внизу.

— Потому что я тебя не понимаю. Мы... обращались с тобой как с дерьмом. А потом ты вернулась, расфуфыренная и готовая убивать. Потом девочки... — Зейд просто замолкает и вздыхает, на мгновение закрывая глаза. Когда он открывает их, то смотрит прямо на меня. — Весь этот год будет потрачен впустую, если ты пойдёшь со мной на эту вечеринку.

— Это не так. Это твой шанс извиниться, если ты вообще сожалеешь.

Зейд замирает и протягивает руку, чтобы провести пальцами по волосам. Моя юбка задирается вверх по бёдрам, когда я усаживаюсь поудобнее, и он сразу замечает это, с интересом разглядывая мои подвязки и чулки. Мой палец дотягивается до края эмблемы Подготовительной Академии Бёрберри, которая вшита в карман его куртки.

— Девочки жаждали твоей крови ещё до зимнего бала в прошлом году, ты ведь это знаешь, верно? — Зейд смотрит на меня, и суровая правда написана на его лице. Моя рука перемещается от его кармана к татуировке, которую я вижу у него на груди. Когда я запускаю пальцы ему под рубашку, чтобы коснуться кожи, он не останавливает меня. Вместо этого он протягивает руку и прижимает мою к себе. — Я не могу просто так отменить всё, что произошло. Вот что означало бы пойти с тобой на эту вечеринку.

— Это значило бы для меня многое, вот что это могло бы значить, — говорю я ему, и наши взгляды встречаются. Он неуверенно обнимает меня за талию и притягивает к себе на колени. Мне так приятно снова сидеть с ним, что на мгновение я просто закрываю глаза и расслабляюсь.

— Тебе нечего делать с таким идиотом, как я, — произносит он, и теперь я слышу это в его голосе, вину, густую и тяжёлую, которая давит на него. — Это волчье логово, Марни, и тебе не следует здесь находиться.

— И всё же я здесь, — говорю я, думая о татуировке у себя на бедре. — Пойдём со мной на вечеринку, Зейд.

Через мгновение он вздыхает и кладёт подбородок мне на макушку.

— Прекрасно, но, чёрт возьми, это глупо, — ворчит он, слегка бубня себе под нос. — Ты блять убиваешь себя, Марин, чёрт возьми.

Самое страшное в его заявлении то, что... он почти прав.

Академическая битва в конце года чуть не убивает меня. Я так устала, что едва могу держать глаза открытыми, а мои результаты по тестам так пугающе близки к результатам Тристана, что всё сводится всего к нескольким заданиям. А именно, тот плохой балл за эссе и контрольную, который он заработал сам, пытаюсь поиздеваться надо мной. Если бы он этого не сделал, то, возможно, победил бы.

— Поздравляю, Марни! — Миранда подбадривает меня, обвивая руками мою шею и прижимая к себе. Эндрю держит в руках воздушные шарики и шоколад, в то время как у Зака ящик пива и поздравительная открытка, а Виндзор крутит на ладони только что приготовленную пиццу, которую он прихватил с вечеринки по случаю окончания года в столовой. На самом деле никто не тусуется на вечеринках с пиццей: студенты просто берут еду и убегают. Персонал даже не возражает. Да и почему бы им это делать? Сегодня последний день экзаменов, а завтра официальный последний учебный день и выпускной бал.

Однако никого из нас там не будет, потому что мы все будем в четырёх часах езды на озере Тахо и в Роял Поит, домике на побережье и гостевом доме. Раньше он принадлежал основателю академии Лукасу Бёрберри, но был подарена фонду школы после его смерти. Он стоит более *семидесяти пяти миллионов* долларов, и в там находится огромный причал, который стал пристанищем для сверхбогатых. У большинства студентов Бёрберри есть родители, которые держат там лодки и яхты.

Мои друзья набиваются ко мне в общежитие, и мы раздаём пиццу, пиво и газировку, пока на заднем плане идёт фильм, который никто не смотрит. Смутно мне интересно, где сейчас находятся Идолы. Девочки немного отступили после того, как чуть не утопили меня, но я не думаю, что это из милосердия или потому, что они плохо себя чувствуют. О нет, я представляю, что для меня всё вот-вот станет намного хуже.

Виндзор лежит на кровати, положив голову мне на колени, и я чувствую странное покалывание по всему телу. Я знаю, что он просто от природы кокетливый и открыто выражающий свои эмоции, и последнее, что мне нужно, — это беспокоиться о другом парне, но в принце есть что-то такое, что заставляет меня чувствовать себя странно внутри. По странному хорошо.

Зак наблюдает за нами, но он ничего не сказал с того дня в столовой. Часть меня надеется, что он просто выжидает своего часа и ждёт окончания выпускного, чтобы сделать шаг. Другая часть меня не уверена, хочет ли она этого. Потому что... а как насчёт Крида или Зейда? Тристан... сам по себе является отдельным источником беспокойства. Он мне интересен, и был интересен некоторое время, но я не хотела этого признавать, потому что, во-первых, он полный грёбаный мудака. И, во-вторых, я не могу решить, жениться ли он на Харпер, чтобы порадовать свою семью, или сбежит в закат с Лиззи Уолтон.

В любом случае, мне там места не остаётся.

Я отбрасываю эти мысли в сторону и пытаюсь наслаждаться собой — и своей победой над Тристаном, потому что, да ладно, насколько это здорово? В конце концов, мы все засыпаем, и я просыпаюсь несколько часов спустя в объятиях Эндрю, Миранды и Зака. Виндзора нигде не видно, но, когда я встаю, чтобы сходить в ванную, я замечаю, что дверь в мою комнату приоткрыта, и решаю посмотреть, нет ли его снаружи.

Он стоит, наблюдая за восходом солнца. Я сажусь рядом с ним, и мы просто зависаем там некоторое время в тишине.

— Ты знаешь, — говорит он, оглядываясь на меня. Я немного дрожу на холодном утреннем воздухе, поэтому он придвигается ближе и сажает меня к себе на колени. От этого движения у меня в животе возникает ощущение, что я катаюсь на американских горках. — Думаю, мне действительно могло бы здесь понравиться. Обычно я остаюсь в школе столько, сколько мне требуется, чтобы познакомиться со всеми девочками, а потом делаю всё, что нужно, чтобы меня выгнали.

— По-моему, звучит довольно одиноко, — говорю я ему, и он пожимает плечами. Сейчас я чувствую его запах, похожий на запах нарциссов, с оттенками чёрного дерева и голубого кедра. Я не уверена, одеколон это или просто его естественный аромат. В любом случае, у меня от него порхают бабочки в животе.

— Я вернусь сюда в следующем году, — повторяет он, и я улыбаюсь. — Я имею в виду, по крайней мере, на короткое время.

— Я была бы рада, — говорю я, и мы продолжаем любоваться восходом солнца.

Позже я узнаю, действительно ли Идолы придут на вечеринку... или подставят меня. Здесь на кону всё моё будущее, на кону здоровье моего отца, и это просто слишком — доверять парням, которые уже предали меня.

— Виндзор, — начинаю я, и он кивает в знак согласия. — Я не хочу предполагать, что сегодня вечером всё пойдет плохо...

— Но, если они это сделают, прыгнуть в бассейн и сделать искусственное дыхание рот в рот? — спрашивает он, и я ухмыляюсь.

— Да, пожалуйста.

— Так вот, — заявляет он, прежде чем поставить меня на ноги и поднять вместе с собой, — сейчас это была метафора.

Академия предоставляет машины, которые доставляют студентов на озеро, но теперь, когда год закончился, запреты сняты, все просто хотят вернуть свои машины. Эндрю такой чертовски милый и снова позволяет мне водить его «Ламбо», хотя я почти уверена, что уже более чем справедливо воспользовалась его одолжением.

Он едет сзади с Виндзором, в то время как Миранда сидит на пассажирском сиденье; Зак берёт свою собственную машину, а Идолы — которые всё ещё без машин — едут с кем-то из других Голубокровных.

— Почему ты не водишь какую-нибудь шикарную спортивную машину? — спрашивает Миранда, оборачиваясь, чтобы посмотреть на принца. — Ты практически прославился тем, что покупаешь, а затем разрушаешь лучшее из лучшего. — Виндзор ухмыляется, но, когда я смотрю в зеркало заднего вида, чтобы увидеть его отражение, по его лицу пробегает странная тень.

— Наверное, просто слишком ленив, чтобы водить машину, — растягивает он слова, но у меня такое чувство, что это не вся правда. Однако сегодня не тот день, чтобы давить на него. У меня и так достаточно дерьма, с которым нужно разобраться.

Поездка приятная, лёгкая и в некотором роде забавная, потому что по лесу пробирается длинная вереница роскошных автомобилей, изготовленных из стали, кожи и резины стоимостью в миллионы долларов.

Мы все паркуемся на гравийной стоянке перед коттеджем и несём наши сумки в главный дом. Там тоже есть пляжный домик, но второкурсникам не разрешается в нём

останавливаться. Это привилегия третьего курса. Как ни странно, здесь также есть стеклянная коробка, похожая на лифт, называемый фуникулёром, который идёт от главного дома до самого пляжа. Это что-то вроде медленно движущихся американских горок с закрытым вагоном, и всё это на собственной миниатюрной железной дороге. Честно говоря, у меня просто дух захватывает, когда я вижу, как люди садятся в него и быстро спускаются к берегу. Но больше, похоже, никто не впечатлён, поэтому я стараюсь сохранять хладнокровие. Крестьянские проблемы, да?

Первую половину дня персонал слоняется без дела, а Зак, Виндзор, Эндрю, Миранда и я развлекаем себя играми — извините, без ставок — и закусками. Как только наступает ночь, Клуб Бесконечность вступает во владение, и персонал таинственным образом исчезает.

Очевидно, что у этого чёртова клуба тоже есть свои связи в административном офисе академии Бёрберри.

Харпер и её подруги исчезают, чтобы переодеться, и я начинаю потеть, когда парней-Идолов нигде не видно. Они сели в машину, это точно, но с тех пор я их не видела.

— Расслабься, — шепчет Зак, пока Виндзор изучает моё лицо. Миранда и Эндрю тоже пошли в свои комнаты переодеваться, так что у нас есть минутка, чтобы свободно поговорить. — Они будут здесь.

— Лучше бы так и было, — бормочу я, и мы с Виндзором обмениваемся взглядами. Пока я отвлекаюсь, убирая карточную игру, он исчезает, как всегда, но я говорю себе не волноваться. Он был там, у бассейна, когда я нуждалась в нём, и он обещал, что будет здесь сегодня вечером. Что бы ни нужно было сделать, Виндзор Йорк это сделает.

Когда Харпер и её свита спускаются по лестнице в сверкающих платьях, с пышными причёсками и макияжем, я пользуюсь этой возможностью, чтобы переодеться в свой собственный наряд: корсет из розового золота и короткую пышную юбку в тон моим волосам. В сочетании с чёрными туфлями на каблуках это чертовски милый наряд. Я потратила на него гораздо больше, чем следовало, но я хотела выглядеть соответствующим образом.

Я хотела выглядеть победителем.

Возвращаясь в огромную открытую комнату домика рядом с балконом, я нахожу ожидающую меня Харпер Дюпон. Площадь главного дома составляет более шестнадцати тысяч квадратных футов, так что заблудиться довольно легко. Может быть, она думает, что я сбегу и попытаюсь уклониться от нашего пари?

— И что? — спрашивает она, когда мои каблуки стучат по полу, и я подхожу, чтобы встать перед ней, держа клатч как щит перед своим телом. — Где они? — мои глаза обшаривают комнату и находят Зака в углу, скрестившего руки на груди, прислонившегося к стене, чтобы наблюдать и ждать. Миранда и Эндрю находятся на заднем двореке, сидят вокруг одного из очагов с напитками в руках. Они не знают о пари, поэтому совершенно не подозревают о напряжении, нарастающем прямо за раздвижными стеклянными дверями.

Остальные Голубокровные развалились на диванах и стульях в комнате, наблюдая за мной. Они напоминают мне клан вампиров или что-то в этом роде, красивые, но опасные. Элегантные снаружи, внутри — кровососущие демоны. Мои глаза сужаются, когда Харпер начинает расхаживать вокруг меня.

Из динамиков начинает литься музыка, и зал заполняется огромной толпой. Есть второкурсники, третьекурсники и четвертокурсники, все вперемешку. Не имеет значения: все они знают, где будет разворачиваться драма и главное действие, и это там, где находятся

Идолы и их Ближайшее окружение.

Проходят минуты, и я сижу в ожидании. Проходит почти час, и я начинаю беспокоиться. Я пишу парням, но не получаю ответов, а Харпер начинает терять терпение.

— У тебя есть время до четверти после полуночи, — огрызается она, кладя руки на подлокотники кресла и наклоняясь так близко, что я чувствую её фирменный аромат персика и ванили. Мой желудок переворачивается от тошноты, Зак подходит и встаёт рядом со мной. — Отвали, Брукс. Это дела клуба, ты ни хрена не можешь сделать. — Он рычит на неё, но не двигается со своего места, окружая меня, как телохранитель.

К этому моменту Миранда и Эндрю поняли, что что-то происходит.

— Что ты сделала?! — Миранда огрызается на меня, когда я рассказываю ей, и я съёживаюсь. — Я имею в виду, что это наполовину блестяще, а наполовину совершенно безумно. — Она достаёт свой телефон и начинает взрывать телефон Крида. — Нет никаких причин, по которым он не должен быть здесь, — бормочет она, резко выдыхая. — Он бы не сделал ничего подобного.

К этому моменту новость о пари распространяется со скоростью лесного пожара. Все знают. И они все смеются надо мной.

Идолы появляются только через полтора часа после того, как началась вечеринка.

Я вскакиваю со стула, когда они втроём входят, всё ещё одетые в школьную форму.

Зейд первым замечает меня и направляется прямо ко мне.

— Возникли проблемы с машиной, — говорит он, а затем хмурится, когда Грег Ван Хорн входит следом за ним. Он насвистывает и крутит ключи на пальце, и именно тогда я начинаю задаваться вопросом, должны ли были ребята вообще сюда попасть. Харпер выглядит взбешённой. — Позволь мне уточнить: проблемы с машиной и телефоном. Кто-то украл наши грёбаные телефоны.

— Должно быть, это снова была шутка старшеклассников, тебе так не кажется, Харпер? — спрашивает Тристан, подходя и становясь прямо перед ней. — Что, чёрт возьми, всё это значит? Очевидно, ты не хотела, чтобы мы появлялись здесь сегодня вечером. — Она пожимает плечами, как будто не понимает, о чём он говорит.

Я оглядываюсь на Крида, когда он подходит и встаёт рядом со мной, его взгляд обводит переполненный зал и нетерпеливо блестящие глаза как Голубокровных, так и Плебеев.

— Марни? — протягивает он, и от его беззаботного голоса у меня по спине пробегают мурашки.

Харпер решает взять инициативу в свои руки, подходя и становясь так близко ко мне, что ткань наших платьев сливается воедино.

— Итак, Марни, с кем из этих парней ты встречаешься сегодня вечером? — я перевожу взгляд с одного парня на другого, а затем смотрю ей прямо в глаза.

— Всеми тремя, — отвечаю я, когда Тристан поворачивается, чтобы посмотреть на нас, прищурив глаза, прежде чем взглянуть на Крида, а затем на Зейда. И тут я замечаю сумку Зейда, стоящую у двери... и прислонённый к ней дурацкий прошлогодний трофей. Подойдя, чтобы поднять его, я поворачиваюсь лицом к внезапно воцарившейся тишине в комнате.

— Ну? — спрашивает Харпер, многозначительно глядя на Тристана. Она протягивает руку со своим обручальным кольцом и покачивает им, чтобы все видели. — Тристан? Это правда? Ты с этой девушкой? Я имею в виду, она поспорила, что так оно и будет. Вы все трое. Она поспорила, что могла бы заставить тебя влюбиться в неё. Так скажи мне: ей это удалось?

Сжимая трофей, я чувствую, как учащённо бьётся моё сердце, когда парни-Идолы обмениваются взглядами. Тут нет крутых видеороликов, банок с краской или трусиков, которые можно выбросить, но, по крайней мере, они здесь. По крайней мере, я сделала это. То есть, если они решат сказать правду. Одна ложь от одного из парней может потопить меня прямо сейчас.

— Это правда, — произносит Зейд, раздувая ноздри. Он встаёт со своего места на стуле и обращается к присутствующим. — Я здесь как её кавалер.

— Я тоже, — протягивает Крид, наблюдая, как я сжимаю этот трофей, с определённым одобрением в его голубых глазах. Миранда издаёт писклявый звук, привлекая внимание своего брата. Они обмениваются одним из тех безмолвных взглядов близнецов, и я резко выдыхаю.

Я подумала... что Идолы будут в ярости.

Зейд и Крид, по крайней мере, кажутся совсем не такими.

— Я больше не причиню ей боли, — говорит Зейд, его голос такой громкий, что эхо разносится по похожей на пещеру комнате. Бекки таращится на него, разинув рот, но ему, похоже, насрать. — Извини, но я вышел из игры. Я больше не буду этого делать. Отдай трофей Марни и оставь её, чёрт возьми, в покое.

Харпер сжимает челюсти, когда поворачивается к Тристану.

— Я твоя невеста, — осторожно говорит она, подходя к нему вплотную и берясь за лацканы его шерстяного пальто. — И у меня Уильям на быстром наборе. Так скажи мне, Тристан, ты сегодня здесь со мной... или с ней? — лидер Голубокровных переводит взгляд с Харпер на меня, его серые глаза горят.

— Ты же знаешь, я никогда не был верным парнем, — рассеянно размышляет Тристан, засовывая руки в карманы. — Ну ни с кем, кроме Лиззи. — Он смотрит мимо Харпер прямо на меня. — Я тоже здесь с Марни. Так что, на какую бы глупость ты с ней ни поставила, сдавайся. Ты проиграла.

Медленная непринуждённая улыбка появляется на лице Крида, когда он подходит ко мне, и Эндрю отчаянно пытается убратся с его пути. Миранда всё ещё стоит разинув рот, а Зак хмурится. Что касается меня, то я просто обнимаю трофей и пытаюсь понять, сон ли это. Всё получается хорошо, даже слишком хорошо. Единственное, что... Идолов, похоже, не волнует, что я пытаюсь им отомстить. Как будто для них это вообще не имеет значения. Или... может быть, это действительно имеет значение, но не такое, как я ожидала?

— Ты издеваешься? — Харпер усмехается, оглядываясь на Бекки и Илеану, прежде чем повернуться ко мне. — Какого хрена ты натворила? У тебя что, волшебная долбаная вагина или что-то в этом роде? — толпа ропщет, и я хмурюсь.

— Занималась я с ними сексом или нет, не имеет значения, — огрызаюсь я, цепляясь за трофей и чувствуя себя так, словно за пять минут постарела на десять лет. — Они здесь, со мной, и все тут. Ты должна позаботиться о моём отце в медицинском центре твоей семьи. И извини, я не буду пресмыкаться у твоих ног, чтобы ты могла снять это на видео и выложить на YouTube. — По толпе пробегает рябь, и я вижу, как голубые глаза Крида расширяются.

— Ты... заключила пари на лечение твоего отца? — мягко спрашивает он, и я киваю.

— Итак, ты начала лечить этого человека, пригрозила прекратить это делать, а затем каким-то образом загнала Марни в угол, заключив пари, которое, как ты думала, ты не сможешь проиграть? — уточняет Зейд, и его голос звучит раздражённо, в нём слышится лёгкое рычание рок-звезды. — Господи, Харпер, ты ещё больше облажалась, чем все мы.

— Я не загоняла её в угол: она сама пришла ко мне, — задыхается Харпер, поворачиваясь к Тристану. — Всё, что я пыталась сделать, это избавиться от неё. Это то, что мы пытались сделать всё это время.

— Я, пожалуй, выпью, — мягко говорит Тристан, полностью игнорируя свою невесту. — Тебе содовой, Марни?

— Да, пожалуйста, — шепчу я, и толпа расступается, когда Тристан поворачивается и направляется к столику с напитками. Они расчищают ему путь, чтобы он мог вернуться и передать мне стакан со звенящими кубиками льда.

— Это... — Харпер начинает, но толпа уже двинулась дальше. Ставки в Клубе Бесконечности делаются постоянно. Они видели, как выбрали победителя, и теперь они смирились с этим. Единственный человек, который всё ещё одержим, — это Харпер Дюпон. — Это она пригласила всех вас троих. Она думает, что вы в неё влюблены.

— Может быть, так оно и есть? Кто ты такая, чёрт возьми, чтобы судить? — рывкает Зейд, поднимаясь на ноги. Он возвышается над Харпер, и я испытываю небольшой прилив удовольствия, когда она отступает. — Марни победила, правила Клуба Бесконечности. А теперь двигайся дальше и смиришься с этим. — Он толкает её назад, тыча пальцем в плечо, и она издаёт один из своих фирменных визгов, прежде чем повернуться и потопать прочь.

Какое-то мгновение я просто стою там, дрожа. А потом я беру свой напиток, свой трофей и свои эмоции, мчусь к себе в комнату и хлопаю дверь.

Миранда, Зак и Эндрю проверяют меня, но мне просто нужно немного времени, чтобы всё обдумать. Я не могу решить, расстроена ли я из-за того, что ребята не были эмоционально разбиты так, как я... или испытываю облегчение. И затем... Я чувствую себя такой потерянной, как будто понятия не имею, что теперь делать.

После того, как у меня появилось немного времени на раздумья, я роюсь в своих сумках в поисках спортивных штанов, внезапно отчаянно желая переодеться из этого вызывающего зуд платья, и понимаю, что оставила ещё одну сумку в машине. Осторожно, избегая толпы, я выскальзываю через заднюю дверь и прохожу мимо беседки, где Харпер и её дружки пьют и громко жалуются на меня.

К чёрту их.

Я направляюсь к «Ламборгини», открываю её и беру свою сумку.

Когда я оборачиваюсь, Джон Ганнибал, Грегори Ван Хорн и Харпер Дюпон ждут меня вместе с большинством других Голубокровных на буксире.

— Хватайте её, — говорит Харпер, и я даже не успеваю закричать, как Грег зажимает мне рот рукой и прижимает меня к своей груди.

«Ни за что, черт возьми», — думаю я, пока они тащат меня через стоянку, я размахиваю руками, лягаюсь и цепляюсь за руку Грега. Когда Джон и этот новый парень, Бен, подходят и хватают меня за ноги, я понимаю, что у меня серьёзные, очень серьёзные неприятности.

Они несут меня вокруг дома, к фуникулеру, затаскивают нас всех внутрь и нажимают кнопку, которая доставит нас на пляж. При любых других обстоятельствах я бы с удовольствием прокатилась на этой штуке. На данный же момент я в ужасе.

Мы выходим на пляж и сразу же направляемся к причалу, грузимся на одну из лодок и отправляемся по озеру. Десятки других студентов уже там, веселятся на разных лодках. Харпер выбирает место прямо посреди озера Тахо и просит Сая бросить якорь.

Сейчас мы на верхней палубе, и там нет ничего, кроме нескольких фонарей и

нескольких белых мерцающих огоньков, которые разгоняют темноту.

Харпер смотрит на меня, а затем улыбается.

— Я думаю... мы должны начать вечер с того, что посмотрим, на что действительно способна наша Работяжка, — начинает она, кивая подбородком в сторону Грега. Его смех тревожный и мрачный, когда он и другие парни толкают меня на палубу и прижимают к полу, широко расставив мои ноги.

Вот тогда до меня по-настоящему доходит, что происходит.

Они собираются изнасиловать меня.

Я пытаюсь закричать, но едва могу дышать из-за руки Грега. Сразу же срабатывают мои инстинкты бегства и борьбы, и я начинаю молотить руками. Но когда у парней возникают проблемы с тем, чтобы удержать меня, на меня просто набрасываются ещё нескольких Голубокровных, пока меня не удерживают в заложниках шесть человек.

Джон передаёт Мэйлин мою ногу, а затем придвигается, как будто собирается опуститься на колени между моих ног.

Именно тогда я слышу урчание маленького двигателя и скрип лестницы, прежде чем Зак Брукс появляется над краем. Он, не колеблясь, бросается на Джона, застав другого парня врасплох. Завязывается драка, и даже несмотря на то, что Джон, Грег и Бен нападают на него одновременно, Зак стоит на своём.

Теперь, когда меня удерживает меньше людей, я сопротивляюсь ещё яростнее, отталкивая Мэйлин и пиная ногой один из керосиновых фонарей. Он ломается, а затем переваливается через край, оставляя огненный след вдоль разлитого масла. Языки пламени начинают лизать борт лодки, и в быстрой последовательности загораются и другие фонари.

Голубокровные, удерживающие меня, тащат меня к трапу и фактически сбрасывают на нижнюю палубу. Я с ворчанием ударяюсь, как раз перед тем, как Илеана хватает меня за волосы, а несколько других девушек хватают меня за руки и ноги. Несмотря на то, что я брыкаюсь и кричу, а языки пламени лижут борт лодки, никто этого не замечает и не заботится об этом. Озеро огромное, на пляже много костров, оружие подростки и из стереосистем доносится музыка. Я всего лишь капля в море.

Ещё одна маленькая яхта причалила к той, на которой мы находимся, и девушки тащат меня к ней.

Меня снова поднимают на верхнюю палубу и сажают в кресло, верёвки обмотаны вокруг моих запястий и лодыжек.

Харпер тяжело дышит и переводит взгляд с меня на другую лодку, где Зак всё ещё размахивает кулаками.

— Держи её здесь, пока не придут все остальные, — рывкает Харпер на Бекки, и я предполагаю, что у неё, должно быть, есть друзья-Плебеи на подходе, учитывая, что здесь почти все Голубокровные, кроме Майрона Тэлбота. — Я покончу с этой девушкой; это дерьмо закончится сегодня вечером.

Харпер стремительно подбегает ко мне, и я плюю в неё. Её ладонь быстро поднимается и бьёт меня по лицу.

— Да что с тобой не так?! — кричу я в ответ, но, как я уже сказала, я почти уверена, что она социопатка, или психопатка, или кто там ещё, чёрт возьми. Сегодня вечером я обыграла её в её же собственной игре. Ей это не понравилось. Ни капельки.

— Сломайте ей пальцы. — Харпер отдаёт этот приказ своим друзьям, а затем наклоняется, чтобы заглянуть мне в лицо. — Ты никогда, и я имею в виду, вообще никогда

больше не будешь играть на своей арфе. Как тебе такое, маленькая сучка?

— А как ты относишься к тому, что я засунул тебе ботинок в задницу? — спрашивает Зейд, появляясь на верхней ступеньке лестницы. Из уголка его рта тычет кровь, но в остальном он выглядит нормально. За ним следуют Тристан, Крид и Миранда.

Харпер насмехается над ними, пока Зейд развязывает меня и тянет наверх, оттаскивая нас на противоположную сторону лодки, чтобы Тристан и Крид могли помочь создать вокруг меня живой щит. Остальные Голубокровные поднимаются по трапу, создавая пропасть в центре яхты. Зак поднимается последним и оказывается в ловушке позади них на противоположной стороне.

По воде пляшут языки пламени.

Как это произошло, я понятия не имею. Только что мы боролись на лодке Харпер, а в следующую секунду фонарь был опрокинут, и керосин разлился повсюду. Как он оказался на поверхности озера, я не знаю.

Моё сердце бешено колотится, когда я прижимаю руки к груди, как будто это драгоценные камни. *Я чуть не утратила способность играть музыку на арфе... навсегда.* Это, и они... Я не могу думать о том, что меня чуть не изнасиловали. Не прямо сейчас. Девушки-Идолы переступили черту не один и не два раза, а теперь уже трижды. Парни правы: они действительно хотят меня убить. Клуб Бесконечности вполне может стать причиной моей смерти.

Челюсть Тристана крепко сжата, его руки с побелевшими костяшками сжаты в кулаки. Он смотрит на Харпер таким взглядом, который напугал бы меня до чёртиков, будь он направлен на меня. Она кажется невозмутимой, когда переводит на меня свои голубые глаза, ненадолго останавливаясь, чтобы убедиться, что у неё всё ещё приличная свита, прежде чем снова наброситься на меня.

— Что бы ты ни думала сделать прямо сейчас, — говорит Тристан, его голос ровный, как чистый коньяк, — не смей. — Это слово срывается у него с языка, гнев ощутимо читается в точёных чертах его красивого лица. *«Они спасли меня»*, — думаю я, переводя взгляд с Тристана на окровавленную губу Зейда и на Крида, обнимающего Миранду. Бедняга Зак всё ещё застрял на противоположной стороне лодки, за стеной вражеской Голубой Крови.

— Если ты сделаешь это, — начинает Харпер, двигаясь вперёд, и её короткие каштановые волосы — любезно предоставленные Виндзором Йорком — развеваются на ветру. *Не рой яму другому.* Отступая на шаг, я в конце концов натываюсь на Зейда. Одна из его рук обнимает меня, и меня внезапно переполняют эмоции. Как будто с каждым вдохом я колеблюсь между возбуждением и ужасом. *«Пожалуйста, не прикасайся ко мне; прикасайся ко мне ещё; отойди от меня; целуй меня, пока я не увижу звёзды».* — Тогда ты отказываешься от контроля над академией. Вы все Плебеи.

Эбигейл Фаннинг и Валентина Питт окружают Харпер, когда она движется к нам, стул с всё ещё прикреплёнными верёвками стоит между их группой и нашей. Когда я смотрю мимо Харпер на Зака, я вижу, что он истекает кровью после драки.

— Если ты думаешь, что мы так легко сдадимся, — протягивает Крид, глядя на меня и заставляя всё моё тело загораться чувствами. Он тоже дрожит, но пытается скрыть это, откидывая с лица прядь своих ангельских волос. Не будет ли сейчас неподходящим моментом думать о том джакузи? Да, наверное. — Тогда ты явно недостаточно внимательна. Мы уничтожим тебя.

Рот Харпер остр, как лезвие, а её глаза сверкают яростью и ненавистью. Ей не нравится проигрывать — особенно такому человеку, как я. К её чести, ей удалось привлечь на свою сторону большую часть Голубой Крови. Об остальных мы не узнаем, пока не доберёмся до берега. Что у неё действительно есть, так это трио мальчиков — Грег, Джон и Бен — которые, скорее всего, станут её версией Идолов.

— Значит, ты разрушишь величайшее собрание Голубокровных в истории Бёрберри ради какой-то простолюдинки? Мы — будущие правители мира. Люди живут и умирают в зависимости от решений, которые принимают наши семьи. Я твоя невеста, Тристан. — Харпер начинает двигаться вперёд, но затем останавливается, когда скрипит лестница, объявляя о новом посетителе нашего маленького званого вечера.

Виндзор Йорк, моё секретное оружие и потрясающий новый друг, появляется с ухмылкой.

— Ну, чёрт возьми. — Он переваливается через край, а затем встаёт, прежде чем провести ладонями по переду своей формы. Его карие глаза окидывают сцену одним махом. — Похоже, я немного опоздал на вечеринку.

Без колебаний он подходит, встаёт перед Зейдом и протягивает мне руку. Впечатляет, как пламя от горящей лодки окрашивает его рыжие волосы в малиновый цвет. Зейд тянет меня назад, когда я протягиваю руку к Виндзору, и принц приподнимает бровь, прежде чем вздохнуть.

— Да, сильно опоздал, придурок. — Зейд зол, но не на меня и даже не на Виндзора, а на всю ситуацию в целом. Несмотря на то, что я ценю это чувство, я высвобождаюсь из его хватки и принимаю собственную решительную стойку. Несмотря на то, что здесь мои друзья, и я ценю их, я не могу полностью доверять никому, кроме себя. — Если бы мы не добрались сюда вовремя... — голос Зейда затихает, но он должен знать, что Виндзор определённо на нашей стороне. Он просто помогал другими способами. Это всё, что я знаю.

Принц бросает на Харпер и её друзей скептический взгляд.

— Я сломал мотор на лодке твоих друзей. Я не думаю, что они появятся сегодня вечером. — Лицо Харпер приобретает почти такой же красный оттенок, как волосы Виндзор. Она в ярости. — И я не опаздываю. — Он драматично закатывает глаза и подмигивает, я бы ответила тем же, если бы не была так потрясена. — Я видел, как Зак поднимался сюда, а эти идиоты тащились за ним. — Он указывает на мальчиков-Идолов, и Тристан рычит на него. — Моё время было с пользой потрачено в другом месте. О! — как будто это только что пришло ему в голову, Виндзор щёлкает пальцами и задирает ворот своей рубашки.

Там есть татуировка, татуировка *бесконечности*.

Вся лодка замолкает.

— Я сопротивлялся Клубу долгое, очень долгое время, но Марни нужен кто-то внутри, кто прикрывал бы её спину, так что... я здесь! — Виндзор поднимает руки для выразительности, как настоящий шоумен. — О, и я ужасный, порочный грёбаный придурок. У меня нет трастового фонда или родителей, дышащих мне в затылок и контролирующих мой кошелёк: у меня есть *девять миллиардов* личных активов, с которыми можно поиграть. — Виндзор замолкает, подперев голову рукой. — Ну, я полагаю, *двенадцать миллиардов* в долларах США.

— Ты думаешь, что можешь угрожать мне? — Харпер фыркает от смеха. — Какой-то десятый принц из страны, о которой никто даже не знает?

— Англия? — спрашивает Виндзор, и в его голосе слышится ирония. — Ты ведь знаешь, откуда пришли пилигримы, верно?

Харпер поворачивается к Тристану, отчаянно желая добиться успеха хоть с кем-нибудь. Очевидно, что Виндзор не заинтересован в её играх. Парень танцует в такт своему собственному барабану, это уж точно.

— Последний шанс, Тристан. — Харпер абсолютно серьёзна, но Тристан просто ухмыляется ей.

— Ты пожалеешь, что вообще встретила меня, — отвечает он стальным голосом. Зак обходит стаю Голубокровных и встаёт рядом со мной. Меня тошнит, когда я вижу, как кровь стекает по его лицу; ему срочно нужно наложить несколько швов. Его тёмные глаза встречаются с моими, и я вздрагиваю. Я в долгу перед ним за то, что он взял на себя Грега, Джона и Бена. Трое на одного, очень впечатляюще.

— Считай, что ты добился своего, — огрызается Харпер, швыряя дорогое кольцо своему бывшему жениху. Тристан без проблем ловит его, а затем поворачивается ко мне.

— Поехали. У меня есть одна из папиных яхт. — Тристан подходит и встаёт рядом со мной, обхватывая ладонями моё лицо, в то время как другие парни напрягаются. Ну, за исключением Виндзора: он просто смеётся, и звук эхом разносится по озеру. Затем король Бёрберри проводит большим пальцем по моей нижней губе, прежде чем усмехнуться принцу. Я использую этот момент, чтобы отдалиться от него, отдалив заодно и своё сердце на некоторое расстояние, чтобы мой мозг мог ясно мыслить.

Миранда смотрит на меня, и мне трудно понять, почему она выглядит наполовину испуганной, наполовину ревнивой. Ревнивой к кому? Не из-за меня ведь, верно? Она подходит и встаёт рядом со мной, отстраняясь от Крида, а затем шепчет мне на ухо.

— Который из них? — она окидывает парней сдержанным, оценивающим взглядом, в то время как Харпер и её дружки медленно покидают лодку. Здесь больше ничего нельзя сделать. В следующем году... будет война.

Я ничего не говорю, потому что меня отвлекает Тристан, встающий прямо перед лицом Виндзора.

— Ты, проваливай домой, в Англию и объебись; ты нам здесь не нужен.

— А кому это, собственно, нам? — спрашивает принц, глядя на меня сверкающими карими глазами. Он приподнимает бровь, когда Тристан переводит взгляд с нас на него и хмурится. Он поправляет своё шерстяное пальто и снова обращает свой свирепый взгляд на Виндзора. — Насколько я могу судить, Марни очень нуждается во мне.

— И почему же? — требует Тристан, с вызовом вздёргивая подбородок. Я не уверена, что смогу когда-нибудь по-настоящему доверять ему или что он когда-нибудь действительно станет моим, но... по крайней мере, он могущественный союзник против Харпер Дюпон.

— Потому что мы встречаемся, — невинно отвечает Виндзор. Я не уверена, пытается ли он выиграть для меня время, дать мне уйти или... действительно ли он хотел бы встречаться со мной. Мне придётся побеспокоиться об этом позже. Однако никто из парней, кажется, не особенно этому рад.

Тристан просто смотрит на меня своими штормово-серыми глазами, а затем поворачивается, чтобы направиться к трапу лодки. Но Харпер всё ещё стоит там и ждёт. Она встречается с ним взглядом, в котором горит вызов, а затем поворачивается ко мне.

— Наслаждайся летом, Марни. Оно будет последним. — Харпер поворачивается и исчезает внизу по трапу, как раз перед тем, как мы слышим, как с ворчанием заводится

мотор лодки.

— Она только что угрожала моей жизни? — я задыхаюсь, но почему меня это удивляет? Это было бы не в первый раз.

Ну, чёрт возьми... Учёба закончилась, лето началось, и утром мы все должны были отправиться домой. Я вернусь в Круз-Бей к своему отцу, а парни отправятся... куда бы они ни отправились.

На данный момент всё стоит на паузе.

Наступит сентябрь, и все перчатки будут сброшены. По крайней мере, так я думаю в тот момент.

— Давай, Марни, у меня тоже есть лодка, — говорит Миранда, хватая меня за руку и уводя подальше от парней. Я игнорирую их всех, проходя мимо и спускаясь по лестнице, но они всё равно следуют за мной.

Второй год в Подготовительной Академии Бёрберри был чертовски трудным.

Третий год станет грёбаным кошмаром.

Когда я впервые возвращаюсь домой после выпускного, я падаю на кровать в своей новой комнате, арфа, подаренная мне Заком, стоит у противоположной стены. Я закрываю глаза и проваливаюсь в отключку на добрых двенадцать часов. Когда я просыпаюсь позже с сухостью во рту и отчаянной потребностью в воде, я решаю, что действительно буду скучать по вагону поезда. Я горжусь папой за то, что он нашёл для нас этот дом, и даже при его скромности он в четыре раза больше и в десять раз красивее трейлерного парка.

Но всё же... иногда перемены даются с трудом, даже если они хорошие. Нужно время, чтобы приспособиться. И вообще, я могу жить только в одном месте: я должна выбрать.

Пробираясь на кухню, я щурюсь от яркого солнечного света и роюсь в шкафчиках в поисках стакана для воды. Все они пусты, поэтому я перехожу к коробкам, бросая на пол комочки коричневой упаковочной бумаги. Как только я нахожу чашку, я наполняю её, выпиваю всю, снова наполняю. И тогда я, наконец, проверяю свой телефон, просматривая текстовое сообщение от папы, сообщающее мне, что он будет дома позже вечером.

Прошлая ночь была чертовски безумной, не говоря уже об её опасности. Ужасающей. Я качаю головой, потому что не готова думать о том, что могло произойти. Вместо этого я сосредотачиваюсь на позитиве. Позже, я уверена, у меня будет настоящий срыв, когда эмоции захлестнут меня.

Я сделала это. Я обманула парней. Я выиграла пари.

И всё же... они всё равно остались со мной.

Слава богу, у меня есть лето, чтобы разобраться во всём этом, думаю я как раз перед тем, как раздаётся звонок в дверь.

Босиком и в мятом вечернем платье я подхожу, чтобы открыть его, ожидая, что лето будет без парней.

Когда я открываю её, на моём крыльце стоит не один парень: их пятеро.

Тристан, Зейд, Крид, Зак и Виндзор.

— Мы не смогли договориться о том, кому следует прийти и поговорить с тобой, — начинает Тристан, оглядываясь на остальных четверых. — Поэтому, к сожалению, мы все, блядь, пришли.

— Поговорить о чём? — спрашиваю я, возвращаясь в пустую пещеру нашей новой гостиной. Ладно, я говорю «пещера», но на самом деле это довольно маленькая комната. Просто она намного больше, чем вагон поезда. Видеть, как она заполнена пятью великолепными парнями — один из которых принц, другой рок-звезда, все они богаты как грех, — это немного ошеломляет.

Парни определённо не двигаются как единое целое. На самом деле, между ними существует ощутимое напряжение, которое заставляет меня неловко ёрзать, расплёскивая воду по полу.

— Мы хотели пригласить тебя, — говорит Зак, прищурив глаза, когда Виндзор сразу замечает старую семейную фотографию, на которой изображена моя мама, берёт её в руки и рассматривает в своей обычной манере.

— Куда? — эхом отзываюсь я, чувствуя, что я единственная, кто понял всю иронию.

— Собирай вещи, — говорит Зейд с усмешкой, и я чувствую странную боль в груди.

Я сделала это, я выполнила свою задачу и отомстила ребятам. Что теперь происходит?

— Собирать вещи... для чего? — ну вот, я продолжаю отвечать вопросами, потягивая воду и пытаюсь сориентироваться в том факте, что в моей гостиной находятся пятеро самых сексуальных парней на свете.

— Мы везём тебя в Хэмптонс, — растягивает слова Крид, устраиваясь на нашем старом потрёпанном диване. Я несколько раз моргаю, чтобы осознать это утверждение, а затем смотрю на свой телефон, когда он жужжит. Миранда пишет мне смс в исступлении, наполовину от волнения, наполовину от ярости из-за того, что её близнец приехал сюда без неё.

— Хэмптонс, — медленно произношу я, и на этот раз это не вопрос.

Хэмптонс — популярное место летнего общения для представителей Голубой Крови из академии. Нет, вообще для любой Голубой Крови, живущей в Америке. Лиззи будет там со своими друзьями из Подготовительной Академии Ковентри. Виндзор, по-видимому, тоже будет там, привнеся немного английского очарования в пляж.

— Хэмптонс, — повторяет он, нахлобучивая мне на голову одну из летних соломенных шляп моего отца. — Собирайтесь, миледи, и будьте готовы. Харпер жаждет крови — и не только твоей. В любом случае, этот берег будет залит багрянцем. Давайте просто убедимся, что она не станет нашей, хорошо?

Я таращусь на него, когда он убегает вслед за Зейдом, они вдвоём исследуют мой дом, как будто они здесь хозяева.

Что касается меня, то я всё ещё стою там в коротком розово-золотом платье с красным пластиковым стаканчиком, полным воды и позвякивающими кубиками льда, и размышляю о своей судьбе.

Месть порочно сладка, но прощение — это добродетель.

Как жаль, что я никогда не была святой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net